

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС
Том 8. № 1/2022

DISCOURSE
Volume 8. No. 1/2022

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2022

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5-Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

Ю. А. Дубовский, д-р филос. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатъев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгачева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5-F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.
Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL, USA

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Соколов Б. Г. Современный историзм: универсальная история Э. Тоффлера	5
Карпов Г. В. Сколькими способами можно не совершать действие?	19
Юрьева А. В. Экзистенциальное и архитектурное пространство в мире человека: гендерный аспект	38
Горячок К. Л. Дзига Вертов и Уолт Уитмен: поэтический образ в документальном кино	51
Мамина Р. И., Почебут С. Н. Искусственный интеллект в оптике философской методологии: образовательный трек	64

СОЦИОЛОГИЯ

Глухих В. А., Елисеев С. М., Кирсанова Н. П. Искусственный интеллект как проблема современной социологии	82
Росенко С. И., Верзилин Д. Н., Пыж В. В. Состояние и тенденции развития территориальной дифференциации современной рабочей силы	94
Замотин М. П. Блюз как символическое сопротивление и репрезентация контркультурных групп в США в конце XIX – начале XX вв.	105
Помозова Н. Б. Теория М. Вебера как методология социологического анализа некоторых аспектов внешней политики современного Китая	123

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 7. Internal Logic 1	133
Иванова В. А., Ульяницкая Л. А. Лексическая интерференция русского и карельского языков в диахроническом аспекте языковой политики	142
Лекомцева И. А., Абдулманова А. Х., Куликова М. Н. Возможности поиска языковых средств выражения семантических категорий при переводе с помощью корпусных методов исследования	158
Литвинова А. А., Степанова Н. В. Лингвокультурный анализ приемов перевода при локализации английской сказки	168
Правила представления рукописей авторами	181

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Sokolov B. G. Modern Historicism: the Universal History of E. Toffler	5
Karpov G. V. How Many Ways are there Not to Act?	19
Yurieva A. V. Existential and Architectural Space in the Human World: Gender Aspect	38
Goryachok K. L. Dziga Vertov and Walt Whitman: Poetic Image in Documentary Films	51
Mamina R. I., Pochebut S. N. Artificial Intelligence in the View of Philosophical Methodology: an Educational Track	64

SOCIOLOGY

Glukhikh V. A., Eliseev S. M., Kirsanova N. P. Artificial Intelligence as a Problem of Modern Sociology	82
Rosenko S. I., Verzhilin D. N., Pyzh V. V. State and Trends of Development of Territorial Differentiation of Modern Labour Force	94
Zamotin M. P. Blues as a Symbolic Resistance and Representation of Countercultural Groups in the United States in the late 19 – early 20 centuries	105
Pomozova N. B. The Theory of Max Weber as a Methodology of Sociological Analysis for Understanding the Foreign Policy of Modern China	123

LINGUISTICS

Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 7. Internal Logic 1	133
Ivanova V. A., Ulianitskaia L. A. Lexical Interference of Russian and Karelian in the Diachronic Aspect of Language Policy	142
Lekomtseva I. A., Abdulmanova A. Kh., Kulikova M. N. Possibilities of Searching for Linguistic Means of Expressing Semantic Categories in Translation by Using Corpus-Based Methods	158
Litvinova A. A., Stepanova N. V. Linguistic and Cultural Analysis of Translation Techniques in the Process of Localization of an English Fairy Tale	168

Оригинальная статья

УДК 140.8

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-5-18>

Современный историзм: универсальная история Э. Тоффлера

Борис Георгиевич Соколов

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
sboris00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4614-0602>*

Введение. Цель статьи – фиксация универсальной историчности в реконструкции истории у одного из самых востребованных и известных американских футурологов Элвина Тоффлера. Анализ его концепции с подобного ракурса позволяет выявить в современных концепциях и, соответственно, в постсовременности (постиндустриальная эпоха) генетические связи с предшествующей традицией, связанной с индустриальной эпохой. Это позволяет исследовать современные культурные тренды, что представляется предельно актуальной задачей для гуманитарного знания. Подобный подход к исследованию современных футурологических концепций в целом и футурологии Э. Тоффлера в частности не применялся, а потому авторский подход обладает как предельной актуальностью, так и теоретической новизной.

Методология и источники. Полученные результаты исследования опирались на компаративный и текстологический анализ текстов американского мыслителя (Э. Тоффлер «Третья волна», «Шок будущего»), а также текстов авторов, которые тематизировали универсально-историческую модель понимания исторического процесса (Г. В. Ф. Гегель). При осуществлении генетического и компаративного анализа Э. Тоффлера автор использует результаты собственных исследований относительно генезиса исторического сознания новоевропейской культуры. При анализе текстов Э. Тоффлера и постиндустриального общества использовалась современная критическая литература (Е. И. Фурс, К. Ратти, М. Клодел).

Результаты и обсуждения. Модель универсальной истории, исток которой в Священной истории христианства, обладает следующими основными сущностными характеристиками: 1) наличие фигуры так называемого трансцендентального означаемого, т. е. того ментального топоса, который контролирует исторический процесс (в христианской истории таковым является Бог, в системе Гегеля – диалектическое развертывание понятия, в марксистской философии – борьба производительных сил и производственных отношений); 2) осмысление исторического процесса как тотальности; 3) наличие общего телоса исторического развития; 4) особый статус реального актора исторического события (бесправный, «марионеточный»); 5) универсальная гомогенная среда развертывания исторического процесса; 6) стадийность исторического процесса. Проведенный компаративный анализ реконструкции взглядов Э. Тоффлера и основных характеристик универсальной истории, а также использование критических источников по тематике статьи показывает, что по всем существенным вышеперечисленным пунктам история, как ее выстраивает американский футуролог, без сомнения, является универсальной историей.

© Соколов Б. Г., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Использование подобной устаревшей точки зрения современной ментальности, видение исторического процесса выполняет фактически две важные задачи, на которых акцентирует внимание автор статьи: 1) возможность увидеть и оценить стремительные перемены с точки зрения будущего (о чем заявляет сам Тоффлер); 2) инфицирование будущего моделями и подходами предшествующего индустриального общества, что проясняет процессы выстраивания современной культурной ситуации, позволяя понять актуальные тренды развития.

Ключевые слова: историзм, футурология, универсальная история, философия истории, постиндустриальное общество, Э. Тоффлер

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФ (проект № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук»).

Для цитирования: Соколов Б. Г. Современный историзм: универсальная история Э. Тоффлера // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 5–18. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-5-18.

Original paper

Modern Historicism: the Universal History of E. Toffler

Boris G. Sokolov

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
sboris00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4614-0602>*

Introduction. The article proposed to the reader aims at fixing universal historicity in the reconstruction of history by one of the most sought-after and well-known American futurists, Alvin Toffler. An analysis of his concept from such a perspective allows us to identify in modern concepts and, accordingly, in postmodernity (post-industrial era) genetic links with the previous tradition associated with the industrial era, which allows us to explore modern cultural trends, which seems to be an extremely urgent task for humanitarian knowledge. Such an approach to the study of modern futurological concepts in general, and E. Toffler's futurology in particular, has not been applied, and therefore the author's approach has both extreme relevance and theoretical novelty.

Methodology and sources. The obtained research results were based on a comparative and textual analysis of the texts of the American thinker (Toffler E. "The Third Wave", "Shock of the Future"), as well as texts of authors who thematized the universal historical model of understanding the historical process (G. Hegel). In carrying out the genetic and comparative analysis of E. Toffler, the author uses the results of his own research on the genesis of the historical consciousness of the New European culture. The analysis of the texts of E. Toffler and post-industrial society was carried out using modern critical studies (E.I. Furs, K. Ratti, M. Claudel).

Results and discussion. The model of universal history, which has its origin in the Sacred History of Christianity, has the following basic essential characteristics: 1) the presence of the figure of the so-called transcendental signified, i.e. the mental topos that controls the historical process (in Christian history, God is such, in Hegel's system – the dialectical unfolding of the concept, in Marxist philosophy – the struggle of productive forces and production relations; 2) the understanding of the historical process as totality; 3) the presence of a common telos of historical development; 4) a special status of a real actor of a historical event (disenfranchised, "puppet"); 5) a universal homogeneous environment for the unfolding of the historical process; 6) the stages of the historical process.

The comparative analysis of the reconstruction of Alvin Toffler's views and the main characteristics of universal history, as well as the use of critical sources on the subject of the article, shows that for all the essential points listed above, history, as it is built by the American futurist, is undoubtedly a universal history.

Conclusion. The use of such an outdated point of view of modern mentality, the vision of the historical process actually fulfills two important tasks, which the author of the article focuses on. 1. The opportunity to see and evaluate rapid changes from the point of view of the future (as stated by Toffler himself). 2. Infection of the future with the models and approaches of the previous industrial society, which clarifies the processes of building the modern cultural situation, allowing you to understand current development trends.

Keywords: historicism, futurology, universal history, philosophy of history, post-industrial society, E. Toffler

Source of financing: the work was supported by a grant of Russian Science Foundation (project no. 21-18-00174 "Historicism as a paradigm of the Humanities").

For citation: Sokolov, B.G. (2022), "Modern Historicism: the Universal History of E. Toffler", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 5–18. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-5-18 (Russia).

Введение. Довольно «курьезная» и в чем-то «комичная» ситуация: один из «столпов и утверждений истины» современного постиндустриального и цифрового общества, а именно Элвин Тоффлер, в ставшей ныне классической работе о надвигающихся переменах в мировой культуре, достаточно прозорливо тематизирующей основные тренды современности, использует в своих построениях довольно устаревшую модель понимания исторического процесса. В чем «комизм» ситуации: то, как видит историю современность – своеобразная амнезия истории, а историзм использует ту самую историю, которую так опрометчиво похоронили уже почти столетия назад, как свой научный базис. Дело в том, что в череде «смертей» и «закатов», которые еще в начале XX в. анонсировал О. Шпенглер, а именно: смерть автора (М. Фуко), смерть «книги», смерть субъекта и т. п., событие смерти истории (Ф. Фукуяма) оказалось не случайно. На протяжении всего XX в. и особенно в нашу пост-пост-современность происходит кардинальная трансформация не только окружающей нас реальности, но и, что немаловажно, структуры сознания, в котором историческая размерность (т. е. «матрица» отношения и конституирования истории) играет существенную роль.

Попытаемся разобраться с этой, конечно, отнюдь не комичной, но вполне реальной ситуацией, в которой казус Элвина Тоффлера (о его проекте истории мы еще поговорим) является не только достаточно интересным, но и показательным примером. Более того, универсально-историческое видение исторического процесса Э. Тоффлера оказывается значимым в проективном ключе: инфицирование историей новой реальности и соответствующего ей типажа сознания порождает многие современные тренды, модели конституирования реальности, а также повседневные практики, страхи, фобии, телосы и т. п. конкретных людей.

Методология и источники. Для прояснения указанной ситуации относительно наличия в футурологических взглядах американского мыслителя так называемой универсальной истории будем использовать следующий научно-методологический инструментарий. Прежде всего в данной работе будем применять опробированные и продуктивные методы компаративного и текстологического анализа, когда обратимся к выявлению их у Э. Тоффлера

в книгах «Третья волна», «Шок будущего». Этот же методологический инструментарий станем использовать при анализе «классического», «образцового» вида универсальной истории в работах немецкого идеалиста Г. В. Ф. Гегеля. При осуществлении генетического и компаративного анализа работ Э. Тоффлера будем применять уже полученные и опробованные результаты собственных исследований относительно генезиса исторического сознания новоевропейской культуры [1, 2]. При прояснении актуальности и корректности футурологических штудий Э. Тоффлера, а также некоторых трендов современной культуры привлечем критические тексты современных исследователей (Е. И. Фурс, К. Ратти, М. Клодел).

Результаты и обсуждение. Для того чтобы зафиксировать в работах американского мыслителя Элвина Тоффлера наличие универсальной модели истории, необходимо прояснить, что мы понимаем под универсальной историей и каковы ее характеристики.

1. Универсальная история как размерность новоевропейского сознания.

Итак, постараемся раскрыть наше понимание универсальной истории. Речь идет, конечно, не о реальной истории, которая является «ноуменальной сферой», т. е. еще теми brutальными фактами, которые подлежат дальнейшей обработке, селекции, символическому инфицированию и интерпретации, а о размерности сознания, которое с определенного ракурса и в определенном стиле (манере) обрабатывает и понимает эти факты. То, что «ноуменальная история», «история-сама-по-себе» всегда оказывается именно этой ноуменальной сферой (ноуменальное в кантовском смысле, как то, что еще не попало в жернова познания, восприятия и воображения), приходится смириться. Как и с тем, что не существует единственной и истинной истории, «истории-на-все-времена» и для всех народов. И дело не только в том, что нынешняя эпоха – это эпоха плюральности истины, т. е. ситуации, когда в сфере гуманитарного знания считается плохим тоном (или недостатком философского воспитания) настаивать на единственной универсальной точке зрения. Все дело в том, что видение, конституирование, наделение смыслом и символизмом истории как феномена осуществляется определенными структурами сознания, которые отличаются в зависимости от типажа сознания. Так, мифологический типаж сознания видит не историю, а мифологическую теогонию, и события осмысляет через инфицирование в исторический процесс деятельности божественно-нуминозного начала. А научный работник современности пытается осмыслить исторический процесс через обращение к фигуре «двигателя» исторического процесса. В этой ситуации настаивать на том, что существует лишь одно истинное понимание движения истории, может лишь тот, кто «лишает права голоса» в этом вопросе не только предшествующие культуры и эпохи (с этим, конечно, все бы смирились), но и тех, кто придет после нас и, возможно, предложит свои версии понимания исторического процесса.

Но все же обратимся к истории не как к реальным событиям, а как к тому, что переработано сознанием, как к «манифестации» определенного типа сознания. Можно говорить о наиболее распространенных видах понимания истории. Это «микроистория» (которая может принять вид всеобщей истории, но от этого по своей структуре и в смысловых топосах данного типа интерпретации ничего существенного не изменится) и универсальная история. Первый вид – это наиболее распространенный вид постижения историчности, который интерпретирует исторические события, исходя из текущей точки, в которой полноправным актором является конкретный человек. Таковы истории Античности и какого-либо

другого культурного пространства, например, истории, записанные в Китае. Второй вид исторического постижения – это так называемая универсальная история, истоком которой послужила Священная история христианства. Она начала свое «победоносное» шествие лишь тогда, когда примат христианства был сильно подорван процессами секуляризации и возникновения того типажа сознания, которое породила новоевропейская культурная традиция. В данном типе исторического постижения и интерпретации и, соответственно, в размерности соответствующего культурно-исторического типа сознания следует выделить несколько существенных моментов, которые и характеризуют этот тип исторического постижения.

1.1. Трансцендентальное означаемое. Прежде всего, фигура так называемого трансцендентального означаемого – это центральный топос универсальной истории как таковой и универсально-исторической размерности соответствующего сознания. Поясним, что мы имеем в виду под этим термином. Титул «трансцендентальный» в кантовском смысле понимается как сверхопытный, вышедший за пределы возможного опыта. Это то, что находится (мыслится) за пределами исторического процесса, ибо сами случайные перипетии, события и казусы нисколько не влияют на действенность этого топоса, так как именно он контролирует магистральное развертывание и символическую значимость исторического процесса. Речь идет о «моторе», источнике, телесе, движущей причине истории, о том, что придает реальным конкретным единичным событиям осмысленность и универсальное значение. Например, подобным трансцендентальным означаемым для истории у Гегеля выступает диалектика понятия в сфере социального пространства, реализующая процесс свободы. У К. Маркса подобным мотором исторического развития является борьба производительных сил и производственных отношений.

1.2. Исторический процесс как тотальность. Следующая характеристика универсальной истории и универсально-исторической размерности сознания – это понимание истории как тотальности, целостности. Речь идет об истории человечества. Различные государственные, политические, религиозные образования и их история – это части целого, вписывающиеся в единый процесс исторического движения, согласуясь (случайности все же допускаются) с этим целым. История музыки или история живописи – как один из примеров, являющийся не историями отдельных сфер культурного пространства, а выступающий в синергии с общей историей человечества.

1.3. Единая цель исторического движения. Исторический процесс – это еще одна особенность универсальной истории. Он обладает единым телесом своего движения и довольно часто ее завершением. Закат оказывается включенным в само понимание исторического движения, инфицируя конечный смысл всего исторического движения. Это может быть достижение «коммунистического рая» или «закат» той или иной культуры, или, как у Гегеля, наступление царства свободы, под которым (известный скандал Гегеля) он мыслит то Наполеона, то прусскую монархию.

1.4. Функциональная роль индивида или группы в историческом процессе. В этой универсальной истории, в отличии от «микроистории», довольно печальна роль конкретных людей, социальных объединений или даже целых наций или государств, т. е. тех, кто, собственно говоря, и вершит историю. Печальная роль – роль марионетки, которая реализует

планы и логику трансцендентального означаемого. Конкретный индивид может и не догадываться об этом, но такова хитрость истории, что через произвол индивида реализуется общая логика ее движения: «...живые индивидуумы и народы, ища и добиваясь своего, в то же время оказываются средствами и орудиями чего-то более высокого и далекого, о чем они ничего не знают и что они бессознательно исполняют» [3, с. 77]. Что бы мы ни делали, все это оказывается так или иначе включенным в общий исторический процесс, ход которого конкретные действия индивидов или даже целых народов изменить не в силах. Подобно христианской Священной истории, которая, как мы указали, являлась предтечей универсальной истории, где невозможно отменить или отсрочить наступление конца света, и другой пример – история О. Шпенглера, представляющая циклический вариант универсальной истории, где все культуры проходят обязательные этапы своего развития. Жизнь каждой культуры определена примерно тысячелетием, после чего культура еще может существовать, но будет напоминать засохший кустарник, не приносящий никаких плодов и лишь мешающий вырасти на этом географическом пространстве новой молодой поросли другой культуры.

1.5. Гомогенная универсальная среда развертывания истории. Не последнюю роль в выстраивании и конституировании исторического процесса как универсально-исторического играет понимание пространства как гомогенной, бесконечной однородной среды: «Универсальная история требует и “универсальной” среды своего развертывания. Эта “универсальность” выстраивается совершенно уникальной оптикой сознания, развертывающего пространство и время как бесконечные пустые и гомогенные вместилища» [1, с. 167]. В этом гомогенном пространстве выстраивается и обустроивается (вернее интерпретируется) универсальная история – история всего человечества, вписанная к тому же в общую историю Солнечной системы и всей Вселенной: везде действуют одни и те же (конечно в модифицированном виде) законы, причины и телосы, вписывающие все происходящее в универсальный процесс движения.

Таковы основные позиции универсальной истории, вернее того, каким образом определенный тип сознания (его новоевропейский типаж) интерпретирует историю. Этот тип исторического постижения, как указывалось, возник в эпоху Нового времени и властвовал как «матрица исторического объяснения» до второй половины XX в., т. е. именно до той поры, когда «повальная эпидемия смертей» от фигуры автора до феномена книги докатилась и до домена исторического знания. И вот новый ренессанс в лице Элвина Тоффлера? Или это что-то новенькое?

В конце статьи мы постараемся ответить на этот вопрос, но сейчас слово самому Э. Тоффлеру, предложившему широкой общественности не только свое предвидение (иногда удачно-прозорливое, но не всегда прогностически верное, но такова судьба любых попыток заглянуть в будущее, т. е. судьба футурологии) наступающих перемен, связанных с так называемой «Третьей волной» – волной постиндустриального общества, но и модернизированную версию универсального видения исторического процесса. Впрочем, перед нами стоит задача не выстроить реконструкцию взглядов современного футуролога, но выявить в его концепции следы работы универсально-исторической размерности сознания.

2. Три стадии исторического процесса – три волны развертывания универсально-исторической истории Э. Тоффлера.

Собственно говоря, уже в самом названии книги «Третья волна» Э. Тоффлером заявляется стадийность исторического процесса. Этих стадий три, вполне в духе христианства или гегелевской диалектики понятия. Современная эпоха – это переходная эпоха, когда новая волна кардинальных изменений оказывается у порога и грядущие трансформации уже не просто предчувствуются, но имеют под собой вполне опытно и рационально фиксируемые факты и процессы.

Прежде всего, о периодизации истории. Э. Тоффлер выделяет три так называемые волны, плюс то, что было до Первой волны, ибо период трех волн охватывает период около 10–12 тыс. лет общей истории человечества: «До наступления “Первой волны” перемены большинство людей жило внутри небольших, часто мигрирующих групп, которые занимались собирательством, рыбной ловлей, охотой или скотоводством. В какой-то момент, примерно 10 тыс. лет назад началась сельскохозяйственная революция, которая постепенно распространилась по всей нашей планете и полностью изменила сельский образ жизни» [4, с. 38]. Истории предшествует длительный период доисторического, о котором Э. Тоффлер мало распространяется, так как история для него – это история цивилизации, которая как раз и начинается, когда наступает эра «Первой волны»: «... ибо где бы ни возникало сельское хозяйство, там пускала свои корни цивилизация» [4, с. 51]. Подобный подход напоминает гегелевскую схематику, где есть история, которая начинается вместе с возникновением государства, и длительный период «доисторического» существования человечества. Подобное совпадение не случайно: в моменте возникновения истории можно довольно просто зафиксировать само основание исторического движения, т. е. то, что мы обозначили как трансцендентальное означаемое. Именно начало действия трансцендентального означаемого исторического процесса и запускает историю. Речь, акцентируем еще раз, идет не о «реальной истории», а о той интеллектуальной матрице, которая есть логика понимания и конституирования истории.

Но вот «история началась», и каждый этап, каждая волна захватывает почти весь мир целиком, сохраняя при всех тождественных моментах своеобразие отдельных цивилизаций: «Тоффлер считает, – справедливо отмечает Е. И. Фурс, – что у каждой цивилизации есть свой скрытый код – система правил или принципов, отражающихся во всех сферах ее деятельности, подобно некоему единому плану. С распространением индустриализма по всей планете становится зримым присущий ему уникальный внутренний план. Он состоит из системы шести взаимосвязанных принципов, программирующих поведение миллионов. Естественным образом вырастая из разрыва между производством и потреблением, эти принципы влияют на все аспекты человеческой жизни – от секса и спорта до работы и войны» [5, с. 241]. В этом недвусмысленно проглядывает тот момент универсальной истории (см. п. 1.2), когда общий процесс истории, распадаясь на частные истории, все же контролируется единой логикой движения и единообразием основных силовых точек. Приведем одно высказывание самого Э. Тоффлера, подтверждающее то, что он видит единые, общие «стандарты» конституирования. Так, рассуждая о распространении «Второй волны», он отмечает: «Несмотря на потрясающие различия в языке, культуре, истории и политике – различия столь глубокие, что они бывают причиной военных конфликтов, – все эти общества “Второй волны” имеют общие черты. На самом деле за этими хорошо известными

различиями лежат скрытые от глаз сходные основные принципы» [4, с. 57–58]. Иными словами, культурные, языковые, расовые, политические различия отдельных стран или социальных общностей выстраиваются на едином общем фундаменте. Мир каждой волны при всем ее многообразии представляется Тоффлеру целостным миром, имеющим единое основание.

Но все же вернемся к историческому процессу по Тоффлеру. После длительного периода предистории, который заканчивается около 10 тыс. лет назад, наступает эпоха «Первой волны», вызванная широким внедрением сельскохозяйственного производства. Именно эта волна, как уже отмечалось, запускает процесс истории и порождает цивилизации. Тоффлер выделяет несколько характерных особенностей этой «Первой волны», которые выстраивают единообразное («стилистическое» единство) социокультурное пространство. В этом отношении его концепция («стилистическое единство» всех зон и сфер той или иной цивилизации) напоминает единообразие у О. Шпенглера. Правда, он именует стилистическую целостность культурой, тогда как Тоффлер, следуя англоязычной традиции, маркирует эти целостные образования как цивилизацию. Прежде всего, одна из характерных черт цивилизаций этой волны – использование естественных источников энергии: «Таким образом, все общества “Первой волны” эксплуатировали возобновляемые источники энергии» [4, с. 58]. Конечно, то, что сейчас маркируют как возобновляемые источники энергии, отличается от возобновляемой энергии того времени – это не те достаточно техноемкие сооружения, использующие силу ветра, воды или солнца (гидро-, ветроэлектростанции, солнечные батареи и т. п.), а довольно примитивные сооружения. В эпоху «Первой волны» человек применяет по большей части свою собственную силу или силу прирученных животных. Кроме того, укажем еще пару характеристик обществ «Первой» волны, ибо для нас важно выявление универсально-исторической матрицы во взглядах Э. Тоффлера, а не детальный анализ отдельных этапов движения истории. Для цивилизаций «Первой волны» характерно совпадение производителя и потребителя (слабо развитый рынок и модель самообеспечения на уровне отдельных хозяйств), а также патриархальная семейная организация. Все эти характеристики «Первой волны», впрочем, как и характеристики остальных сменяющих друг друга волн, находятся в «стилистическом» соответствии друг с другом и контролируются в конечном счете тем, что Тоффлер определяет, как код цивилизации: «У каждой цивилизации есть свой скрытый код – система правил или принципов, отражающихся во всех сферах ее деятельности, подобно некоему единому плану» [4, с. 92].

Однако в большей мере его интересует не уже завершившийся конфликт между обществами «Первой» и «Второй волн», а современный процесс борьбы «Второй» и «Третьей волн», т. е. процесс революционного перехода от индустриального общества к постиндустриальному, которое в конце XX в. лишь начало победоносно шествовать по земному шару. Как и в отношении «Первой волны», здесь действует единый код, который Тоффлер фиксирует уже более отчетливо: «С распространением индустриализма по всей планете становится зримым присущий ему уникальный внутренний план. Он состоит из системы шести взаимосвязанных принципов, программирующих поведение миллионов. Естественным образом вырастая из разрыва между производством и потреблением, эти принципы влияют на все аспекты человеческой жизни – от секса и спорта до работы и войны» [4, с. 92–93].

Эти шесть наиболее фундаментальных взаимосвязанных принципа следующие:

1. Стандартизация, которая позволяет реализовывать массовое производство по единым стандартам и согласовывать продукцию в разных секторах, прежде всего промышленности.

2. Специализация, заменяющего «"мастера на все руки" узким специалистом и работником, выполняющим лишь одну-единственную задачу» [4, с. 98].

3. Синхронизация, позволяющая выстраивать производство, исходя не из человеческого ритма, а ритма машин.

4. Концентрация, обеспечивающая собрание в едином пространстве необходимых для производства экономических, производственных и человеческих ресурсов.

5. Максимизация, плодом которой явились различного рода мегастройки и мегапроекты, некий род, по выражению Э. Тоффлера, «макрофилии».

6. Централизация, выстраивающая общества «Второй волны» по модели иерархического подчинения во всех сферах реальности – от политического горизонта до экономики.

Эти принципы оказываются единими для всех обществ «Второй волны», вне зависимости от идеологии, политического устройства или религиозных предпочтений. Социалистический мир голосовал за эти принципы столь же рьяно, как и его оппоненты из капиталистического лагеря: «Таким образом, мы видим систему из шести ведущих принципов – некую “программу”, которая в той или иной степени действует во всех странах “Второй волны”. Эта полудюжина принципов – стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация и централизация – приложима как к капиталистическому, так и к социалистическому крылу индустриального общества, поскольку они неизбежно выросли из одного и того же разрыва между производителем и потребителем, а также благодаря всевозрастающей роли рынка» [4, с. 115].

Именно эти шесть принципов, образующих основу выстраивания всех ландшафтов (от политики до семьи), подвергаются нападкам и деструкции со стороны тех сил, которые в XX в. начали бороться за новые принципы «Третьей волны». Ну и, конечно, атакам подвергаются элиты и субэлиты «Второй волны» и сам принцип иерархического выстраивания власти в тех культурных, экономических доменах современного мира, в которых продолжают действовать и владычествовать принципы «Второй волны». Прежние пирамиды власти перестают действовать и контролировать мировую экономику, политику, прежнюю систему разделения труда, прежде всего, в формате мировой экономики. И действительно, последнее десятилетие XX в. (и в этом, без сомнения, Тоффлер прав) – это эпоха зарождения новой конфигурации власти и организации мирового разделения труда. Достаточно упомянуть современные пиринговые (децентрализованные) платежные системы (наиболее известная, конечно, – это система биткойна), ставящие под сомнение одно из тысячелетних привилегий государственной машины, а именно – выпуск денег и контроль за ними, чтобы уловить логику деструкции прежних индустриальных констант в новом постиндустриальном информационном обществе.

Указанные и, конечно, не перечисленные сейчас перемены – это звенья одной цепи постоянных перемен в европейской культуре последних трех столетий и именно сейчас (это «сейчас» актуально и во времена, когда Тоффлер писал свои книги, и в наше время, – уже

все более информационное, постиндустриальное): «Западное общество в последние триста лет было охвачено бурей перемен. Эта буря сейчас, похоже, набирает силу. Перемены проносятся по высокоразвитым странам волнами, которые все набирают силу и оказывают беспрецедентное влияние. Они несут в своем фарватере всевозможную любопытную социальную флору – от психоделических церквей и «свободных университетов» до научных городов в Арктике и клубов обмена женами в Калифорнии. Они также порождают эксцентричных людей: детей, которые в свои двенадцать лет на детей уже не похожи; взрослых, которые в пятьдесят словно двенадцатилетние дети» [6, с. 20]. Без сомнения, те предвидения и предчувствия, которые довольно емко отражены в самом названии второй, наиболее известной работы Э. Тоффлера «Шок будущего», откуда и взята последняя цитата, не только интересны, но и актуальны. Но в данной статье нас в меньшей степени интересуют выявленные характеристики или тенденции нового наступающего мироустройства «Третьей волны», разрушающей привычный «ландшафт» индустриального общества. Как указывалось, Тоффлер довольно проницательно не только предвидит, но и фиксирует знаковые характеристики наступающего будущего. Но нас сейчас интересует то, насколько в построениях Тоффлера можно выявить универсально-историческую матрицу. Именно к этому мы и обратимся, начав с его футурологических предвидений, которые действуют в фарватере универсально-исторического подхода.

3. Универсальная история Тоффлера.

Итак, выявим те резоны, которые позволяют диагностировать универсально-историческую модель в истории, как она видится Элвину Тоффлеру.

Прежде всего, о самом «проекте» футурологии. Подобный способ свойственен именно универсально-историческому взгляду: универсальная история контролирует не только прошлое, но и будущее. История – это целостность, выкроенная действием трансцендентального означаемого, а потому столь важнейший домен исторического времени – будущее, не может остаться в неконтролируемой трансцендентальным означаемым зоне. Поэтому со времен Священной истории и утопий Томаса Мора и Компанеллы и, конечно, марксистской матрицы постижения исторического процесса построение и попытки определения будущего являются неотъемлемой частью исторической доктрины. Причем со структурно-функциональной точки зрения нет существенной разницы, в каких тонах окрашивается будущее: оно может быть мрачным (О. Шпенглер), оптимистичным (марксизм), но в любом случае оно «просвечивается» из настоящего. В этом отношении футурология действует в горизонте универсальной истории, рисуя то апокалиптическое, то вполне сносное и загадочное завтра. Наличие попытки ухватить будущее (а именно такова фактически стартовая позиция и интенция Э. Тоффлера) прямо и недвусмысленно указывает нам на наличие универсально-исторического видения у американского мыслителя.

Конечно, история у Э. Тоффлера не завершается постиндустриальным информационным обществом. Возможно, будут еще другие и не видимые из настоящего волны, которые похоронят и цивилизации «Третьей волны». Но эта непредсказуемая открытость (в отличие от других универсальных историй типа Священной истории или истории Гегеля, завершающиеся вместе с приходом царства свободы для всех) является лишь еще одним указанием на ту «оптику» новоевропейского сознания, которое конституирует (в том числе на уровне

чувственности – вспомним кантовские антиномии) любое пространство и, конечно, пространство временного исторического течения как бесконечное.

Напомним, что центральный функциональный топос, который позволяет говорить об универсальной истории, – это фигура так называемого трансцендентального означаемого. Можем ли мы обнаружить его в системе Э. Тоффлера и каково оно, если, конечно, мы его зафиксируем в историческом видении американского футуролога? Ранее мы уже упоминали о «фигуре» кода каждой цивилизации (напомним, что в обществах «Второй волны» Э. Тоффлер выделяет шесть принципов, образующих единый код данной волны), которая подчас скрытно, но чаще всего явно контролирует выстраивание всего культурного и экономического ландшафта. Без сомнения, фигура кода – это одно из проявлений трансцендентального означаемого, хотя код в большей мере контролирует не столько процесс истории, сколько реализацию уже запущенного механизма изменения, ибо процессы изменений (смена одной волны другой) объясняются Тоффлером действием другого механизма. А потому сам код той или иной цивилизационной волны не может претендовать на то, что только он является фигурой трансцендентального означаемого исторического процесса. Таковым в системе Тоффлера фактически выступает идея технологического и экономического прогресса. И в этом он довольно близок к марксистской позиции, когда все основные пружины истории помещены в экономико-производственную сферу, а остальные сферы социального и культурного пространства выступают в той или иной мере как надстроечные образования. Экономизм Тоффлера, в большей мере основанный на примате технологического развития, существенно отличается от марксистского видения конституирования истории и реальности, где основой выступают социальные отношения, определяющие и структуру, и основные позиции производства и его развития.

Кроме того, мы можем диагностировать универсально-историческую матрицу в тоффлеровском видении истории, обратившись к тому особому статусу индивида или целых сообществ в общем историческом движении. Конкретнее к тому, что произвольность и самостоятельность реальных акторов исторического процесса сильно редуцирована у американского футуролога. В характеристиках универсальной истории мы особо отметили довольно «марионеточный» статус индивида или группы в историческом процессе с точки зрения универсально-исторической матрицы интерпретации (см. п. 1.4). История по различным вариантам универсальной истории (от Священной истории до понимания истории в марксизме или Тойнби) творится за плечами конкретных индивидов, конкретных акторов исторического свершения, произвольность их действий с точки зрения общемирового процесса довольно условна.

Приведем показательный пример сходного подхода у Э. Тоффлера. Рассуждая о процессе смены обществ «Первой волны» «Второй волной», Тоффлер замечает: «Многим кажется, что Гражданская война велась по причинам нравственного характера (борьба против рабства) или же была связана с таким локальным экономическим явлением, как тарифы; однако это не вся правда. Борьба шла за решение гораздо более широкого вопроса: кто будет управлять богатым новым континентом – фермеры или индустриализаторы, т. е. силы “Первой” или “Второй волны” [4, с. 55]. Иными словами, не конкретные интересы или желания являются причинами Гражданской войны в США, а процесс борьбы сил одной волны с

представителями другой, более прогрессивной с точки зрения общей картины истории, волны. Понятно, что более прогрессивной является «Вторая волна» – волна индустриализации и, соответственно, силы Севера Соединенных Штатов оказываются более прогрессивными в общем тренде мировой истории, а потому рано или поздно, но победят. Таким образом, налицо еще одна характеристика универсальной истории в истории, предложенной Э. Тоффлером.

Наконец, на наличие универсальной истории в реконструкции исторического развития у Э. Тоффлера указывает сама стадийность исторического процесса, когда на смену одной волне приходит другая, более прогрессивная. Подобное видение исторического движения предусматривает, что историю вспять произвольными действиями или желаниями не повернуть, хотя, конечно, случаются и «откаты», когда, например, в результате завоевания одного из государств или сообществ они оказывались отброшенными на более примитивную стадию.

Одной из характеристик универсальной истории, которую мы выделили (см. п. 1.5), является гомогенная универсальная среда движения истории. Этот пункт не нуждается в особой экспликации применительно к тому, как понимает историю и ту среду, где она разворачивается, Э. Тоффлер: тип сознания, которым обладает американский мыслитель как представитель новоевропейской культурной традиции, выстраивает именно такое видение и реальности в целом, и истории в частности. Тоффлер видит мир с точки зрения наличия в нем бесконечности, пустотности и гомогенности пространства и времени, а потому данная особенность «оптики» новоевропейского сознания с необходимостью присутствуют в его историко-футурологических исследованиях.

Таким образом, сравнив характеристики универсальной истории с тем, что предлагает Э. Тоффлер, определенно и однозначно можно констатировать, что его видение исторического процесса – это вариация так называемой универсальной истории. Историческое свершение охватывает в едином взаимосвязанном и тождественном универсальном движении все страты и домены человеческого общества в истории. А потому видение исторического процесса, предлагаемое Элвином Тоффлером, – это, без сомнения, универсально-историческое видение истории человечества.

4. Инфекция в будущее.

Конечно, Э. Тоффлер несколько лукавит, когда предлагает (это одна прописанных целей его книг) посмотреть на настоящее с точки зрения будущего, а не наоборот, обратится к предвидениям будущего с точки зрения настоящего, что как раз и является классической футурологией: «Раньше люди изучали прошлое, чтобы пролить свет на настоящее. Я повернул зеркало времени, уверенный, что четкий образ будущего поможет нам лучше понять настоящее» [6, с. 18]. И то, что мы можем диагностировать в его работах универсальную историю, принадлежащую по праву, скорее, прошлому, чем будущему, как раз опровергает его довольно смелую, но, увы, не совсем реализованную программу. Конечно, описывая то, что, возможно, нас ожидает в недалеком и уже почти свершившемся (особенно для читателей 20-х гг. XXI в.) будущем, мы поневоле несколько по-иному оцениваем настоящее. Это вполне понятно и является в целом обычной асаной. Шок, который переживает человечество и каждый конкретный человек нашего времени (Тоффлер не раз это подчеркивает), связан со стремительностью

перемен и невозможностью даже на уровне физиологии нормально приспособиться к этим переменам. Именно поэтому то, что Тоффлер описывает, – предугадывает будущее, играет в этом отношении вполне терапевтическую роль, подготавливая нас к изменениям. Но есть и другая задача, которую фактически выполняет его футурология.

Заключение. Мы начали эту статью с того, что зафиксировали некую курьезную ситуацию: американский футуролог, один из наиболее авторитетных относительно грядущих культурных, политических, экономических процессов исследователей, использует довольно устаревшую модель понимания истории, и постарались аргументировать данный тезис, сравнив позиции классической универсальной истории и истории Э. Тоффлера. Что это означает, кроме того, что Тоффлер как представитель уже теснимый новой постинформационной волной культуры описывает грядущие перемены с позиции этой деструктурируемой индустриальной культуры?

Полагаем, то, что предлагает (впрочем, как и мириады других мыслителей, разработчиков, пользователей и просто обывателей) Тоффлер, заключается в следующем.

Зарождающийся новый мир – не очень дружелюбное для человека место и то, что современный человек испытывает шок от его появления, связано не только с тем, что перемены, которые сейчас происходят и которые отчасти прорисовал Тоффлер, стремительны. В ситуации, когда медиальная среда, и прежде всего среда Интернета, выстраивается по модели бинарного кода (тотальная дигитализация), «человеческое, слишком человеческое» оказывается под мощным воздействием обезличенного дигитального виртуального мира. А эта медиальная среда является универсальным и тотальным посредником и вписывается в любой акт нашего существования. Причем с нарастанием значимости и всепроницаемости информационной культуры эта среда оказывается фактически везде: и вне, и внутри нас. Данная среда трансформирует человека в полуживое, полуискусственное и социально, и физиологически существо, своеобразного культурного киборга или постчеловека: «Постчеловек – совершенно справедливо отмечают Карло Ратти и Мэтью Клодел, – это создание, рожденное в условиях такой бинарности, в мире цифрового и материального, слитых воедино, где ментальное и социальное существование каждого индивидуума осуществляется, поддерживается и совершенствуется с помощью технологий» [7, с. 102].

В этом отношении включение прежних моделей, видений, целей, в том числе понимание истории как универсально-исторического процесса, инфицирует зарождающийся мир теми целями, интерпретациями, смыслами и т. п., которые противоречат новому дигитальному миру¹. Тоффлер не только подготавливает нас к переменам, но и корректирует смысл и интерпретацию этих перемен, а значит, выстраивает символические и смысловые ориентиры, которые изменяют цифровые дигитальные приоритеты. А это, собственно говоря, не так уж и плохо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколов Б. Г. Генезис истории. СПб.: Алетейя, 2004.
2. Соколов Б. Г. Гипертекст истории. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / пер. А. М. Водена. СПб.: Наука, 1993.

¹ В компьютерно-дигитальном мире фактически нет истории, а есть одномоментность.

4. Тоффлер Э. Третья волна / пер. С. Барабанова, К. Бурмистрова, Л. Бурмистровой и др.; науч. ред. П. С. Гуревич. М.: АСТ, 2004.
5. Фурс Е. И. Особенности концепции модернизации в трудах Э. Тоффлера // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 239–244.
6. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. Е. Рудневой, Л. Бурмистровой, К. Бурмистрова и др.; науч. ред. П. С. Гуревич. М.: АСТ, 2002.
7. Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня: сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни / пер. с англ. Е. Бондал. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

Информация об авторе.

Соколов Борис Георгиевич – доктор философских наук (2003), профессор (2006), заведующий кафедрой культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 240 научных работ, в том числе 13 монографий. Сфера научных интересов: философия и теория культуры, философия искусства, философия истории, метафизика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 07.10.2021; принята после рецензирования 01.11.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.*

REFERENCES

1. Sokolov, B.G. (2004), *Genezis istorii* [Genesis of history], Aleteya, SPb., RUS.
2. Sokolov, B.G. (2001), *Gipertekst istorii* [Hypertext history], Aleteya, SPb., RUS.
3. Hegel, G.W.F. (1993), *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie*, Transl. by. Voden, A.M., Nauka, SPb., RUS.
4. Toffler, A. (2004), *The Third Wave*, Transl. by. Barabanov, S., Burmistrova, L., Burmistrov, K. etc.; Gurevich, P.S. (ed.), AST, Moscow, RUS.
5. Furs, E.I. (2008), "The peculiarities of conception of modernization in A. Toffler's works", *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser.: Linguistics and intercultural communication*, no. 3, pp. 239–244.
6. Toffler, A. (2002), *Future Shock*, Transl. by. Rudneva, E., Burmistrova, L., Burmistrov, K. etc.; Gurevich, P.S. (ed.), AST, Moscow, RUS.
7. Ratti, K. and Claudel, M. (2017), *The City of Tomorrow. Sensors, Networks, Hackers, and the Future of Urban Life*, Transl. by Bondal, E., Gajdar Institute Publisher, Moscow, RUS.

Information about the author.

Boris G. Sokolov – Dr. Sci. (Philosophy) (2003), Professor (2006), Head of the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of more than 240 scientific papers, including 13 monographs. Area of expertise: philosophy and theory of culture, philosophy of art, philosophy of history, metaphysics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 07.10.2021; adopted after review 01.11.2021; published online 24.02.2022.*

Оригинальная статья

УДК 164.3

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-19-37>

Сколькими способами можно не совершать действие?

Глеб Викторович Карпов

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
g.karpov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4346-1117>*

Введение. В статье анализируются формально-логические и содержательные отрицательные предложения о действиях. Цель статьи заключается в том, чтобы дать определение понятию не-действия, предложить перечень видов не-действия и описать условия их реализации агентом.

Методология и источники. Автор предлагает толковать фрагмент из работы фон Вригта, где речь идет о возможных интерпретациях отрицательных предложений о действиях, как описание видов не-действия. С помощью формальных инструментов логики действий он показывает разницу между предполагаемыми видами не-действия как разницу выражений предметного языка, интерпретированных на множестве моделей, каждая из которых задает специфические условия выбора, открытого для агента. Формулируются определения для обнаруженных видов не-действия и иллюстрируются различия между ними на ряде содержательных примеров.

Результаты и обсуждение. Прослеживая воплощение оригинальных идей фон Вригта в современной логике действий, автор обосновывает вывод об упрощенном толковании уклонения в этой традиции, повлекшем ряд парадоксов, когда агент уклоняется от всего того, что он не делает. В статье показывается, как предложенный автором анализ расширяет пространство возможных реакций агента в связи с некоторым действием так, что парадоксальность уклонения, отмечавшаяся формальной и неформальной школами исследования этого феномена, становится мнимой.

Заключение. В статье предлагается считать список видов не-действия, определения которых были получены в результате формального-логического анализа уклонения, исчерпывающим списком альтернатив, теоретически доступных агенту в связи с любым возможным положением дел.

Ключевые слова: не-действие, уклонение, виды уклонения, логика действий, агент

Благодарности: автор благодарит Владимира Ильича Маркина за помощь в поиске материалов IV советско-финского colloquium по логике 1985 г.

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием»).

Для цитирования: Карпов Г. В. Сколькими способами можно не совершать действие? // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 19–37. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-19-37.

© Карпов Г. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

How Many Ways are there Not to Act?

Gleb V. Karpov

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia, g.karpov@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4346-1117>*

Introduction. The article offers a formal analysis of negative action sentences. The goal of the article is to define the notion of non-action, propose a classification of types of non-action, and to describe the situations of agentive non-doing.

Methodology and sources. We propose to interpret the passage from von Wright, which deals with possible interpretations of negative action sentences, as the description of types of non-action. With the help of formal tools of the logic of action, we show the difference between the supposed types of non-action as the difference between the sentences of the subject language, interpreted in different models, each of which sets specific conditions for the choice open to an agent. We offer definitions for the detected types of non-action and illustrate the differences between them with several examples.

Results and discussion. We trace the embodiment of von Wright's original ideas in modern logic of actions and then conclude the existence of a simplified interpretation of refraining in this tradition, which entailed many paradoxes when an agent refrains from everything that she does not do. We show how our analysis expands the scope of possible reactions of an agent, so that the paradox of refraining, noted by the formal and informal schools of research of this phenomenon, becomes vanishes.

Conclusion. We propose to consider the list of types of non-action, the definitions of which we obtained as a result of a formal analysis of refraining, to be an exhaustive list of alternatives available to the agent in connection with any possible state of affairs in theory.

Keywords: non-action, refraining, types of refraining, logic of action, agent

Acknowledgments: the author thanks Vladimir I. Markin for his help in finding the materials of the IV Russian-Finnish Colloquium on Logic in 1985.

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Foundation for Fundamental Research (project № 20-011-00485 "Deliberative argumentation between reasoning and action").

For citation: Karpov, G.V. (2022), "How Many Ways are there Not to Act?", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 19–37. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-19-37 (Russia).

Введение.

Уклонение по фон Вригту – первоначальная идея.

В работе «О логике норм и действий» фон Вригтом высказано несколько замечаний, касающихся отрицания предложений о действиях. Сами предложения о действиях предлагается записывать так: $[p](a, o)$, где символ a обозначает агента, и символ p – состояние или событие, которое достигается в случае o . Фон Вригт говорит, что отрицание предложения $[p](a, o)$ может принимать вид $\neg[p](a, o)$ или $[\neg p](a, o)$. Предложение $\neg[p](a, o)$ предлагается понимать как указание на то, что агент не делает так, что имеет место состояние или событие, которое передается высказыванием p : «Если, например, $[p](a, o)$ означает, что a в случае o открывает дверь, то $\neg[p](a, o)$ означает, что a в случае o не делает этого»

[1, с. 257]. Предложение $[\neg p](a, o)$ интерпретируется как способ указать на то, что a воздерживается от того, чтобы реализовать действие, которое приведет к состоянию или событию, такому что p : «Можно было бы сказать, что (с точки зрения выполнения) символическая форма $[\neg p](a, o)$ выражает не-делание некоторого существующего состояния дел или его запрещение в некотором случае, тогда как при других обстоятельствах оно имело бы место, и что (с точки зрения процесса) $[\neg p](a, o)$ выражает воздержание от деятельности» [Там же]. Углубляя анализ понятия воздержания от деятельности, фон Вригт дает ему еще одно определение. Он предлагает считать воздержание понятием, «которое определяется в терминах неделания и в понятиях умения (“мочь сделать”) и возможности. <...> Если $M[p](a, o)$ означает, что a может сделать p в случае o , то $M[p](a, o) \& \neg[p](a, o)$ говорит, что a в случае o упускает возможность сделать это» [1, с. 258].

В записи, принятой в логике действия сегодня, символической форме $[p](a, o)$ соответствует формула $[\alpha]\phi$, где α – агент, а ϕ – элементарное высказывание, которое описывает состояние или событие¹. Тогда символическая форма $\neg[p](a, o)$ может быть передана формулой:

$$\neg[\alpha]\phi, \quad (1)$$

а форма $[\neg p](a, o)$ – формулой:

$$[\alpha]\neg\phi. \quad (2)$$

Символическая форма $M[p](a, o) \& \neg[p](a, o)$ в современной записи примет вид:

$$\diamond[\alpha]\phi \wedge \neg[\alpha]\phi, \quad (3)$$

где символ « $\diamond$ » следует читать как «возможно, что...».

Вопрос корректного употребления отрицания в составе предложений, выражающих действия, и варианты его решения, в большей степени продиктованные синтаксическими правилами языка, с которым работает фон Вригт, намечают тему, ставшую одной из центральных в логике действий. Теме воздержания или уклонения посвящены многочисленные статьи, созданные в рамках этого направления логического и философского знания, например, специальные работы [2–4], касающиеся непосредственно уклонения, и работы [5–7], где уклонение обсуждается преимущественно. Отметим, что во всех этих статьях, за исключением [7], ситуации отсутствия действия не становятся для логики действия специальным предметом исследования, а уклонение понимается единообразно – как действие, направленное на то, чтобы совершить не-действие, – что в предметном языке выражается с помощью формулы:

$$[\alpha]\neg[\alpha]\phi. \quad (4)$$

И хотя в [5] приводятся доказательства того, что в действительности формулы (3) и (4) равносильны, оригинальная мысль фон Вригта, по всей видимости предполагающая наличие нескольких способов не-действия, не сводимых друг к другу (среди которых есть и простое не-действие в смысле, выраженном (1), и воздержание от деятельности или неделание,

¹ Символ « o » из символической формы $[p](a, o)$ воспроизводится в языке исследователя как указание на мир $\mathcal{W}_i$, относительно которого определяется истинность формул предметного языка.

понятое как процесс, чему соответствует формула (2), и, наконец, воздержание от деятельности, определенное в терминах возможности – формула (3)), как бы предается забвению, а уклонение начинает толковаться в чрезмерно узком ключе.

Возможно, причина подобного положения дел заключается в характере повествования, которое ведет в своей работе фон Вригт. Его исследование носит поисковый характер, и контур будущей логики действия только начинает прорисовываться. Естественно, что многим деталям не удастся уделить должного внимания. В частности, это касается соотношения формул (1), (2) и (3) и их содержательных толкований. И хотя в дальнейшем работа по выяснению логических отношений указанных формул была проделана специалистами по логике действий [6, р. 795–797], она уже не была связана прямым образом с темой уклонения, касалась в большей степени демонстрации выразительных возможностей новой на тот момент логической техники и, что самое главное, не давала комментария о возможном содержательном понимании указанных формул.

В этой статье мы хотим вернуться к оригинальным идеям фон Вригта об уклонении и не-действии и реконструировать их средствами современной логики действий для того, чтобы, во-первых, внести ясность в высказывания самого фон Вригта об этом предмете; во-вторых, чтобы показать, что уклонение не следует передавать исключительно с помощью формулы (4), так как это понятие является более широким и включает в себя несколько видов, в-третьих, для того чтобы на основе определений видов не-действия предложить модели ситуаций, описывающих различные способы того, как может осуществляться не-действие. Более того, в-четвертых, мы установим, что разнообразные мыслительные эксперименты, когда деятелям *nolens volens* приходится уклоняться от всего того, что они не совершают в настоящий момент, но могут совершить, являются следствием узкого понимания не-действия в современной логике действий, игнорированием его разновидностей.

Потребность в истолковании идей фон Вригта об уклонении объясняется тем, что он сам не высказался о соотношении предложенных им интерпретаций уклонения достаточно ясно. Предположительно, наличие этих интерпретаций можно объяснить двойственной природой исследуемого феномена. С одной стороны, уклонение – это не то же, что действие, так как агент, уклоняясь, как правило, не действует в обычном смысле этого слова: не тратит усилия, не произносит слов, не совершает поступка и т. п. Вероятно, подчеркивая этот аспект уклонения, фон Вригт предлагает фиксировать его с помощью формулы $M[p](a, o) \& \neg[p](a, o)$ ((3) в современной записи). С другой стороны, уклонение – это все же именно действие, так как за уклонение агенты несут ответственность, как и за действия, ведь уклонение – это то, что приписывается агентам наряду с действиями. Этот аспект уклонения, по мысли фон Вригта, передается формулой $\neg[p](a, o)$ (или (2) в современной записи). Для того чтобы нам продвигаться в решении поставленных задач наиболее эффективно, введем в исследование ряд формальных инструментов.

Методология и источники.

Язык и семантика логики действий.

Определение формулы языка $\mathcal{L}_{ACT}$ логики действий задается следующим определением:
 $\phi ::= p \mid \neg\phi \mid \phi \wedge \phi \mid [\alpha]\phi \mid \diamond\phi$, где $p \in \Phi$, а $\alpha \in \Gamma$, где Φ – множество пропозициональных переменных, а Γ – множество агентов. Все прочие логические союзы и оператор « $\square$ » задаются

обычным образом. Выражение $[\alpha]\phi$ следует понимать так, что оно указывает на агента α , который совершает такое действие, что оно приводит к положению дел ϕ .

Модель $\mathcal{M}$ есть набор элементов $\langle \mathcal{W}, \{\sim_i\}_{i \in \Gamma}, \mathcal{V} \rangle$, где $\sim_i$ – это отношение эквивалентности на множестве возможных миров $\mathcal{W}$, устанавливаемое для каждого агента i из множества агентов Γ , а $\mathcal{V}$ – функция означивания, которая ставит в соответствие элементарным высказываниям языка $\mathcal{L}_{ACT}$ множества миров из $\mathcal{W}$, в которых эти элементарные высказывания истинны. Свои значения выражения языка $\mathcal{L}_{ACT}$ получают на основе следующих правил:

$$\mathcal{M}, w \models p \Leftrightarrow w \in \mathcal{V}(p); \quad (i)$$

$$\mathcal{M}, w \models \neg\phi \Leftrightarrow \mathcal{M}, w \not\models \phi; \quad (ii)$$

$$\mathcal{M}, w \models \phi \wedge \psi \Leftrightarrow \mathcal{M}, w \models \phi \text{ и } \mathcal{M}, w \models \psi; \quad (iii)$$

$$\mathcal{M}, w \models [\alpha]\phi \Leftrightarrow \mathcal{M}, w' \models \phi, \quad (iv)$$

для всех $\mathcal{W}$ таких, что $w \sim_\alpha w'$ (i); и $\mathcal{M}, w'' \not\models \phi$, для некоторых w'' таких, что $w \sim_\alpha w''$; (v)

$$\mathcal{M}, w \models \diamond\phi \Leftrightarrow \mathcal{M}, w' \models \phi, \quad (vi)$$

для некоторых $w' \in \mathcal{W}$.

Нетрудно видеть, что пункт (iv) определения 2 задает оператор « $[i]$ » как делиберативный¹ оператор, *dstit*-оператор, впервые представленный в [5]: части (i) соответствует так называемое положительное условие классического определения Белнапа, а части (ii) – отрицательное условие того же определения. Данный пункт определения мы формулируем по аналогии с тем, как это сделано для *cstit*-оператора в [8], – интерпретируя соответствующую формулу на модельных структурах, свободных от отношения частичного порядка, которое обычно связывает элементы из $\mathcal{W}$: в условиях «моментальных» действий одного агента такого рода отношения нам не нужны.

Модели, которые мы будем преимущественно использовать в анализе, обладают тремя особенностями. Во-первых, в них агенту предоставлена возможность всякий раз выбирать из двух альтернатив. Это сделано для того, чтобы избежать на начальном этапе исследования не-действия излишней сложности. Кроме того, ясно, что выбор из любого количества альтернатив может быть сведен к серии выборов из двух альтернатив. Так, выбирая между банановым, клубничным и шоколадным вкусами мороженого, агент может совершить свой первый выбор из шоколадного и клубничного или бананового вкусов, а затем, отказавшись в этом первом выборе от бананового, предпочесть, совершив второй выбор, шоколадное клубничному.

¹ Делиберативный – от англ. *deliberative*, что буквально означает «совещательный». Название восходит к следующему фрагменту из «Никомаховой этики» Аристотеля: «It is to be noted that nothing that is past is an object of choice, e. g. no one chooses to have sacked Troy; for no one deliberates about the past, but about what is future and capable of being otherwise, while what is past is not capable of not having taken place <...>». В переводе Н. В. Брагинской этому фрагменту соответствует фрагмент: «Предметом сознательного выбора (*proaireton*) не может быть нечто в прошлом; так, никто не собирается (*proairetai*) разрушить Илион, ибо о прошедшем не принимают решений, [их принимают только] о будущем и о том, что может быть, а прошедшее не может стать не бывшим <...>». Таким образом, например, делиберативный оператор – тот, который указывает на действительный выбор, на принятие агентом решения относительно будущего, ближайшего или отдаленного.

Во-вторых, так как мы работаем с *dstit*-оператором, то не хотели бы ограничивать себя исследованием моделей, где найдется класс эквивалентности такой, что в нем содержится один единственный мир. Действительно, если, например, некоторый момент разбивается на два класса эквивалентности так, что в первом из них оказывается два мира, а во втором – один мир, и если в первых двух мирах истинна ϕ , а в третьем мире, единственном мире второго класса эквивалентности, истинна $\neg\phi$, то перед агентом не только открывается возможность совершить такое действие, что ϕ (выбрав первый класс эквивалентности), но и кроме того – возможность совершить такое действие, что $\neg\phi$ (отказавшись от выбора первого класса эквивалентности и, следовательно, выбрав второй). Вместе с тем ясно, что неверно считать, что всякий раз, когда агент не совершает действия, такого что ϕ , он тем самым совершает такое действие, что $\neg\phi$ (отчасти с этого замечания начинается свое исследование не-действия фон Вригт). Будем избегать таких «вырожденных» моделей и считать, что в каждом классе эквивалентности содержится пара миров, этого достаточно для того, чтобы избежать ловушки, описанной выше.

Наконец, в-третьих, договоримся о том, что все разнообразие действий агента, в связи с некоторым положением дел, таким, что ϕ может быть сведено к трем: агент или выбирает ϕ (гарантирует истинность ϕ во всех мирах, принадлежащих некоторому классу эквивалентности), или выбирает $\neg\phi$, или совершает такое действие, которое не позволяет однозначно судить о том, что он выбрал – ϕ или $\neg\phi$. Так, например, в первом случае агент α может гарантировать то, что он делает так, что предложение $\phi =$ «Агент α на пляже» истинно. Во втором случае α , кроме того может гарантировать, что истинно предложение $\neg\phi =$ «Неверно, что агент α на пляже». В третьем случае обстоятельства таковы, что α не может гарантировать ни ϕ , ни $\neg\phi$, так как он, например, вверяет себя воле другого агента: он пойдет, если его возьмут, и он останется, если его не возьмут или если он не получит приглашения присоединиться к компании, которая направляется на пляж.

Таким образом, модели, с которыми мы работаем, позволяют агенту выбирать из двух альтернатив, содержат в каждом классе эквивалентности по два мира и в каждом классе эквивалентности в связи с положением дел таким, что ϕ , принимают один из наборов значений: $\langle\phi, \phi\rangle$, $\langle\neg\phi, \neg\phi\rangle$ и $\langle\phi, \neg\phi\rangle$. Эти соображения приводят к мысли о том, что все множество ситуаций, перед которыми может оказаться агент в связи с выбором относительно положения дел такого, что ϕ , описывается следующим набором моделей:

$$\mathcal{M}_1 : \langle [\phi, \phi]_i, [\phi, \phi]_i \rangle, \mathcal{M}_2 : \langle [\phi, \phi]_i, [\neg\phi, \phi]_i \rangle, \mathcal{M}_3 : \langle [\phi, \phi]_i, [\neg\phi, \neg\phi]_i \rangle, \\ \mathcal{M}_4 : \langle [\neg\phi, \phi]_i, [\neg\phi, \phi]_i \rangle, \mathcal{M}_5 : \langle [\neg\phi, \phi]_i, [\neg\phi, \neg\phi]_i \rangle, \mathcal{M}_6 : \langle [\neg\phi, \neg\phi]_i, [\neg\phi, \neg\phi]_i \rangle.$$

Будем ссылаться на первый элемент в каждой двойке $\mathcal{M}_1 - \mathcal{M}_6$ – как на класс эквивалентности *K-left*, и на второй элемент – как на класс эквивалентности *K-right*, а сами модели $\mathcal{M}_1 - \mathcal{M}_6$ называть характеристическими моделями, имея в виду то, что все они выражают базовые, элементарные ситуации выборов, открытых агенту в связи с некоторым положением дел.

В изложении далее придерживаемся традиции изображения моделей, берущих начало в [6], где истинностные значения тех предложений, которые располагаются над точками-мирами, задаются исследователем, а истинностные значения предложений под точками-мирами вычисляются на основании указанных исследователем истинностных значений и определения 2. На рис. 1 изображена модель для формул $[\alpha]\phi$ и $\diamond[\alpha]\phi$, где линии, образованные точками, соединяют формулы с теми мирами, в которых эти формулы истинны. Отметим, что для истинностных значений формул, которые задает исследователь, в общем, справедливо то, что отсутствие линии, образованной точками, между формулой и миром, говорит о том, что истинностное значение этой формулы в этом мире несущественно для целей анализа. Так, например, на рис. 1 для истинности $[\alpha]\phi$ относительно w_1 , равно как и для истинности $\diamond[\alpha]\phi$ относительно w_1 , значение $\neg\phi$ относительно w_4 несущественно.

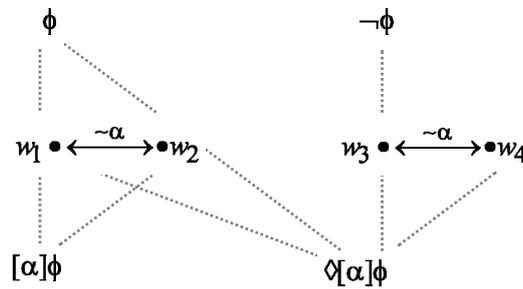

Рис. 1. Условия истинности для $[\alpha]\phi$ относительно w_1 , когда α совершает выбор K-left;
условия истинности для $\diamond[\alpha]\phi$ относительно w_1

Fig. 1. Truth conditions for $[\alpha]\phi$ in w_1 , when α chooses K-left; truth conditions for $\diamond[\alpha]\phi$ in w_1

Анализ 1, формальный: отрицательные предложения о действиях в шести характеристических моделях.

Посмотрим на то, как ведут себя формулы (1), (2) и (3) на характеристических моделях $\mathcal{M}_1 \text{ -- } \mathcal{M}_6$ с тем, чтобы указать, во-первых, на отличие между отсутствием действия и уклонением от совершения действия, и, во-вторых (и это самое главное, так как именно этого указания по преимуществу и лишен текст фон Вригта), на отличие различных видов уклонения друг от друга. Сразу же заметим, что модели $\mathcal{M}_1$, $\mathcal{M}_4$ и $\mathcal{M}_6$ не будут представлять особого интереса для нашего исследования. Во всех этих моделях перед агентом не открывается выбора относительно ϕ , так как относительно каждой из них и относительно классов K-left и K-right в каждой из этих моделей истинна не только формула (1), указывающая на отсутствие действия, совершаемого агентом α , такого что ϕ , но и формула $\neg[\alpha]\neg\phi$, которая говорит о том, что во всех рассматриваемых случаях не имеет место один из видов уклонения, описанных фон Вригтом, и переданный нами с помощью формулы (2)¹. Далее, так как

¹ В том, что, например, в модели $\mathcal{M}_1$ и в K-left, и в K-right истинной оказывается формула $\neg[\alpha]\phi$, читатель может убедиться самостоятельно. Для этого стоит только заметить, что в этой модели не выполняется требование части (ii) правила 4 определения 2: если предположить, что $[\alpha]\phi$ истинна в $w_1 \in \text{K-left}$, то, по указанному требованию, должен найтись такой мир в классе, несовместимом с K-left, где $\neg\phi$ была бы ложна, но такого мира в $\mathcal{M}_1$ не существует.

$\mathcal{M}_1, \mathcal{M}_4, \mathcal{M}_6 \models \neg[\alpha]\phi$ (т. е. во всех классах эквивалентности указанных моделей и K-left, и K-right истинна $\neg[\alpha]\phi$), то, естественно, в соответствии с правилом 5 $\mathcal{M}_1, \mathcal{M}_4, \mathcal{M}_6 \models \neg\Diamond[\alpha]\phi$. Это говорит о том, что в моделях $\mathcal{M}_1, \mathcal{M}_4$ и $\mathcal{M}_6$ перед α не открывается и возможности совершить уклонение другого типа, которое мы предложили обозначать с помощью формулы (3).

Модели $\mathcal{M}_2, \mathcal{M}_3$ и $\mathcal{M}_5$, напротив, следует рассмотреть особо, так как здесь отчетливо видно работу двух видов уклонения. Первое, на что стоит обратить внимание, – модель $\mathcal{M}_2$, представленная на рис. 2, которая показывает, что перед α открываются следующие альтернативы: или совершить действие, такое что ϕ (выбор K-left), или не совершать действия, такое что ϕ (K-right). Вторая альтернатива равносильна совершению агентом α уклонения, описанного формулой (3), так как относительно $w_3, w_4 \in \text{K-right}$ истинна $\neg[\alpha]\phi \wedge \Diamond[\alpha]\phi$.

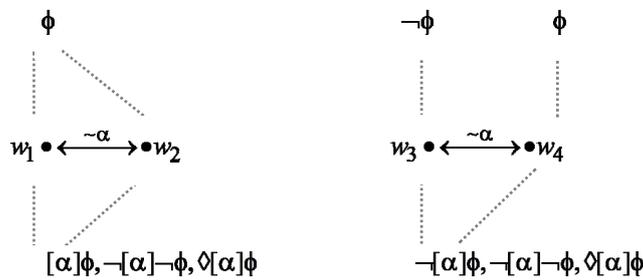

Рис. 2. Модель $\mathcal{M}_2$: уклонение 3 в K-right

Fig. 2. Model $\mathcal{M}_2$: type 3 refraining in K-right

Модель $\mathcal{M}_3$, данная на рис. 3, снова показывает, что перед α открываются альтернативы или совершить действие, такое что ϕ , или не совершать действия, такого что ϕ . Однако вместе с тем распределение истинностных значений для ϕ в этой модели таково, что это не единственный выбор, доступный α , и он может наряду с этим подумать о том, делать ли ему так, что имеет место $\neg\phi$ (выбор K-right), или так, что $\neg\phi$ не имеет места (K-left). Этим модель $\mathcal{M}_3$ отличается от модели $\mathcal{M}_2$. Таким образом, модель $\mathcal{M}_3$ показывает ситуацию, когда α , выбирая K-right, совершает не только уклонение, ассоциированное с формулой (3) (так как аналогично ситуации, которую описывает модель $\mathcal{M}_2$, здесь в мире $w_3, w_4 \in \text{K-right}$ истинна $\neg[\alpha]\phi \wedge \Diamond[\alpha]\phi$), но и уклонение, которое ассоциировано с формулой (2) (так как в $w_3, w_4 \in \text{K-right}$, и только там, истинна $[\alpha]\neg\phi$).

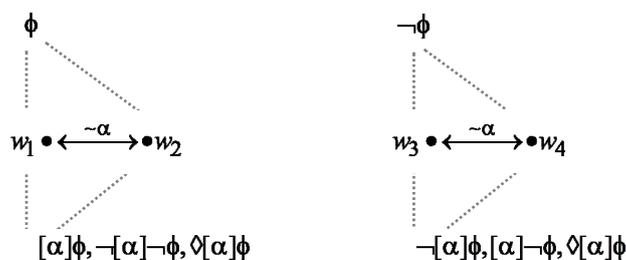

Рис. 3. Модель $\mathcal{M}_3$: уклонение 2 и уклонение 3 в K-right

Fig. 3. Model $\mathcal{M}_3$: type 2 refraining and type 3 refraining in K-right

В случае распределения истинностных значений для ϕ , как в модели $\mathcal{M}_5$ на рис. 4, перед α , несмотря на то, что ему недоступно действие, такое что ϕ (ведь ни для одного мира этой модели не выполняется условие истинности формулы $[\alpha]\phi$), тем не менее открывается возможность выбирать между тем, совершать или нет уклонение, которое описывает формула (2). Действительно, здесь в $w_3, w_4 \in K\text{-right}$ истинна $[\alpha]\neg\phi$, в то время как в $w_1, w_2 \in K\text{-left}$ истинна $\neg[\alpha]\neg\phi$.

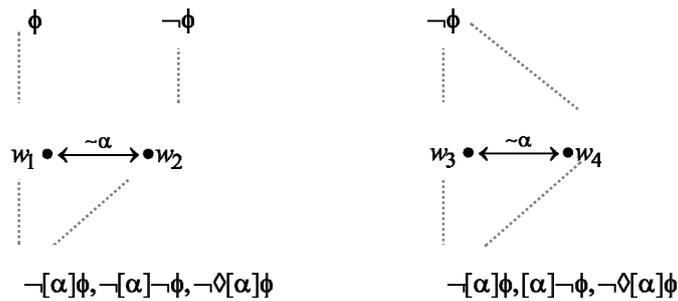

Рис. 4. Модель $\mathcal{M}_5$: уклонение 2 в K-right
Fig. 4. Model $\mathcal{M}_5$: type 2 refraining in K-right

Анализ 2, содержательный: толкования формул не-действия.

Предпринятый нами разбор характеристических моделей $\mathcal{M}_1 - \mathcal{M}_6$ позволяет дать следующие содержательные интерпретации видам уклонения, которые описал фон Вригт. Договоримся называть выбор агента, когда в одном классе эквивалентности находятся миры w и w' , такие что $w \models \phi$ и $w' \not\models \phi$, выбором в пользу неопределенности. Выбор в пользу неопределенности агент делает всякий раз, когда он не может гарантировать выполнение ϕ или $\neg\phi$. Тогда уклонение, ассоциированное с формулой (2), имеет место в ситуациях, когда агент, выбирая между действием, таким что $\neg\phi$, и неопределенностью, делает выбор в пользу действия, такого что $\neg\phi$, как это хорошо видно на модели $\mathcal{M}_5$. Этот тип уклонения обозначим как тип 1. Для него предлагаем следующее определение: уклонение типа 1 от выполнения ϕ есть выбор того, что несовместимо с ϕ в ситуации, когда невозможно гарантировать выполнение ϕ . Уклонение типа 1 совершает, например агент α , который отвечает отказом на приглашение прийти в гости, выраженное условным предложением: «Вы приходите, но только если там не будет β ». В такой ситуации α выбирает между неопределенностью – «прийти/не прийти», обусловленной присутствием или отсутствием в гостях другого гостя β , и явным отказом – «я не приду» – в пользу последнего. Уклонение типа 1 можно понимать как отказ рисковать или же как несогласие с самой ситуацией, когда исход дела зависит от случайности или действий других агентов, тогда, когда среди возможных исходов и разрешений указанной неясности есть одно, являющееся для агента, например, неприемлемым или даже катастрофическим. Это отказ и несогласие, которые оборачиваются для того, кто их выполняет, автоматически одним из исходов неопределенности, но не тем, которого не желал или опасался агент тогда, когда ему был открыт указанный выбор.

Тип уклонения, на который ссылается формула (3), имеет место в ситуациях, когда агент, выбирая между действием, таким что ϕ , и неопределенностью, делает выбор в пользу неопределенности, как это показывает модель M_2 . Для этого типа уклонения предлагается следующее определение: уклонение типа 2 от выполнения ϕ есть отсутствие выбора в пользу ϕ в ситуации, когда возможно гарантировать выполнение ϕ . Уклонение этого типа совершает, например, тот, кто в ответ на приглашение прийти в гости вместо прямого ответа отвечает уклончиво: «Я приду, если β не придет», тем самым отказывая своему решению в окончательности, свойственной действиям вида $[\alpha]\phi$ или $[\alpha]\neg\phi$. Другими словами, уклонение типа 2 – это отказ выбирать самостоятельно в том случае, когда сам выбор возможен и когда исход этого выбора предопределен, т. е. полностью находится во власти агента.

Наконец, как это видно благодаря модели M_3 , оба уклонения – и типа 1, и типа 2, имеют место тогда, когда агент, выбирая между тем, какое из двух действий совершить – ϕ или $\neg\phi$, принимает решение в пользу действия, такого что $\neg\phi$. Будем ссылаться на действие такого вида, как на уклонение типа 3, которое можно определить так: уклонение типа 3 от выполнения ϕ есть выбор $\neg\phi$ в ситуации, когда возможно гарантировать выполнение и ϕ , и $\neg\phi$. Уклонение типа 3 совершает тот, кто, например, на приглашение прийти в гости отвечает прямым отказом. Этот тип уклонения имеет место тогда, когда перед агентом открыт выбор, такой что каждая из его альтернатив доступна для выполнения так, что здесь полностью исключены случайность или воздействия других агентов, способные отсрочить или каким-то образом изменить исход действия, предпринятого уклоняющимся агентом.

Отметим, что среди возможных реакций агента на предлагаемый ему выбор, описываемых моделями M_1 – M_6 , в каждой из них допускается отсутствие действия, выраженное формулой (1). Напротив, уклонения различных видов доступны агенту только в части множества характеристических моделей. Это дает основание предполагать, что указанные виды уклонения следует считать видами не-действия, ведь всякий раз, когда агент уклоняется (тем или иным образом) от действия, он, следовательно, (тем или иным образом) не-действует, как это показывают модели M_2 , M_3 и M_5 . Однако неверно, что всякий раз, когда агент не-действует так или иначе, он в силу этого совершает и уклонение одного из указанных типов – как это может быть продемонстрировано с использованием моделей M_1 , M_4 и M_6 , где ни в одной из них перед агентом не открывается возможности ни сделать так, что ϕ , ни сделать так, что $\neg\phi$, ни, наконец, совершить выбор в пользу неопределенности и сделать так, что формулы $[\alpha]\neg[\alpha]\phi$ или $[\alpha]\neg[\alpha]\neg\phi$ окажутся истинны относительно класса K-left либо K-right на указанных моделях.

Вместе это дает основания предположить, что не-действие, как все то, что не является действием, может принимать следующие формы: быть не-действием как таковым, когда перед агентом вообще не открывается выбора, как поступить; быть не-действием в смысле уклонения 1-го типа, когда агент выбирает положение дел, несовместимое с тем, которое могло бы иметь место в том случае, если бы он совершил действие, от которого теперь он

уклоняется; быть не-действием в смысле уклонения 2, когда агент отказывается выбирать вообще, хотя ему этот выбор и предоставлен; и быть не-действием в смысле уклонения 3, когда агент выбирает не-действие в ситуации, где отсутствует возможность уклониться от выбора и где и действие, и не-действие для него равно возможны.

При этом в связи с предложенным делением хотелось бы подчеркнуть два момента. Первый: каждый вид не-действия обуславливается не специфическим по своей природе поведением агента (для описания которого могут быть задействованы нелогические параметры, указывающие, например, на желания особого вида, присущие ему, или на его намерения), а, скорее, структурой того выбора, перед которым оказывается агент. Можно сказать, что вид не-действия задается структурой выбора, открытого агенту, значением описательных предложений, входящих в составляющие выбор альтернативы в первую очередь, и только потом – собственно тем решением, которое принимается в данной ситуации. Второй момент, следующий из первого: существование четырех видов не-действия не означает, что во всякое время они являются одинаково доступными вариантами поведения для любого, кто задается вопросом о том, как поступить в связи с некоторым положением дел. Напротив, как правило (это хорошо видно на примере множества характеристических моделей), агенту доступно некоторое подмножество видов не-действия. Так, выбирая между шоколадным и ванильным мороженым, и выбрав, например, первое, мы совершаем уклонение типа 3 в отношении положения дел «я выбрал ванильное мороженое». Или мы можем отказаться выбирать вообще, совершив тем самым не-действие типа 2. Однако в этой ситуации нам недоступно ни не-действие как таковое, ведь этот выбор между мороженым – наш (по крайней мере до тех пор, пока одно из них не закончится), ни не-действие типа 1, только если, выбирая между ванильным и шоколадным вкусом, мы полностью уверены в том, что получим именно то, что ждали и что выбрали¹.

Действие и уклонение по Белнапу и Хорти: tertium non datur.

Тема уклонения вновь возникает на горизонте логико-философских исследований десятилетия спустя, когда начинают выходить в свет статьи Н. Белнапа, М. Перлоффа и Дж. Хорти, посвященные одному из направлений в логике действий, известному как STIT-логика или STIT-подход. В рамках этого подхода для фиксации уклонения было предложено простое и оригинальное выражение. Так, в 60-страничном трактате «The Deliberative Stit: A Study of Action, Omission, Ability, and Obligation» [5] («Делиберативный STIT: исследование действий, не-действий, возможностей и обязательств») Белнап и Хорти, со ссылкой на [7], выражают уклонение в предметном языке STIT-логики с помощью формулы (4). Более того, они показывают, что анализ уклонения, данный фон Вригтом (тот, в соответствии с которым уклонение равносильно не-действию с сохранением возможности действовать), и

---

¹ В этой ситуации не-действие типа 1 может быть только в том случае, если одна из альтернатив для нас – тайна, т. е., другими словами, если мы, например, уверены в том, что только ванильное мороженое безусловно качественное и вкусное, в то время как о шоколадном подобное утверждение мы сделать не можем: оно может оказаться как вкусным и качественным, так и невкусным или некачественным. Исключительно в этой, весьма специфической, ситуации для нас доступно не-действие типа 1: не желая неопределенного исхода в случае выбора шоколадного мороженого, мы отказываемся от него в пользу ванильного, тем самым не-действуя по типу 1 в отношении положения дел «я выбрал ванильное мороженое».

анализ, данный средствами STIT-подхода, хотя и осуществляются разными средствами, дают один и тот же результат. В самом деле, формулы (3) и (4) оказываются тождественны:

$$\diamond[\alpha]\phi \wedge \neg[\alpha]\phi \equiv [\alpha]\neg[\alpha]\phi.$$

Уклонение типа 2 по принятому в нашей статье обозначению равносильно уклонению Белнапа, формуле (4).

Попытаемся установить те содержательные следствия, связанные с пониманием уклонения, которые будут в том случае, если предпочтение отдается интерпретации уклонения в духе Белнапа (как это и происходит в логике действия, где уклонение (refraining) понимается исключительно в виде формулы (4)). В этой связи обратим внимание на характеристическую модель M_5 , где, в соответствии с тем, что было установлено в предшествующей части статьи, перед агентом открывается выбор между действием, таким что $\neg\phi$ (т. е. уклонением типа 1) и отказом от совершения действия, такого что $\neg\phi$, который мы предложили называть выбором в пользу неопределенности. Как нетрудно установить, в этой ситуации агент не может реализовать уклонение, представленное формулой (4). Действительно, в M_5 ни в одном мире из K-left и ни в одном мире из K-right (4) не является истинной, так как для нее не может быть выполнено ни в одном случае условие (ii) правила 4 определения 2, ведь относительно каждого мира модели M_5 истинна $\neg[\alpha]\phi$. Таким образом, модель M_5 показывает, что существуют ситуации, в которых агент не может ни выполнить действие, такое что ϕ , ни совершить уклонение «по Белнапу» от совершения действия, такого что ϕ . Однако в этих ситуациях агенту все же доступно уклонение типа 1 «по фон Вригту».

Помимо этого факта небезынтересно указать на следующее: так как в $M_4 - M_6$ в каждом мире из K-left выполняются условия истинности формулы $[\alpha]\neg[\alpha]\neg\phi$, то это означает, что здесь агенту оказывается доступно уклонение «по Белнапу» от совершения действия, такого что $\neg\phi$. Отсюда, учитывая, что формула, выражающая уклонение типа 1, истинна во всех мирах, принадлежащих классу K-right, можно заключить, что ситуации, аналогичные той, что описывает M_5 , это ситуации выбора агента между двумя видами не-действия: уклонением типа 1 (от выбора в пользу неопределенности, который может привести к такому положению дел, что ϕ , или к такому положению дел, что $\neg\phi$) и уклонением «по Белнапу» от такого действия, что $\neg\phi$.

Анализ работы формулы (4) на характеристических моделях $M_4 - M_6$ показывает, что вне зависимости от того, каково содержание выбора, открывающегося перед агентом, сам выбор (в том случае, если мы интерпретируем уклонение так, как это предлагают делать Белнап с соавтором), сводится к тому, чтобы или действовать, или уклоняться от того, чтобы действовать. В том, что это действительно так, помогает убедиться модель M_{sum} , представленная на рис. 5, которую можно считать моделью, обобщающей шесть характеристических моделей $M_4 - M_6$: она показывает исчерпывающее множество выборов, доступных агенту в связи с положением дел ϕ : K-left = $\{w_1, w_2\}$, K-mid = $\{w_3, w_4\}$ или K-right = $\{w_5, w_6\}$.

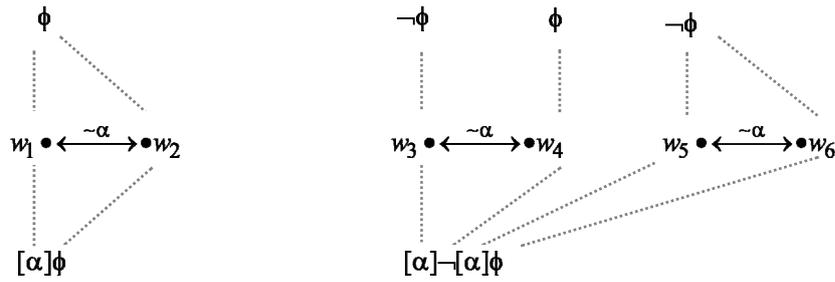

Рис. 5. Модель M_{sum} : учет всех возможных реакций агента в связи с положением дел, таким что ϕ
Fig. 5. Model M_{sum} : all possible choices of an agent in relation with state of affairs such that ϕ

В том случае, если мы придерживаемся интерпретации уклонения, данной средствами формулы (4), то перед агентом α в модели M_{sum} всякий раз открывается или выбор 1 (сделать так, что ϕ – уклониться от выполнения ϕ), или выбор 2 (сделать так, что $\neg\phi$ – уклониться от того, чтобы сделать так, что ϕ). И выбор 1, и выбор 2 – это выборы из двух альтернатив: K-left против K-mid и K-right (выбор 1); K-left и K-mid против K-right (выбор 2). При этом всякий раз остается неясным, как именно уклоняется агент от того, чтобы выполнить ϕ или $\neg\phi$. И если, например, в случае действия, такого что ϕ , мы можем заключить, что тем самым α уклоняется от того, чтобы совершить $\neg\phi$ (или даже сказать, что α совершает ϕ *посредством* уклонения от совершения обратного), то в случае, когда имеет место уклонение от того, чтобы совершить ϕ , сведений о том, чтобы утверждать однозначно, каким именно образом осуществляется это уклонение (посредством совершения $\neg\phi$ или же как-то иначе), формула (4) предоставляет недостаточно.

Это упрощение структуры выбора, открытого агенту, по-видимому, не сильно заботило специалистов по логике действий. Формулы вида (4) повсеместно используются авторами, работающими в этом направлении, как основной и единственный способ отразить уклонение в предметном языке. Озабоченность тем, что такой анализ является чрезмерным упрощением, можно найти у самого фон Вригта и у авторов, решающих схожие задачи традиционными философскими методами, в общем, исключаяющими серьезную работу с каким бы то ни было формальным аппаратом, например, [9]. Исключением здесь является доклад А. Л. Блинова и В. В. Петрова, сделанный на IV советско-финском коллоквиуме по логике в Телави в 1985 г. [10], где в результате анализа условий истинности предложения «Петр сейчас ничего не делает» средствами интенциональной логики действий Ф. Кучеры было показано, что «ничегонеделание» может быть *лишь одной из множества альтернатив*, доступных агенту наряду с действием.

В анализе, который предлагаем мы, учет видов не-действия, выделение в особый вид уклонения действия, выражающегося формулой (2), позволяет всякий раз указывать однозначно на тот способ, каким агент уклоняется от осуществления действия. Ведь в этом случае перед агентом всякий раз открывается выбор, состоящий уже не из двух, а из трех альтернатив, и он может: или совершить действие ϕ (выбор K-left), или уклониться от совершения действия ϕ , выполнив обратное (выбор K-right), или, наконец, уклониться от совер-

шения действия ϕ , просто отказавшись рассматривать выбор между действием, таким что ϕ , и таким что $\neg\phi$ в качестве собственно выбора (выбор K-mid).

Уклонение Белнапа, представленное в предметном языке логики действий с помощью формулы (4), является, таким образом, по существу, упрощением изначальной мысли фон Вригта. Это упрощение заключается в неразличении на семантическом уровне того способа, каким агент уклоняется от совершения такого действия, что ϕ . Все, что можно сказать с помощью формулы (4) о случаях, когда агент не совершает такого действия, что ϕ , — это то, что он тем самым уклоняется от совершения такого действия, что ϕ . Напротив, интерпретации уклонения, предложенные фон Вригтом, позволяют исследователю описать множество способов уклонения, доступных агенту. Заметим, однако, что в модели $\mathcal{M}_{\text{sum}}$ не удастся выделить в особый вид уклонение типа 3, так как здесь в данном случае оно совпадает с уклонением типа 1. Действительно, так как в $\mathcal{M}_{\text{sum}}$ всегда есть возможность сделать выбор в пользу неопределенности, то для агента в $\mathcal{M}_{\text{sum}}$ оказывается недоступно уклонение типа 3, которое совершается в условиях, когда агент выбирает противоположное, не имея возможности отказаться от выбора между ϕ и $\neg\phi$ совсем, т. е., собственно, сделать выбор в пользу неопределенности.

Ранняя интерпретация уклонений фон Вригта у Белнапа и Перлоффа: subtilis analysis.

Укажем на то, каким образом интерпретируется уклонение в статье [7]. В общем случае, пишут Белнап и Перлофф, уклонение передается в предметном языке логики действий формулой (2). Однако этот анализ может быть конкретизирован на основе того, каким является предложение ϕ , описывающее состояние дел, от которого уклоняется агент. Рассмотрим вслед за авторами такие примеры¹. Пусть α получает указание: «Смотри, чтобы тебя не поймал повар» и, намереваясь его исполнить, собирается уклоняться от состояния дел, такого что « α пойман поваром». В этом случае его действие следует описывать формулой $[\alpha]\neg\phi$, где $\phi =$ « α пойман поваром». Пусть α получает указание: «Не поворачивайся к компасу спиной» и, намереваясь его исполнить, собирается уклониться от состояния дел, такого что « α повернулся к компасу спиной». В этом случае его действие следует описывать формулой $[\alpha]\neg[\alpha]\psi$, где $\psi =$ « α повернулся к компасу спиной».

Основанием для использования формулы вида (2) в первом случае уклонения и формулы (4) во втором случае служит отличие предложений, стоящих в области действия оператора « $[\alpha]$ ». Так, предложение ϕ не является агентным предложением, так как его появление в области действия оператора « $[\alpha]$ » порождало бы бессмыслицу: в самом деле, неверно думать, что α делает так, что его ловит повар. Наш α может в самом крайнем случае создать некие условия, благоприятствующие его поимке поваром, но сделать так, чтобы повар его поймал, он не в состоянии, как, например, Квикег не в состоянии сделать так, что Квикег — уроженец острова Коковоко. Предложение ψ , напротив, является агентным предложением,

---

¹ Здесь мы заимствуем примеры у Белнапа и Перлоффа, а они — у Г. Мелвилла и его «Моби Дика».

ведь его появление в области действия оператора « $[\alpha]$ » не порождает бессмыслицу, и мы можем утверждать, что наш α делает так, что поворачивается к компасу спиной. Это отличие позволяет Белнапу и Перлоффу предложить следующее правило: в том случае, если состояние дел, от которого уклоняется агент, описывается агентным предложением, то для описания уклонения следует использовать формулу с вложенными операторами, формулу (4); если же агент уклоняется от такого состояния дел, которое само не описывается агентным предложением, то для описания действия уклонения подходит формула (2).

Мы находим в высшей степени удовлетворительным то, что такое понимание видов уклонения в полной мере подкрепляется определениями и соответствующими характеристическими моделями. Действительно, когда, например, агент α уклоняется от того, чтобы не быть пойманным поваром, то он выбирает то, что несовместимо с ϕ , т. е. $\neg\phi$, тогда, когда он может гарантировать лишь этот результат выбора – $\neg\phi$, но не противоположный. Иными словами, он совершает уклонение типа 1, а его действие описывается средствами модели M_5 как выбор K-right. Когда же α уклоняется от того, чтобы повернуться к компасу спиной, то он выбирает $\neg\psi$ в ситуации, когда им могут быть гарантированы оба исхода – ψ и $\neg\psi$. То есть в этом случае α совершает уклонение типа 3, и его действие описывается средствами модели M_5 как выбор K-right.

Удивительно то, что более ранняя рецепция идей фон Вригта об отрицательных предложениях о действиях, более богатая и более содержательная, в дальнейшем воплотилась в логике действий лишь в усеченном виде.

Результаты и обсуждение.

Лежание на диване, игра в гольф, самоубийство.

Фиксация видов уклонения¹ позволяет разрешить разнообразные по своему числу затруднительные ситуации, которыми философы, рассуждающие об уклонении, любили потчевать друг друга во все времена: если верно, что агент выбирает всякий раз между тем, совершать ли ему какое-то действие или уклоняться от его совершения, то как быть с тем агентом, кто, например, пребывая в праздности, просто лежит на диване? Едва ли его следует считать тем, кто действует; едва ли он уклоняется от какого-либо действия, подобно тому, как мы считаем уклоняющимся от действия полицейского, который, погнавшись за малолетним преступником, из жалости, но вопреки должностной инструкции, не открывает по нему огонь [11, с. 45–46]. Теперь мы скажем, что лежащий на диване, хотя и не действует, все же не уклоняется от того, чтобы, например, встать (что следовало бы расценить как уклонение «по Белнапу» или как уклонение типа 3 «по фон Вригту» – прямой отказ подняться). Его уклонение иного рода и касается не столько отказа подняться, сколько отказа выбирать между тем, стоит ли вставать или нет. Иными словами, подобное поведение следует классифицировать как уклонение типа 2. На практике, в случае, который описал И. А. Гончаров, этот вид уклонения может приобретать форму безмыслия, когда лежащий вообще не

---

¹ Со ссылкой на фон Вригта как уклонения типа 1, типа 2 и типа 3, или, что то же, – через приписывание к формуле (4) конъюнкта $\neg[\alpha]\neg\phi$ всякий раз, когда нам понадобится указать на уклонение-отказ-от-выбора особо и тем самым отличить его от уклонения-совершения-противоположного.

проникает своим умственным взором в выбор в отношении возможности подняться, готовый ему открыться, или, скорее, форму торга с самим собой с элементами неопределенности: «Я поднимусь, если в комнату войдет слуга, а до тех пор буду лежать» и т. п.

С особой осторожностью следует интерпретировать средствами STIT-подхода случаи, аналогичные тем, когда опытный игрок в гольф делает неудачный удар, так что мяч не закатывается в лунку. По мнению Р. Кларка [12, с. 128], этот пример, заимствованный у Остина¹, служит иллюстрацией несостоятельности интерпретации уклонения как не-действия, такого что ϕ (ϕ = «мяч в лунке»). В самом деле, опытный игрок α мог сделать так, что ϕ истинно ($\Diamond[\alpha]\phi$), однако не сделал этого ($\neg[\alpha]\phi$). Следовательно, если нам доступно единственное определение уклонения как (4) (или как (3), что то же), то скажем, что он уклонился от того, чтобы положить мяч в лунку, что в общем контр-интуитивно. Однако для этой ситуации в несравненно большей степени справедливо следующее утверждение: неверно, что опытный игрок в гольф сделал так, что ϕ , и неверно, что опытный игрок в гольф сделал так, что $\neg\phi$. Первое замечание справедливо, так как в противном случае подобное утверждение было бы равносильно ситуации, когда делают так, что любой возможный исход действия, оканчивается таким положением дел, что ϕ . Практический эквивалент подобного утверждения имел бы место, если бы игрок в гольф взял мяч в руки и, приблизившись к лунке, просто вложил бы его внутрь, исключив тем самым малейшую возможность неудачи. Второе замечание справедливо по тем же соображениям. Действительно, утверждать, что опытный игрок в гольф делает так, что мяч оказывается за пределами лунки, можно лишь в том случае, если он снова, например, выносится за пределы лунки так, что любой другой исход этого действия исключается как возможный. Тем не менее игрок в гольф, каким бы опытным он ни был, не перестает быть игроком, и перед каждым ударом он, следовательно, веряет себя не только своему умению, но и в какой-то степени (пусть и ничтожно малой и обратно пропорциональной собственно умению) случайности. Вот почему его действие следует расценивать как уклонение типа 2 или как дополненное конъюнктом $\neg[\alpha]\neg\phi$ уклонение «по Белнапу»: его удар – это выбор в пользу неопределенности, строго говоря, единственно доступный в игре.

В заключение хотелось бы задать вопрос в связи с уклонением типа 1: выбирая между $\phi \vee \neg\phi$ – с одной стороны, и $\neg\phi$ – с другой, от чего в действительности уклоняется агент? Теоретически здесь есть три варианта ответа, и ни один из них не является неправильным. Можно ответить, во-первых, что, действуя подобным образом, агент уклоняется от ϕ , раз он выбирает несовместимое с ϕ . Так, выбирает смерть тот, кто уклоняется в первую очередь от противоположного ей, т. е. от жизни, которая тем не менее есть *fatum*, так как в любой момент она сама, без какого бы то ни было участия со стороны агента может обернуться для него своей противоположностью. Можно ответить, во-вторых, что агент уклоняется от самой неопределенности между первым и вторым. Так, выбирает смерть тот, для кого неопределенность, возможность каждую минуту расстаться с жизнью сама по себе настолько невыносима, что мысль о ней страшит более, чем мысль о самой смерти. Наконец, что ничуть

¹ См. текст Дж. Остина на русском языке в [13, с. 245–246].

не парадоксально, можно сказать, что агент, выбирая $\neg\phi$, уклоняется от $\neg\phi$: следствию игры внешних сил, случайности предпочитается один из возможных исходов этой игры, но уже как результат действия самого агента, а не случайности. Здесь нет страха перед неопределенностью, но при ее наличии объективно агент доходит здесь до почти полного ее отрицания. Это самоубийство перед отправкой на передовую при уверенности в том, что в первом же бою будешь убит.

Не во всякой ситуации при уклонении типа 1 все ответы на поставленный вопрос возможны. Так, наш опытный игрок в гольф, совершая уклонение типа 1, может ударить по мячу намеренно и напоказ плохо: будучи парализован страхом перед возможной неудачей, он хочет показать, что промахнулся намерено, например, для того чтобы дать фору противнику. В этом случае, промахиваясь специально, он уклоняется от того, чтобы промахнуться ненамеренно и показать тем самым свою невысокую квалификацию. Ударив по мячу намеренно плохо, он в другом случае может уклониться от неопределенности исхода вследствие договора с противником или подкупа. Однако едва ли сознательный плохой удар по мячу следует расценивать как уклонение от того, чтобы ударить просто хорошо, т. е. без какого бы то ни было основания, будь то страх перед возможной неудачей или договор с противником.

Заключение.

Теоретически – четыремя.

Мы установили, что изначально в [1] речь шла не столько о двух интерпретациях уклонения, сколько о двух типах уклонения, которые не сводятся друг к другу. Эти типы уклонения на основании семантического анализа, осуществленного на шести характеристических моделях логики действий, мы предложили понимать как виды не-действия. Мы показали, что они не определяются полностью тем или иным выражением предметного языка. Для их полного определения необходимо использовать метаязыковые средства и учитывать ситуацию, в которой агент совершает тот или иной поступок: действует или уклоняется от действия. Это замечание дало нам возможность сформулировать определения для трех основных видов не-действия и описать их работу как выбор, который осуществляет агент в рамках той или иной характеристической модели. Вместе три типа не-действия в соединении с не-действием как таковым исчерпывают все множество вариантов не-действовать для агента во всех возможных ситуациях. Мы выяснили, что анализ уклонения в современной логике действий, предпринятый по следам идей фон Вригта, квинтэссенцией которого может служить работа [5], напротив, не учитывает указанных видов не-действия. Следствием подобного положения дел стало сужение поля реакций агента в связи с открытой для него возможностью сделать так, что ϕ , до двух: или делать так, что ϕ , или не делать так, что ϕ (т. е. уклониться от того, чтобы сделать так, что ϕ). Предпринятый нами анализ позволяет, таким образом, учитывать различные варианты поведения агента, который не-действует: или так, как отсутствует сама возможность совершить некоторый поступок; или так, как он выбирает противоположное действию тогда, когда он может контролировать исход только некоторых открытых ему выборов (уклонение типа 1); или так, как он выбирает противоположное действию тогда, когда он может контролировать исход всех открытых ему выборов (уклонение типа 3); или так, как он отказывается совершать выбор вообще (уклонение 2).

Наконец, полученные результаты заставляют думать, что виды не-действия, о которых рассказывает статья, – то, что лежит на самой поверхности классификации этого понятия, так как эксплуатирует исключительно алетическую модальность и модальность действия. Возможно, указать на прочие виды уклонения и описать их работу нам удастся в будущем, если к анализу будут привлечены эпистемические и деонтические модальности, к обращению с которыми логика действий готова уже сейчас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вригт фон Г. Х. О логике норм и действий // Логико-философские исследования / пер. А. Ю. Муравицкого. М.: Прогресс, 1986. С. 245–289.
2. Belnap N. Before Refraining Concepts for Agency // *Erkenntnis*. Vol. 34, № 2. P. 137–169.
3. Xu M. Doing and Refraining from Refraining // *J. of Philosophical Logic*. 1994. Vol. 23, № 6. P. 621–632.
4. Xu M. Busy Choice Sequences Refraining Formulas and Modalities // *Studia Logica: An International J. for Symbolic Logic*. 1995. Vol. 54, № 3. P. 267–301.
5. Horty J., Belnap N. The Deliberative Stit: A Study of Action, Omission, Ability, and Obligation // *J. of Philosophical Logic*. 1995. Vol. 24. P. 583–644. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01306968>.
6. Belnap N. Backwards and Forwards in the Modal Logic of Agency // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1991. Vol. 51, № 4. P. 777–807. DOI: <https://doi.org/10.2307/2108182>.
7. Belnap N., Perloff M. Seeing to it that: a canonical form for agentives // *Theoria*. 1988. Vol. 54, iss. 3. P. 175–199. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1755-2567.1988.tb00717.x>.
8. van Benthem J., Pacuit E. Connecting Logics of Choice and Change // *Nuel Belnap on Indeterminism and Free Action* / ed. by T. Müller, Cham: Springer, 2014. P. 291–314.
9. Walton D. N. Omitting, Refraining and Letting Happen // *American Philosophical Quarterly*. 1980. Vol. 17, № 4. P. 319–326.
10. Блинов А. Л., Петров В. В. О «парадоксах бездействия» в логике действий // *Интенциональные логики и логическая структура теорий*. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 19–20.
11. Brand M. The Language of Not Doing // *American Philosophical Quarterly*. 1971. Vol. 8, № 1. P. 45–53.
12. Clarke R. What is an omission? // *Philosophical Iss.* 2012. Vol. 22, iss. 1. P. 127–143. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-6077.2012.00221.x>.
13. Остин Дж. «Если» и «могу» // *Три способа пролить чернила* / пер. с англ. В. Кирющенко. СПб.: Алетейя; Изд-во СПб ун-та. 2006. С. 232–261.

Информация об авторе.

Карнов Глеб Викторович – кандидат философских наук (2010), старший преподаватель кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 28 научных работ в области философской логики и теории аргументации. Сфера научных интересов: теория аргументации, философская логика, модальная логика, логика действий, формальная семантика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.09.2021; принята после рецензирования 12.11.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.*

REFERENCES

1. Von Wright, G.H. (1986), "On the logic of norms and actions", *Philosophical papers*, Transl. by Muravitskii, A.Yu., Progress, Moscow, RUS, pp. 245–289.
2. Belnap, N. (1975), "Before Refraining Concepts for Agency", *Erkenntnis*, vol. 34, no. 2, pp. 137–169.

3. Xu, M. (1994), "Doing and Refraining from Refraining", *J. of Philosophical Logic*, vol. 23, no. 6, pp. 621–632.
4. Xu, M. (1995), "Busy Choice Sequences Refraining Formulas and Modalities", *Studia Logica: An International J. for Symbolic Logic*, vol. 54, no. 3, pp. 267–301.
5. Horty, J. and Belnap, N. (1995), "The Deliberative Stit: A Study of Action, Omission, Ability, and Obligation", *J. of Philosophical Logic*, vol. 24, pp. 583–644. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF01306968>.
6. Belnap, N. (1991), "Backwards and Forwards in the Modal Logic of Agency", *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 51, no. 4, pp. 777–807. DOI: <https://doi.org/10.2307/2108182>.
7. Belnap, N. and Perloff, M. (1988), "Seeing to it that: a canonical form for agentives", *Theoria*, vol. 54, iss. 3, pp. 175–199. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1755-2567.1988.tb00717.x>.
8. van Benthem, J. and Pacuit, E. (2014), "Connecting Logics of Choice and Change", *Nuel Belnap on Indeterminism and Free Action*, in Müller, T. (ed.), Springer, Cham, CHE, pp. 291–314.
9. Walton, D.N. (1980), "Omitting, Refraining and Letting Happen", *American Philosophical Quarterly*, vol. 17, no. 4, pp. 319–326.
10. Blinov, A.L. and Petrov, V.V. (1985), "On the «paradoxes of inaction» in the logic of actions, *Intensional'nye logiki i logicheskaya struktura teorii* [Intentional logics and logical structure of theories], Metsniereba, Tbilisi, USSR. pp. 19–20.
11. Brand, M. (1971), "The Language of Not Doing", *American Philosophical Quarterly*, vol. 8, no. 1, pp. 45–53.
12. Clarke, R. (2012), "What is an omission?", *Philosophical Iss.*, vol. 22, iss. 1, pp. 127–143. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-6077.2012.00221.x>.
13. Austin, J. "«If» and «can»", (2006), *Tri sposoba prolit' chernila* [Three Ways of Spilling Ink], Transl. by Kiryushchenko, V., Aleteya, St. Petersburg Univ. Publishing House, SPb., RUS, pp. 232–261.

Information about the author.

Gleb V. Karpov – Can. Sci. (Philosophy) (2010), Senior Lecturer at the Department of Logic, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya line, St Petersburg 199034, Russia. The author of 28 papers on philosophical logic and theory of argumentation. Area of expertise: argumentation theory, philosophical logic, modal logic, logic of action, formal semantics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 24.09.2021; adopted after review 12.11.2021; published online 24.02.2022.*

Оригинальная статья

УДК 130.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-38-50>

Экзистенциальное и архитектурное пространство в мире человека: гендерный аспект

Алла Васильевна Юрьева

*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
Санкт-Петербург, Россия, 4alla@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7656-8557>*

Введение. Пространство выступает как базовая категория для многих явлений человеческого мира, поэтому полноценное понимание и его анализ возможны лишь при учете нахождения человека в нем. Целью исследования становится необходимость проследить тесную взаимосвязь человеческого бытия и пространства, их взаимовлияния и взаимозависимости. Актуальность работы связана с необходимостью укрупнения категории пространства в гендерном аспекте бытия. Научная новизна заключается в попытке систематизировать накопленные знания в области исследования категории пространства и его гендерных характеристик.

Методология и источники. Методологической базой работы являются философский и культурологический анализ. Основной подход в работе – междисциплинарный. В качестве источников были использованы философские тексты, связанные с проблемой пространства (М. Хайдеггер, М. Фуко, М. Мерло-Понти, Г. Марсель) и гендера (Г. Маркузе, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан, Ю. Кристева), теоретические работы по архитектуре (А. Иконников, А. Некрасов, К. Норнберг-Шульц, А. Габричевский), а также некоторые социологические труды (П. Бурдьё, М. Вильковский, С. О. Хан-Магомедов). Отдельные работы по семиотике (У. Эко) и вопросам метафоризации в культуре (О. Фрейденберг, Е. С. Кубрякова) оказали ощутимую помощь при подготовке статьи.

Результаты и обсуждение. Пространство, являясь фундаментальной онтологической категорией, исследуется в различных аспектах гуманитарного дискурса. История культуры показывает подвижность категорий «мужественность» и «женственность», следовательно, возникает закономерный вопрос о регулярном пересмотре этих понятий, влияющих на пространственную характеристику бытия, в конкретную историческую эпоху. На основе анализа работ из области антропологии, изучения тела и гендера, а также путем выявления особенностей формирования архитектурного пространства можно сказать, что существует тесная взаимосвязь между пространством и человеком. Показано, что тело является фоном познания мира и самого индивида, поэтому оно выступает основой при формировании гендерной метафоры. При изучении работ архитекторов был сделан вывод о невозможности уловить специфически женскую или мужскую манеру в их профессиональной деятельности, так как перед зодчим в первую очередь стоит конкретный заказ и определенные технические задачи.

Заключение. Пространство как базовая характеристика человеческого существования предстает в бытии человека и как коммуникативная сфера. Первичный телесный опыт пространства, данный от рождения, во многом определяет фон познания мира. Более того, пространство может нести гендерно маркированную либо гендерно нейтральную информацию, что дает повод говорить о проблеме восприятия и влия-

Юрьева А. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

нии на человека. Это возможно проследить через метафору архитектурного языка, способы организации пространства, выделение цветом, формой, конструкцией. Архитектуру отличает от других видов искусства большая зависимость от социальной реальности, ее порождающей, поскольку она в силу своей специфики является частью жизненной среды человека.

Ключевые слова: пространство, архитектура, жизненное пространство, телесность, гендер, метафоризация

Для цитирования: Юрьева А. В. Экзистенциальное и архитектурное пространство в мире человека: гендерный аспект // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 38–50. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-38-50.

Original paper

Existential and Architectural Space in the Human World: Gender Aspect

Alla V. Yurieva

*Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St Petersburg, Russia,
4alla@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7656-8557>*

Introduction. Space acts as a basic category for many phenomena of the human world. Therefore, a full understanding and analysis of space is possible only when we take into account the presence of a person in it. The purpose of the study is the need to trace the close interrelation of human existence and space, their mutual influence and interdependence. The relevance of the paper is connected with the need to enlarge the category of space in the gender aspect of being. The research novelty consists in the attempt to systematize the accumulated knowledge in the field of the study of the category of space and its gender characteristics.

Methodology and sources. The methodological basis of the work are philosophical analysis and cultural analysis. The main approach in the work is interdisciplinary. We used as sources philosophical works related to the problem of space (M. Heidegger, M. Foucault, M. Merleau-Ponty, G. Marcel) and gender (G. Marcuse, M. Foucault, J. Derrida, J. Lacan, Ju. Kristeva), theoretical works on architecture (A. Ikonnikov, A. Nekrasov, K. Nornberg-Schultz, A. Gabrichesky), as well as some sociological works (P. Bourdieu, M. Vilkovsky, S.O. Khan-Magomedov). Separate works on semiotics (U. Eco) and the issues of metaphorization in culture (O. Freudenberg, E.S. Kubryakova) provided tangible assistance in the preparation of this text.

Results and discussion. Being a fundamental ontological category, space is explored in various aspects of humanitarian discourse. The history of culture shows us the mobility of the categories “masculinity” and “femininity”, therefore, a natural question arises about the regular revision of these concepts, that affect the spatial characteristics of being in a specific historical epoch. In the course of the study, the following results were obtained. Based on the analysis of works from the field of anthropology, the study of the body and gender, as well as by identifying the features of the formation of architectural space, we can say that there is a close relationship between space and person. Our research shows that the body is the background of cognition of the world and the individual oneself, therefore it acts as the basis for the formation of a gender metaphor. We have studied the works of architects, and it was concluded that it is impossible to “catch” a specifically feminine or masculine

manner in the professional activity of an architect. The reason is that, first of all, the architect is faced with a specific order and certain technical tasks.

Conclusion. As a basic characteristic of human existence, space appears in human existence also as a communicative sphere. The primary bodily experience of space, that a human being gets from birth, largely determines the background of cognition of the world. Moreover, the space can carry gender-marked or gender-neutral information, and that gives us a reason to talk about the problem of perception and influence on a person. This can be traced through the metaphor of the architectural language, the ways of space organizing, highlighting with color, shape and construction. Therefore, architecture is distinguished from other types of art by its great dependence on social reality that generates it, since it is a part of the human living environment.

Keywords: space, architecture, living space, physicality, gender, metaphorization

For citation: Yurieva, A.V. (2022), "Existential and Architectural Space in the Human World: Gender Aspect", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 38–50. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-38-50 (Russia).

Введение. Проблема пространства была широко исследована в различных научных отраслях. Особенное внимание уделялось ей в гуманитарных дисциплинах, где одной из магистральных проблем стало укрупнение пространственных переживаний человека, проявляющееся в различных аспектах его существования. Постклассическая философия определяла тело как фон познания мира. Как следствие развития этой мысли возник закономерный вопрос о взаимосвязи телесности человека и пространства, окружающего его. Более острое звучание эта концепция приобретает на современном этапе развития, когда гендерные стереотипы претерпевают серьезные изменения, вследствие чего в культуре стирается четкая дихотомия мужского и женского начал, наблюдается поворот к андрогинным ценностям. Современная культура все больше характеризуется переходом от интеллектуальности к телесности, от вербальности к зрительному образу. Проблема пространства в мире человека, способы его структурирования и метафоризации приковывают к себе интерес исследователей с новой силой.

Цель данной работы – стремление проследить тесную взаимосвязь человеческого бытия и пространства, их взаимовлияния и взаимозависимости. В этом контексте была поставлена задача: акцентировать внимание на телесном опыте человека как ближайшей к нему пространственной характеристики. Из чего закономерно проистекала необходимость провести анализ гендерной метафоры, связанной с пространством, в соответствии с культурными представлениями эпохи (на примере советского быта, деятельности женщин-архитекторов).

Научная новизна заключается в попытке систематизировать накопленные знания в области исследования категории пространства и его гендерных характеристик с помощью междисциплинарного подхода.

Актуальность работы связана с несколькими факторами. Во-первых, с необходимостью укрупнения категории пространства в гендерном аспекте бытия. Во-вторых, с описанием действительно значимого влияния пространства на формирование гендерных представлений в бытии человека.

Методология и источники. Представленные в работе выводы основаны на культурфилософском анализе первоисточников, исследовательской литературы, конкретных объектах

архитектурного наследия. Исследование базируется на достижениях философской, культурологической, семиотической, антропологической, исторической мысли. Для анализа использованы архитектурные объекты как отечественного, так и мирового наследия.

Результаты и обсуждение. Пространство наряду со временем – это неотъемлемый фактор человеческого существования. По словам И. П. Касавина, «теории пространства и времени в гуманитарных науках касаются фундаментальных измерений человеческого мира и выражают их в специфических параметрах, таких как “верх” и “низ”, “центр” и “окраина”, “поверхность” и “глубина”, “удаленность” и “близость”, “старость” и “молодость”, “опережение” и “отставание”, которые нередко фиксируются уже на уровне обыденного сознания. Они разъясняют, в каких именно координатах и векторах описываются динамика и статика человеческого бытия» [1, с. 91]. Однако вопросы понимания и актуализации проблемы пространства обостряются в техногенном мире с новой силой. Это связано с экзистенциальными трудностями, которые ранее не имели такого острого характера. Например, мировой локдаун 2020 г. и значительные ограничения 2021 г., связанные с пандемией, создают прецедент, в котором пространство подвергается осмыслению с новым интересом. Здесь поднимаются вопросы замкнутости/открытости, виртуальности/реальности, опасности/безопасности пространства, которые требуют философского, исторического, социального, психологического, культурологического анализа. Можно сказать, что пространство современного человека – это открытое поле, на котором сталкиваются различные смыслы, тенденции, установки.

Вначале стоит определиться с тем, как будет пониматься экзистенциальное пространство в контексте данной работы. Экзистенциальное пространство – это пространство подлинного существования человека, связанное с личностными переживаниями окружающего мира. Как уместно было отмечено: «Если в социальном пространстве человек зачастую нейтрально относится к течению своей жизни, спокойно реагирует на не имеющие отношения к удовлетворению его сиюминутных потребностей объекты и явления, то в экзистенциальном пространстве приходится говорить не о проживании, а о переживании, ибо все, что в экзистенциальном пространстве происходит, переживается максимально эмоционально» [2, с. 189]. Таким образом, экзистенциальное пространство – это некий «отпечаток» реального пространственного окружения человека, сотворенный из личностного восприятия, иногда вносящий в него свои качественные характеристики.

Также нужно понять, что такое архитектурное пространство. По словам А. В. Иконникова, «архитектурное пространство – преобразованная часть окружающего пространства, гармонично сформированная материальными элементами, которая вмещает человека и обеспечивает условия для организации его жизнедеятельности, образуя при этом основу художественного языка и эстетической ценности архитектуры» [3, с. 267]. Но стоит заметить, что под архитектурным пространством чаще всего подразумевается именно материальная часть объекта, которая дает человеку возможность осуществлять свою деятельность. Есть и другая сторона – перцептивная, для которой характерны удобство и адекватность восприятия конкретного пространства (личного или общественного). В итоге возникает эмоциональный контакт, идущий от определенного объекта архитектуры напрямую к индивиду.

Эволюция представлений о пространстве берет начало из философского знания и в процессе своего развития обретает строго научный статус благодаря становлению математики и физики. В рамках гуманитарных дисциплин к XX в. мы имеем достаточное количество концепций, исследующих пространство в узкопрофессиональном ракурсе, что позволяет говорить о более полном, в сравнении с прошлым, описании знания о нем.

Например, в прошлом веке большое внимание уделялось анализу воздействия пространства на человека. В работе Зигфрида Гидиона «Пространство. Время. Архитектура» [4] подвергается анализу форма архитектурного сооружения. Этот первичный способ коммуникации между объектом и индивидом создает максимальный информационный поток. Важной в этом контексте считается работа «Теория архитектуры» А. И. Некрасова [5], в которой автор ищет прямую зависимость между конкретным периодом в истории, развитием культуры и эстетических приоритетов с доминирующей в это время концепцией пространства. Поэтому «пространственность» понимается им как способ взаимодействия человека с материальным миром. Исследование архитектурного пространства с точки зрения феноменологии впервые было осуществлено К. Норберг-Шульцом, который разработал идею «экзистенциального пространства» и «пространства жизненного опыта». В теории символического интеракционизма (П. Бурдье, Э. Гидденс) делается попытка объяснить специфику фундаментальных взаимосвязей архитектуры с человеческими мыслями, эмоциями и поведением. Авторы полагают, что эта теория способствует лучшему пониманию пространства.

Как видим, отдельные аспекты пространства были исследованы в различных гуманитарных дискурсах. В контексте взаимосвязи пространства и человеческого бытия изучение гендера в культуре и философии обретает важный смысл. Этот исследовательский материал огромен, особенно увеличиваются подобные работы в современном научном поле. Значительное влияние на становление гендерной проблематики в философии оказало неклассическое направление (Г. Маркузе, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан). Истоки постмодернистских гендерных теорий находим в произведениях Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто», С. Де Бовуар «Второй пол». В работах Ж. Ф. Лиотара фокусируется проблема семантики пола и цензурирования сексуальных отношений. Феноменология (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти) привнесла новое понимание тела как источника смыслов, в частности, тело выступает как «выражение и смысл» у Гуссерля и «как плоть междумирья» у Мерло-Понти. Гендер как культурную метафору рассматривают исследователи Л. Ирригарей, Э. Сиксу, Ю. Кристева. Интересная интерпретация звучит в работе «Гендер и архитектура» Луизы Дурнинг и Ричарда Рингли.

Список работ по проблеме пространства и гендера можно продолжить, что еще раз подтверждает глубокий интерес к ней и достаточную научную разработанность. Однако в современном дискурсе вызывает тенденция переосмысления и доработки большинства классических и неклассических теорий, что требует применения междисциплинарных подходов к проблеме пространства.

Исходя из такого богатого исследовательского интереса к проблеме пространства, очевидно, что осмысление его должно рассматриваться совместно с различными экзистенциальными вопросами. В силу того, что человек непрерывно пребывает в пространственных оппозициях, его положение часто дихотомично, начиная с пространства семьи, заканчивая

социальным измерением пространства. И в действительности такие пространства не стоит рассматривать как четкую геолокацию индивида, ведь они предполагают очень непростую и разветвленную систему социальных отношений.

Эта проблема показана в ряде антропологических исследований (К. Леви-Стросс, М. Мид и др.), из которых можно сделать вывод, что пространственное освоение мира и формирование представлений пространства в культуре связаны с его символическим описанием. Более того, первичный опыт пространственной организации наделяется эмоциональной выразительностью, связан с ритмом жизни и ритуалом. Широкий спектр чувственных ощущений информирует человека о ценности и значимости пространственного окружения. Следовательно, развиваясь внутри культурного целого, индивид не просто усваивает опыт, но и строит собственный, в котором пространство не может оставаться нейтральным. Оно устанавливает социальные различия, определяет и переопределяет поведение, обуславливает представления, обеспечивает основания для конструирования и распространения идеологии. Оно является механизмом, через который достигается распределение и циркуляция тел, осмысливает и определяет социальные отношения.

В культурной антропологии существует богатая традиция описания символизации пространства, которая является одной из черт сознания. Через бинарные оппозиции мифологическое сознание пыталось упорядочить свой жизненный мир. «В такой картине мира присутствует широко известный ряд бинарных оппозиций: верх–низ, свет–тьма, правое–левое, природа–культура, активность–пассивность, логика–эмоции. Левая категория – это атрибут мужественности, а правая – женственности. Каждому из полов приписывают набор соответствующих качеств, играющих важную роль в создании прототипа мужского и женского начал в общественном и индивидуальном сознании», – пишет Н. А. Хорошильцева [6, с. 5]. Подобная дихотомия мужского и женского четко прослеживается в пространственных представлениях, а следовательно, она способствует формированию ориентации и поведения человека в пространстве (например, разделение дома на мужскую и женскую половины, кухня – как место женского труда и так далее).

В самых древних строительных формах присутствовали представления о мире со всеми его характеристиками, имеющими значение для биологической адаптации человека. То есть архитектурная форма в своем существовании с самого своего зарождения обязательно связывается со знаниями об организации мира. Так, в строительстве дома имманентно присутствует идея сотворения мира – в соответствии с мифологическими, религиозными, космогоническими и космологическими знаниями и представлениями в данный исторический период. В. В. Федоров достаточно точно высказался на этот счет, сказав, что дом «вызывает богатейшие ассоциации с телом и мыслью человека» [7, с. 27].

Допустим, пространство комнаты, в которой проводится значительная часть жизни, становится ярким образцом маркировки пространства через дихотомию мужского и женского. Так как комната – это ближайшее к человеку пространство, оно является тактильным, т. е. все вещи имеют в нем место только по отношению к определенной чувствительности, в которой доминируют ощущения и переживания. Таким образом, комната, по мнению В. Подороги, – это «продолжение телесного образа и от него неотделима, поэтому по отношению к ней человек никогда не занимает позиции “перед”, “над” или “сбоку”, но всегда внутри, а комнатная предметность – вокруг» [8, с. 289].

Именно тело формирует фон познания и бытия мира, являясь основой постоянства нашего присутствия в мире, присутствия окружающих объектов и особенности нашего взгляда на мир. Но в отдельности ни тело, ни существование не могут считаться подлинником человеческого бытия, так как оба они предполагают друг друга, и тело есть обобщенное существование, которое является в то же время непрерывным воплощением. Ж.-П. Сартр задается вопросом: чем же является тело для меня самого? И отвечает: «Мое тело является сознающей структурой моего сознания» [9, с. 351]. Оно не постигается само для себя, оно лишь точка зрения и отправная точка, поэтому «сознание не престаёт “иметь” тело» [Там же].

Концепция тела или воплощения как основа онтологической укорененности в мире занимает ключевую позицию в философии. Проблема воплощения рассматривается в работе Г. Марселя «Метафизический дневник» (1928–1933) [10], где он представляет своеобразный тезисный план метафизики тела, реализованный в его последующей философии. Центральную позицию философа можно выразить следующим образом: экзистенциальный взгляд на реальность возможен только как точка зрения воплощенной личности. Воплощение представляется единственным условием всякого экзистенциального опыта. Именно тело вводит в реальность непосредственное окружение. Именно благодаря телу человек вторгается в мир, понимает его и наделяет его значениями.

Исходя из идей таких философов, как М. Хайдеггер, М. Мерло-Понти, Дж. Лакофф, Дж. Батлер, Л. Иригарей, можно сказать, что опыт сознания проистекает из телесного опыта и что у человека есть только один ресурс, который может быть задействован в работе сознания, – опыт тела. Описывая тело как субъект восприятия, Мерло-Понти подчеркивает его специфическое значение: являясь продолжением мира, состоя из той же плоти, что и мир, будучи вплетенным в ткань мира, тело является «мерой всего», «универсальным измерителем». Именно тело, а вместе с тем и человеческая субъективность поддерживают целостность и гармонию мира. Постмодернистская теория основывается на постулате «мир – это текст», значит, реальность в нашем сознании представляет собой социально и лингвистически сконструированный феномен. В этом контексте следует обратиться к процессу метафоризации пространства в культуре.

По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона [11] метафоры структурируют наше мышление. Они определяют восприятие внешнего мира и ценностей. Используя метафоры, человек трансформирует свои знания, «формурует» их. Что касается метафоры пола, фундаментальной для любой культуры, то она, безусловно, способствует познанию мира и себя. Что мы подразумеваем под гендерной метафорой? Прежде всего, это перенос совокупности физических и духовных качеств и свойств, объединенных словами «женственность» и «мужественность», из сексуальной сферы в сферу «внеполовую».

Как показывает история культуры, каждая историческая эпоха формирует собственные метафоры мужского и женского начала, которые выражают идеи «женственности» и «мужественности» и выступают в качестве смыслообразующих элементов. Мы можем наблюдать, как ролевые функции мужчин и женщин в обществе подвергаются серьезным изменениям, а это означает, что в культуре нет четкой дихотомии «мужских» и «женских» принципов, а есть сдвиг в ту или иную сторону. Для современной культуры характерен переход от интеллектуальности к телесности, от вербальности к визуальному образу. Как

же подобная тенденция отражается на пространственной характеристике человеческого существования?

Интересное исследование гендерной метафоры в современной культуре было проведено С. М. Михайловым и Ю. М. Филимоновой в работе «Гендерные метафоры в архитектурной среде современного города». Авторами проводится любопытный анализ объектов архитектуры на предмет метафорического переноса гендерных представлений. В статье говорится: «В современном городе можно выделить три слоя гендерных метафор по принципу сгенерировавшей их гендерной модели. Первый слой – исторический (вплоть до середины XIX в.), является отражением патриархальной гендерной модели, которая немыслима без иерархичной организации и главенствующей роли маскулинного гендера. Второй слой – модернистский (XX в.) – сознательное избегание вопросов пола, принцип равенства и подотчетности государству, служение высшей цели. Модернистская архитектура вырабатывает собственную эстетику, масштаб. Третий слой – наиболее современный (конец XX – начало XXI в.) – признание различий и равноценности феминного и маскулинного, отсутствие жесткой привязки к полу и нормативности гендера, трансформация категории феминное, сближение гендеров» [12, с. 92].

Итак, исходя из этой градации, можно сделать некоторое умозаключение: феминность/маскулинность – это динамические, исторически изменчивые концепты. В различные эпохи и в различных культурах они по-разному осмысливались и осмысливаются в сознании их носителей. Следовательно, и пространство меняет гендерный контекст в зависимости от социокультурных изменений времени.

Для примера можно углубиться в пространство советского быта, о котором написано немало исследовательских работ, литературных произведений, снято немало кинолент. Архитектура крупных общественных построек того времени является выразителем идей, которые вели к формированию нового идеала советского человека. Основой новой морали в молодом государстве была объявлена теория «стакана воды». Долгое время ее появление приписывали А. Колонтай, полагавшей, что социализм непременно уничтожит буржуазную семью. Но оказалось, что корни ее гораздо глубже, и их не стоит привязывать исключительно к созданию нового советского государства. Историческая семья со всем ее отягощениями в виде обязательств, бесправности женщины и даже полного ее порабощения домашним бытом и подчинению одному мужчине была объявлена пережитком эпохи. Все это, по мнению феминистки, убивает свободу, любовь, а самое главное – отвлекает от построения советского общества.

Чрезмерное обустройство частной жизни в таких идейных конструкциях воспринималось как «обывательство», проявление индивидуализма, эгоцентризма, пережитков буржуазного прошлого. Размножившиеся в огромном количестве коммунальные квартиры представляли собой пространство совместного проживания, в котором частная жизнь граждан становилась объектом повседневного контроля и надзора, семейная приватность оказывалась почти прозрачной. Все пространство делилось на две части – места общего пользования, поведение в которых жестко регулировалось распорядком, и комнаты жильцов – относительно автономное пространство проживания. Здесь сразу вспоминаются яркие семейные сцены в коммуналках из советской литературы и кинематографа. Можно сказать, что коммунальное сообщество обретает масштаб расширенной семьи.

Если отойти от коммунального сожительства в отдельно взятой многокомнатной квартире и привести пример более грандиозных проектов по организации коллективного бытования, то можно увидеть оригинальные экземпляры, ведь экспериментов с организацией пространства в то время было действительно много. Архитектурный государственный заказ выполнялся по всей стране, поэтому примеры таких построек мы находим в разных регионах. Жилой дом на Новинском бульваре в Москве (М. Гинзбург, И. Милинис, 1928–1930), жилой комбинат – поселок для горняков Анжеро-Судженского каменноугольного района (дипломный проект Н. Кузьмина, Томский технологический институт, 1928–1929). В 1928 г. архитекторы М. Барш, В. Владимиров, А. Пастернак, Г. Сум-Шик создают проект нового типа общественных построек – жилой ячейки типа F, переходную модель с элементами коллективного пространства. В этих домах впервые были использованы новые строительные материалы, и проведен пространственный эксперимент (масштаб комнаты по отношению к человеку, зрительное расширение интерьера за счет световых решений и цвета). В отличие от домов-коммун с полным обобществлением быта, ячейка типа F считается переходным типом постройки, где изолированные квартиры для каждой семьи будут сочетаться с общественными помещениями. Из этих удивительных архитектурных фантазий видно, что пространство советского человека должно было оставаться максимально гендерно нейтральным. Уравненное положение женщины по отношению к мужчине подразумевало освобождение ее от «рабского» бытового труда. Архитектурно это выразилось в отсутствии достаточного кухонного пространства в новых домах-коммунах и строительство отдельных бытовых корпусов неподалеку от основного. Это решение оказалось крайне неудобным. Жильцы, стремясь к долгожданному уединению, не хотели посещать столовые, а готовили пищу дома. Эти строительные объекты являются богатным предметом для изучения и дают показательную картину конкретного исторического периода.

Стоит отметить, что от советского прошлого в нынешней культуре осталась обширная часть гендерно нейтральных пространств (школы, детские сады, библиотеки, научные центры, парки, детские площадки), однако эта тенденция претерпевает любопытные преобразования. К пространствам с изменяющимся гендерным содержанием в современной культуре можно отнести: женское/мужское купе в поезде, барбершоп/парикмахерская, клубы, ранжируемые по сексуальным предпочтениям. В целом, все это говорит о подвижности гендерной маркировки пространства в зависимости от развития культурных и социальных доминант.

Если попытаться взглянуть на проблему пространства и гендера с точки зрения деятельности архитектора, которая всегда считалась полем для мужских амбиций, то здесь стоит быть аккуратным с выводами. В действительности женщин-архитекторов не так много, однако они есть и весьма успешны в профессии. Одной из первых заявила о себе Плайтилла Бриччи еще в XVII в. в Италии. Ее имя известно в архитектурных кругах, и творчество расценивается как талант большого профессионала. В одном ряду с ней можно перечислить и представительниц других эпох и стран: София Хейден, построившая «Женское здание» для Всемирной выставки 1893 г., Оливия Ленн, занимавшаяся проектированием образовательных учреждений в Финляндии, Элиза и Айно Аалто – обе супруги знаменитого финского архитектора-модерниста были солидарны в своей профессии с мужем. Из заметных зодчих Советской России можно назвать Римму Петровну Алдонову, которой были

подвластны и проекты типовых зданий, и эскизы уникальных для своего времени построек. Галина Михайловна Жирмунская была крупнейшим представителем в советском строительстве, ее деятельность касалась реализации различных архитектурных объектов.

Из современных авторов невозможно не упомянуть Одиль Декк – икону стиля, провокаторшу и бунтарку. Ее архитектурная манера выделяется на общем фоне необычностью и внешаблонностью. Свою профессиональную личность она сформировала вопреки желанию родителей, социальным установкам и традиции. Декк понимает архитектуру как заботу о человеке, его теле и считает, что в современном мире необходимо пересмотреть принципы человеческого существования. Ведь архитектура – это сила, которая воздействует на людей, приводит их тела в движение, манипулирует и меняет сознание. Но вершина успеха женской архитектуры, безусловно, принадлежит Захе Хадид, обладательнице Притцеровской премии 2004 г. Мировой известности и признанию ее в профессиональной среде предшествовали долгие годы разрушения стереотипного мышления, где слово «архитектор» не склоняется в женском роде. Творческий метод Хадид воспитан на примерах русского авангарда, а большим авторитетом для себя она считала К. Малевича. Ее стиль отличает «разрушение» привычных конструкций, «спор» с гравитацией и традиционной эстетикой. Большинство ее построек связывают с развитием теории нелинейности. Хадид опиралась на нестандартные стратегии проектного мышления, где отразились новейшие взгляды на мироустройство. Этот опыт привлек к себе внимание необычностью, которая проявляется во внешних характеристиках объекта. Для примера можно привести культурный центр Гейдара Алиева в Баку работы архитектурного бюро Захи Хадид. Этот многофункциональный центр смело можно назвать характерной постройкой новейшего течения в архитектуре.

Возникают закономерные вопросы: существует ли «женская» манера в строительном искусстве и можно ли говорить о гендерном деморфизме в процессе формирования пространства? Существуют ли критерии оценки «мужской» и «женской» архитектуры и, самое главное, кто может такие критерии определить? Анализируя работы не только перечисленных женщин-архитекторов, но и других представительниц этой профессии, таких как Фрида Эскобедо, Элора Харди, Майя Лин, Сийри Вальнер, Пернилле Вермунд, Барбара Белцка, Сьюзан Торр, Кармэн Эспагель, Магрит Мутсо, Франсин Хаубен, Кайя Сирен, Анна Тер-Аветикян, Анна Щетинина, Анжелика Мерзоева (в совокупности около 40 зодчих из разных культур, поколений и стилей), автор приходит к выводу, что исключительно женский стиль, какими бы характеристиками мы его не обозначали, не присущ ни одной из представительниц данной профессии. С первого взгляда невозможно определить, кто является автором конкретной постройки – мужчина или женщина, скорее, можно проследить «руку мастера», но разгадать его пол получится с трудом. Следовательно, можем ли мы вообще рассуждать о гендерных критериях в строительстве? Автор склоняется к тому, что нет. Но стоит заметить, что на этот счет существует и противоположное мнение. Аарон Бецки утверждает: «Заха Хадид не случайно создает чувственные формы, пытается снять противоречие между внешним и внутренним, экстерьером и интерьером. Конечно, она скажет, что это основано на ее теориях, технологии, но не на том, что она женщина...» [13]. Хочется вступить в полемику с известным теоретиком и практиком архитектуры и попробовать не согласиться с этой точкой зрения. Дело в том, что характерная для современного строительства тенденция

нелинейной архитектуры, к которой часто относят постройки Захи Хадид, предполагает смешение авторского стиля, социального заказа, компьютерных возможностей и развития технологий. В действительности работы представителей этого направления неразличимы по гендерному признаку.

Более того, в ряду современных женщин-архитекторов давно назревает тема гендерного неравенства в профессии. В работах Маргарит Пузано и Дениз Скотт-Браун остро звучит феминистская повестка, связанная с неравным положением женщины. Например, Д. Скотт Браун, будучи женой и коллегой известного американского теоретика и практика архитектуры Роберта Вентури, в своей статье «Архитектура: место для женщины» бескомпромиссно высказывается о половом деморфизме в архитектурной среде, сравнивая ее с мужским клубом, в котором нет места женщине. Многие известные идеи Вентури, оказалось, принадлежат именно ей, а по заведомо авторитетному положению мужчины в профессии многие критики просто не могли поверить, что знаменитые «дома-утки» были придуманы женщиной.

В связи с этим хочется сделать следующий вывод. Архитектурные объекты всегда являлись социально значимыми доминантами, фиксирующими базовые ценности и ориентиры общества. Поэтому архитектурное пространство следует воспринимать как часть социального заказа, как попытку найти оптимальное соотношение между субъектом восприятия и окружающими его пространственными объектами. В этом вопросе на первый план выходит идея художественного языка архитектуры, которая связывается с использованием гендерно маркированных выразительных приемов и средств создания образа. Однако каждая эпоха вносит свое осмысление этой проблемы. Надо отметить, что язык архитектуры на современном этапе развития все чаще рассматривается как универсальное средство коммуникации.

Заключение. Следует описать некоторые результаты данной работы. Во-первых, пространство является фундаментальной онтологической категорией, что делает его анализ крайне важным для понимания человеческой экзистенции. В статье показано, какая тесная взаимосвязь существует между пространственными характеристиками мира и человеком. Во-вторых, категория пространства берет свое начало от первичного пространственного опыта человека, т. е. опыта собственного тела. Будучи фоном познания мира и самого индивида, тело выступает основой при формировании гендерной метафоры. Это можно проследить на примерах, идущих от древнейших культур и проявляющихся по нынешний день. В-третьих, на примере гендерных трансформаций пространства советского бытования был сделан вывод об их экспериментальном характере, так как в итоге стремление человека к обособленности, замкнутости, интимности проживания приводит к той же гендерной маркировке пространства. В-четвертых, были проанализированы профессиональные работы женщин-архитекторов в попытке понять, существует ли строго «женская» традиция или манера в строительном искусстве. Автор склоняется к тому, что, скорее всего, ее не существует, так как в большинстве случаев архитектор имеет дело с социальным заказом, определенными техническими возможностями и культурным фоном конкретного исторического периода.

Таким образом, в современном научном дискурсе стоит регулярно пересматривать основные константы пространственных характеристик для выявления взаимосвязи и взаимовлияния человека и окружающего его мира. Так как гендер является системной характеристикой социального порядка, которая постоянно воспроизводится в структурах сознания, это

регулярно трансформирует пространственные характеристики человеческого бытия. В этом контексте одним из актуальных вопросов может стать укрупнение проблемы пространства, проявляющееся в различных аспектах существования современного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Касавин И. Т. Пространство и время: в поисках «естественной онтологии» знания // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 90–99.
2. Чередниченко И. П. Переживание в экзистенциальном пространстве // Гуманитарный вектор. 2010. № 2 (22). С. 188–194.
3. Иконников А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М.: КомКнига, 2006.
4. Гидион З. Пространство, время, архитектура / пер. с нем. М. В. Леонене, И. Л. Черня. М.: Стройиздат, 1984.
5. Некрасов А. И. Теория архитектуры. М.: Стройиздат, 1994.
6. Хорошильцева Н. А. Гендерная метафора в современной культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь, 2003.
7. Федоров В. В. Проблема восприятия и символического значения пространства. Тверь: ТОТ, 1997.
8. Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: Ad Marginem, 1995.
9. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. В. И. Колядко, М.: Республика, 2000.
10. Марсель Г. Метафизический дневник / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2005.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. М.: Едиториал УРСС, 2004.
12. Михайлов С. М., Филимонова Ю. М. Гендерные метафоры в архитектурной среде современного города // Известия КГАСУ. 2017. № 2 (40). С. 86–94.
13. Коряковская Н. Архитектурой правит гендер: лекция Аарона А. Бецки на винзаводе // ARCHI.RU. 2008. URL: <https://archi.ru/russia/5752/architekturoi-pravit-gender-lekciya-aarona-a-becki-na-vinzavode> (дата обращения: 30.06.2021).

Информация об авторе.

Юрьева Алла Васильевна – кандидат философских наук (2006), доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Большая Морская ул., д. 18, Санкт-Петербург, 181186, Россия. Автор более 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия архитектуры, семиотика культуры, пространство и время в философии и архитектуре.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.07.2021; принята после рецензирования 15.09.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.*

REFERENCES

1. Kasavin, I.T. (2000), "Space and time: in search of a "natural ontology" of knowledge", *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], no. 1. pp. 90–99.
2. Cherednichenko, I.P. (2010), "Experience in existential space", *Humanitarian vector*, no. № 2 (22), pp. 188–194.
3. Ikonnikov, A.V. (2006), *Prostranstvo i forma v arkhitekture i gradostroitel'stve* [Space and Form in Architecture and Urban Planning], KomKniga, Moscow, RUS.

4. Giedion, S. (1984), *Raum, Zeit, Architektur: Die Entstehung einer neuen Tradition*, Transl. by Leonene, M.V. and Chernya, I.L., Stroizdat, Moscow, USSR.
5. Nekrasov, A.I. (1994), *Teoriya arxitektury* [Theory of architecture], Stroizdat, Moscow, RUS.
6. Khoroshil'tseva, N.A. (2003), "Gender metaphor in modern culture", Abstract of Can. Sci. (Philosophy) dissertation, Stavropol State Univ., Stavropol', RUS.
7. Fedorov, V.V. (1997), *Problema vospriyatiya i simbolicheskogo znacheniya prostranstva* [The problem of perception and symbolic meaning of space], TOT, Tver', RUS.
8. Podoroga, V. (1995), *Fenomenologiya tela. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [The phenomenology of the body. Introduction to Philosophical Anthropology], Ad Marginem, Moscow, RUS.
9. Sartre, Je.-P. (2000), *L'être et le néant: Essay d'ontologie phénoménologique*, Transl. by Kolyadko, V.I., Respublika, Moscow, RUS.
10. Marcel, G. (2005), *Journal metaphysique*, Transl. by Bystrov, V.Yu., Nauka, SPb., RUS.
11. Lakoff, G. and Johnson, M. (2004), *Metaphors We Live By*, Transl. by Baranov, A.N. and Morozova, A.V., Editorial URSS, Moscow, RUS.
12. Mikhaylov, S.M. and Filimonova, Yu.M. (2017), "Gender metaphors in the architecture of the modern city", *News of the KSUAE*, no. 2 (40), pp. 86–94.
13. Koryakovskaya, N. (2008), "Architecture is ruled by gender: a lecture by Aaron A. Betsky at the Winery", *ARCHI.RU*, available at: <https://archi.ru/russia/5752/arhitekturoi-pravit-gender-lekciya-aarona-a-becki-na-vinzavode> (accessed 30.06.2021).

Information about the author.

Alla V. Yurieva – Can. Sci. (Philosophy) (2006), Associate Professor at the Department of Social Sciences, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 18 B. Morskaya str., St Petersburg 181186, Russia. The author of more than 20 scientific publications. Area of expertise: philosophy of architecture, semiotics of culture, space and time in philosophy and architecture.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 05.07.2021; adopted after review 15.09.2021; published online 24.02.2022.*

Оригинальная статья
УДК 18; 7.01; 791.43; 791.45
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-51-63>

Дзига Вертов и Уолт Уитмен: поэтический образ в документальном кино

Кирилл Леонидович Горячок

*Государственный институт искусствознания, Москва, Россия, Goryachokk@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0002-7732>*

Введение. Статья посвящена малоисследованному вопросу влияния американского поэта Уолта Уитмена на творчество советского режиссера Дзиги Вертова. Художественный мир фильмов и литературных опытов документалиста во многом вдохновлен образами поэзии американца.

Методология и источники. На основе сценариев, стихов и архивных документов Вертова автор статьи анализирует феномен диалога режиссера с Уитменом. При сравнительном анализе эстетики двух художников выявлено, что философские идеи и образная система американского поэта являлись объектами художественной рефлексии в документальных фильмах режиссера.

Результаты и обсуждение. В данной статье анализируются лейтмотивы творчества Дзиги Вертова, которые, по мысли автора, рождались под серьезным влиянием поэзии Уолта Уитмена. Образы и идеи творчества американского поэта возникают в текстах режиссера в начале 1920-х гг., уже в первых манифестах Вертов вводит образ «электрического человека», который во многом соотносится с аналогичным в лирике Уитмена. Автор указывает, что ветхозаветный Адам появляется в текстах и стихах Вертова также под прямым влиянием американского поэта. В статье исследуется модель государства и общества в творчестве Вертова и Уитмена. Автор находит сходство двух художников в отношении к гражданину и личности, стремлению к равенству и эмансипации, поиску духовного начала в коллективизме. Отдельно анализируются образы Ленина и Линкольна. Выявлены семантические параллели между ними в поэтике Вертова и Уитмена, показаны их прямые сопоставления в жанре, образности и подходах художников.

Заключение. Анализ и сопоставление образов и мотивов творчества Дзиги Вертова и Уолта Уитмена позволяют раскрыть новые грани эстетики и философии кино советского режиссера. Автор отмечает, что идеологическая основа его картин зачастую скрывала подлинные творческие интенции к поиску интертекстуальности, раскрытию поэтического образа в неигровом кино.

Ключевые слова: Дзига Вертов, Уолт Уитмен, кинематограф, поэзия, документальное кино, эстетика, философия кино

Для цитирования: Горячок К. Л. Дзига Вертов и Уолт Уитмен: поэтический образ в документальном кино // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 51–63. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-51-63.

Горячок К. Л., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Dziga Vertov and Walt Whitman: Poetic Image in Documentary Films

Kirill L. Goryachok

*State Institute of Art Studies, Moscow, Russia, Goryachokk@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0002-7732>*

Introduction. The article is devoted to the little-studied issue of the influence of the American poet Walt Whitman on the work of the Soviet film director Dziga Vertov. The creative world of films and literary experiences of the documentary filmmaker is largely inspired by the images of American poet.

Methodology and sources. On the basis of Vertov`s scripts, poems and archival documents, author analyzes the phenomenon of the director`s dialogue with Whitman and his poetry. In a comparative analysis of the aesthetics of the two artists, revealed that the philosophical ideas and imaginative system of the American poet were objects of artistic reflection on Vertov`s documentary films.

Results and discussion. The article analyzes the leitmotifs of the work of Dziga Vertov, which, according to the author, were born under the great influence of the poetry of Walt Whitman. The imagery and ideas of the American poet`s works emerged in the director`s texts in the early 1920s. In his first manifestos Vertov introduced the image of an “electric man”, which in many ways correlates with the analogous one in Whitman`s lyrics. The author also points out that the Old Testament Adam appears in the texts and verses of Vertov under the direct influence of the American. The article examines the model of state and society in the works of Vertov and Whitman. The author finds similarities between the two artists in relation to the individual, the desire for equality and emancipation, the search for a spiritual principle in collectivism. The images of Lenin and Lincoln are analyzed separately. The semantic parallels between them in the poetics of the Vertov and Whitman are revealed and shows their direct comparisons in the genre, imagery and approaches.

Conclusion. Analysis and comparison of images and motives of the work of Dziga Vertov and Walt Whitman allows to reveal new facets of the artistic world of the Soviet film director. The author notes that the ideological basis of his paintings often hid genuine creative intensions to search for intertextuality, to reveal the poetic image in documentary film.

Keywords: Dziga Vertov, Walt Whitman, cinema, poetry, documentary films, aesthetics, philosophy of cinema

For citation: Goryachok, K.L. (2022), “Dziga Vertov and Walt Whitman: Poetic Image in Documentary Films”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 51–63. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-51-63 (Russia).

Введение. Советский режиссер Дзига Вертов широко известен как один из родоначальников документального кино. Его фильмы широко изучены в контексте эпохи авангарда и искусства модернизма. Однако творческий мир Вертова, философия и образная система его творчества, включающего не только киноработы, но и стихи, литературные сценарии и дневники, все еще не вполне изучены и оставляют пространство для анализа и интерпретаций.

В данной статье речь пойдет о малоизученном вопросе в вертововедении – влиянии американского поэта Уолта Уитмена на творческие воззрения Дзиги Вертова, его принципы монтажа, ритмику и поэтический строй фильмов и сценариев. Автор доказывает, что режиссер

не только был большим почитателем Уитмена, но и в значительной мере вдохновлялся его образами, философскими идеями. Форма свободного стиха, предложенная американцем, легла в основу монтажных структур больших киноработ «киноков» (группы документалистов, созданной Дзигой Вертовым в начале 1920-х гг.), особенно «Шестой части мира» (1926) и «Трех песен о Ленине» (1934). Размышления Уитмена о свободе человеческой личности, о справедливом обществе и демократическом государстве также стали источниками рефлексии Дзиги Вертова в его текстах и фильмах.

Автор статьи ставит перед собой задачу провести сравнительный анализ образных систем поэта и режиссера; исследовать взаимосвязь философских воззрений Уитмена и Вертова; выявить степень влияния стихов американского поэта на формирование авторского стиля документалиста.

Методология и источники. Вопросы влияния Уолта Уитмена на Дзигу Вертова на русском языке подробно фактически никто касался. О любви режиссера к американскому поэту упоминали авторы двух посвященных ему монографий – Николай Абрамов [1] и Лев Рошаль [2]. Однако советские исследователи не поставили проблематику, не отметили в какой степени поэтика американца оставила свой отпечаток на работах режиссера.

В зарубежной литературе мотивы Уитмена у Вертова широко признаны, практически в любом серьезном исследовании о режиссере в той или иной степени указывается влияние поэта на творчество «кинока». Первой на это обратила внимание Аннет Майклсон в сборнике текстов режиссера «Kino-eye» [3]. Она заметила, что интертитры фильмов Вертова 1920-х гг. были отчасти вдохновлены стихами Уитмена.

С тех пор «уитменовский» вопрос часто анализировался зарубежными исследователями. Первую крупную статью на указанную тему написал Бен Сингер в 1987 г. Автор демонстрирует сходство между интертитрами «Шестой части мира» и поэмой Уитмена «Salut au Monde!». Автор также касается фильма «Человек с киноаппаратом» (1929), доказывая, что поэтическая структура картины во многом вдохновлена приемами американского поэта [4].

В 2007 г. англичанин Джереми Хикс в монографии о Дзиге Вертове дополнил тему, исследовав уитменовский прием написания поэм «каталогом». По его словам, советский режиссер во много выстраивал композицию своих картин по схожему методу. Хикс обращает внимание, что Вертов и Уитмен видели в окружающей действительности прежде всего материал для своего искусства, а также оба старались избавить свое творчество от художественного и игрового начал [5].

Последний на данный момент серьезный вклад в эту тему сделал Микаэл Куничика. Он подробно разобрал уитменовские мотивы в «Шестой части мира» и коснулся места американского поэта в советской культуре. Ссылаясь на русских формалистов, в частности на труды Юрия Тынянова и Виктора Шкловского, Куничика проводит параллель между интертитрами «Шестой части мира» и традициями поэтического жанра оды [6].

Однако в указанных работах исследуется только несколько случаев влияния Уитмена на советского документалиста. Кроме того, исследователи совсем не касались текстов режиссера. Не меньше, чем в фильмах, поэтика и образы американца нашли свое воплощение в стихах и литературных сценариях Вертова. Эта часть его наследия в последние годы все чаще становится предметом интереса со стороны исследователей. В двухтомнике «Дзига

Вертов. Из наследия» опубликована большая часть сценариев и творческих замыслов режиссера, его статьи и стенограммы выступлений [7, 8]. Поэзия режиссера, которая много лет оставалась неизученной частью его архивного наследия, также вошла в научный оборот. В 2019 г. филолог Александр Пронин написал монографию о сходствах поэзии Владимира Маяковского и режиссера-документалиста [9]. В ней он впервые публикует часть стихов Вертова, анализирует их в контексте футуризма и литературы Серебряного века. В 2020 г. в свет выходит первый сборник поэзии Дзиги Вертова под редакцией автора данной статьи [10]. Однако анализ мотивов Уитмена в них не вошел.

Важным источником для исследования поэтики режиссера по-прежнему являются архивные документы Дзиги Вертова, сохранившиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Это, прежде всего, черновые и дневниковые записи, которые до сих пор не опубликованы. Часть их используется в этой статье.

Произведения Уолта Уитмена цитируются по сборнику американской поэзии, вышедшему в серии «Библиотека всемирной литературы» [11], а также по книге Корнея Чуковского «Мой Уитмен» [12]. Также в статье используется текст Жюль Делеза об американском поэте, который проясняет некоторые философские особенности его творчества [13].

Анализ источников, литературы и фильмов Дзиги Вертова позволяет автору указать на широкое поле взаимосвязей между поэтом и режиссером, на интертекстуальную природу творчества советского документалиста. Влияние Уитмена на «кинока» открывает новую эстетическую сторону его работ. Интерес Вертова к образу женщины, который ярко проявился в поздних его картинах, а также особенности воплощения на экране образа Владимира Ленина – все эти важнейшие художественные мотивы его авторского стиля находят свою основу в стихах Уитмена.

Результаты и обсуждение.

«Электрический Адам»: уитменовские мотивы в ранних текстах Вертова.

Установить, когда именно Дзига Вертов познакомился с творчеством Уитмена, очень трудно. Режиссер никогда прямо не ссылался на поэта в своих теоретических работах, выступлениях или автобиографических статьях. Среди поэтов, вдохновивших его, он фактически называл лишь одного – Владимира Маяковского. Как известно, тот в определенный момент испытывал глубокое влияние Уитмена [12, с. 253].

Однако близость «кинока» к стилю американского поэта, его лирической интонации и пафосу созидания нового мира были очевидны его современникам. О том, что Вертов ходил с книжкой американца в кармане, упоминает Эсфирь Шуб в своих воспоминаниях [14, с. 84]. Критик Ипполит Соколов в 1927 г. в рецензии на «Шестую часть мира» отметил сходство интертитров фильма с «патетическим стилем Уитмена и Державина» [15, р. 236], а спустя два года в тексте о «Человеке с киноаппаратом» Наум Кауфман назовет Вертова «советским Уитменом» [15, р. 331].

Первые уитменовские мотивы в текстах режиссера возникают в манифесте «Мы. Вариант манифеста» (1922). Вертов пишет: «Наш путь – от ковыряющегося гражданина через поэзию машины к совершенному электрическому человеку» [8, с. 16]. Стиль и форма манифеста призывают трактовать образ «электрического человека» в контексте конструктивизма и идей Пролеткульта. Электричество в первые годы советской власти имело почти мисти-

ческое значение, было распространенным образом в литературе и живописи авангарда. Ленинское изречение: «Социализм – это советская власть плюс электрификация» приобрело большое значение и в понимании формирования нового советского человека. Это и есть путь от «ковыряющегося гражданина», не способного понять современность в ее растущей динамике. Поэтому Вертов в своем манифесте настаивает на возможности с помощью техники «разъяснить» и упорядочить мир. Тогда и рождается идеальный, композитный человек, готовый воспринимать жизнь во всей ее динамике и многообразии.

«Электрический человек» появляется и в стихах Вертова. Здесь еще более отчетливо ощущается влияние поэзии футуристов, в частности, Василия Каменского и его од электрификации [10, с. 71]:

*Не рожден еще электрический юноша,
Но близок яростный аэроплана крик,
Когда вознесенный ревами чугунами
Он схватит луну за язык.*

В первых манифестах режиссер формулирует идею сочетания органического и механического. Техника позволяет человеку совершить следующий эволюционный скачок, как бы продолжает его органы чувств: киноаппарат видит то, что не подвластно глазу. Таким образом, перед кинематографом лежит задача расширения сознания зрителя, его взгляда на окружающий мир.

Однако «электрический человек» Вертова мог включать в себя не только мотивы авангардной культуры первых революционных лет. В стихотворении «О теле электрическом пою я» Уолт Уитмен также обращается к пафосу рождения нового человека. Его лирический герой освобождается телесно, осмысляет заново каждый свой орган. Электричество здесь представляет собой энергию обновления, эволюцию человека. Очищение от условностей, эмансипация личности – эти мотивы лирики Уитмена находят свое выражение в вертовских текстах.

Одной из задач «киноков» являлось обновление восприятия обыденных вещей и самого взгляда на современного человека. Подобно приему «остранения», предложенному Виктором Шкловским, Вертов и Кауфман снимали действительность под «неправильными» углами, применяли обратную или рапидную съемку, создавали сложные монтажные конструкции, которые позволяли взглянуть на привычные явления жизни иначе. В этом видел свою задачу и Уитмен, когда длинными строками белых стихов описывал части тела человека, предметы, его окружающие [11, с. 244]:

*Но сложенный хорошо человек выражен не только в лице;
Он выражен в членах, суставах своих, изящно выражен в бедрах, запястьях,
В походке своей, в осанке, в гибкости стана, колен, – его не скрывает одежда,
Сила и ловкость его пробивается сквозь все ткани,
Он идет, восхищая вас, словно поэма, иль даже больше,
Помедлив, взгляните вы на спину его, на затылок, лопатки.*

В похожем духе в манифесте «Киноки. Переворот» (1923), где вновь возникает образ «электрического юноши», Вертов описывает, как Кино-глаз создает при помощи монтажа идеального человека: «Я Кино-глаз, я создаю человека, более совершенного, чем созданный

Адам, я создаю тысячи разных людей по разным предварительным чертежам и схемам. Я Кино-Глаз. Я у одного беру руки, самые сильные и самые ловкие, у другого беру ноги, самые стройные и самые быстрые, у третьего голову, самую красивую и самую выразительную, и монтажом создаю нового, совершенного человека...» [8, с. 40].

Здесь же возникает другой уитменовский образ – ветхозаветный Адам, превращающийся в Адама современного. В поэтике американца первочеловек символизирует очищение, открытие себя заново телесно и духовно [11, с. 253]:

*Когда я, как Адам,
Крепко выспавшись, выхожу на рассвете из лесного моего шалаша,
Посмотри на меня и послушай мой голос, подойди ко мне ближе,
Тронь меня, тронь мое тело рукою,
Не бойся тела моего.*

Вертов будет возвращаться к Адаму в 1940-е гг., когда станет рефлексировать о собственном наследии, творческом пути. В период остракизма и травли он вспоминает годы юности, определяя себя в широком смысле Отцом документального кино. Возвращается и уитменовская телесность, идеал мужчины, из чьего семени рождаются целые миры [10, с. 242]:

*Я – только атом.
Буква «А».
Адам документального племени.
Сто лауреатов –
Взрослых и ребят –
Из моего документального
Семени.*

Крайне важно, что, как и у Уитмена, взгляд на личность у Вертова предельно материален, лишен религиозных или мистических мотивов. Тело человека – часть природы и ее бесконечного процесса метаморфоз и обновлений. Интересна в этом смысле черновая записка режиссера в дневниковой тетради, передающая его мироощущение [16]:

*Поживет, поживет человек и умрет.
Смерть.
Закопают его в землю.
Засыпают покойника.
Съедят его червяки и бактерии.
И будет он пищей для разных растений.
Растет хлеб и др.
Животные едят траву, овес, сено.
Едят хлеб в разных местах СССР.*

Похожий мотив перерождения встречается и в монтажно-нарративной структуре «Человека с киноаппаратом», когда режиссер подряд монтирует сцены смерти и рождения, брака и развода. В лирике Уитмена ощущение бессмертия человека в природе встречается неоднократно [11, с. 400]:

*Чьи-то роды, вернее – бессмертное чье-то, торжественное
Рождение.
А там, за рубеж, недоступный для взора,
Уходит чья-то душа.*

Для Вертова ощущение бесконечности человека, того, что он не кончается со смертью, а переходит в другие природные и физические состояния, крайне важна. Это отметил Джон Маккей, указавший на связь мировоззрения режиссера с философией русского космизма и теорией «коллективной рефлексологии» психолога Владимира Бехтера, в чьем Психоневрологическом институте обучался юный Дзига Вертов. Человек оставляет свой след в бесконечной вселенной, поскольку является проявлением единой мировой энергии [17].

Жиль Делез писал, что Демократия Уитмена образует единое целое лишь в отношении с Природой, «в противном случае такое государство становится ничем иным, как мошенничеством» [13, с. 44]. Цивилизация людей соседствует и взаимодействует с природой – так Уитмен находит подлинную свободу в ощущении себя частью вселенной.

Сходства идеала «Нового человека» Вертова, созданного при помощи техники и монтажа, с лирическим образом Адама из поэзии Уитмена указывают на то, что режиссер испытывал влияние не только эстетики футуризма и конструктивизма. Хотя в фильмах «киноков» 1920-х гг. личность сосуществует с машиной (характерен в этом смысле финальный кадр «Человека с киноаппаратом», в котором органический глаз воссоединяется с глазом киноаппарата), для Вертова крайне важен был мотив освобождения, эмансипации человека, расширения сознания, очищение взгляда на мир. И здесь он вдохновлялся не только пафосом искусства авангарда, но и поэзией американского романтика.

«Шестая часть мира» и модель общества у Вертова и Уитмена.

С раскрепощением «нового человека» происходит созидание справедливого общества и государства. И ключевым образом в поэтике Вертова и Уитмена становятся пионеры, на которых ложится задача строительства будущего. В «Кино-глазе» (1924) юные ленинцы противопоставлены взрослым носителям старой культуры. На них ложится задача борьбы с отсталостью, пьянством и религией.

Тот же образ молодых пионеров, счастливых в «осуществлении будущего мира», можно найти и у Уитмена. В поэме «Пионеры! О, пионеры!» поэт описывает молодых основателей Демократии [11, с. 311]:

*Старое осталось сзади,
Новый, краше и сильнее, свежий мир, могучий мир,
Мы в этот мир ворвемся с боем, в мир похода и труда!
Дальше сжатыми рядами!
Убыль мы всегда пополним, мертвых заместят живые,
Через бой, через разгром, но вперед, без остановки.*

Воинственная риторика стиха похожим образом выражается в «Кино-глазе». Идеология пионерской организации включала в себя понятие «борьбы» и в немалой степени содержала армейскую эстетику: боевые построения, дробь барабанов, дисциплина. В «Кино-глазе» активные дети ставят ультиматум взрослым, указывают путь, которому впредь тем нужно следовать. Как замечала Дарья Хитрова, в картине Вертова «пионеры и Кино-глаз

дублируют друг друга», отсюда возникают воинские лозунги: «Кино-глаз на первой разведке», «наступление киноаппаратов», «завязка боя» [18, с. 110].

Борьба и революция в глазах американского поэта и советского режиссера необходимы для построения справедливого общества – в этом смысле Демократия Уитмена и Социализм Вертова крайне похожи, их объединяет стремление к глобальному равенству, соединению людей в труде во благо будущего. О соседстве двух утопий писал Жиль Делез: «Общество товарищей – вот революционная американская мечта, которой Уитмен мощно поспособствовал. Мечта несбывшаяся и преданная задолго до того, как тоже самое случилось с мечтой советского общества» [13, с. 44].

Идеальное государство имеет схожие черты в вертовских фильмах и в поэмах Уитмена. В нем объединяются народы в особую коллективную общность, которая скреплена не социальными институтами, а духовными отношениями, искренним соучастием друг к другу [11, с. 253]:

*Я создам города, каких никому не разъять, так крепко они
обнимут друг друга,
Сплоченные любовью товарищей.
Дерзновенной любовью товарищей.*

В фильме «Шестая часть мира» Дзига Вертов изображает утопический строй социализма, в котором все народы освобождаются от патриархальных и архаических условностей прошлого. Перечисляя различные национальности, режиссер стремится показать их глобальное равенство друг другу.

Исследователи Вертова отмечают глубокое сходство интертитров картины с поэмой Уитмена «Salut au Monde!» [4, р. 250–252]. Рефреном в поэме и в «Шестой части мира» проходит фраза «Я вижу!». В обоих произведениях возникает некий божественный глаз (в случае Вертова – Кино-глаз), озирающий огромные пространства, ощущающий мир едино в его многообразии [7, с. 108–109]:

*Свергнувшие в Октябре власть капитала
Открывшие путь к новой жизни
Прежде угнетенным народам страны
Вы
Татары
Вы
Буряты
Узбеки
Калмыки
Хакасы
Горцы Кавказа
Вы, коми из области Коми
И вы из далекого аула...
<... >
Вы
Все*

*Хозяева
Советской
Земли,
В ваших руках
Шестая
Часть
Мира.*

У Уитмена [11, с. 268–269]:

*Вы, японцы, мужчины и женщины!
Ты житель Мадагаскара, Цейлона, Суматры, Борнео!
Вы, жители Азии, Африки, Европы, Австралии, всех континентов!
Вы, кто живет на бесчисленных островах и архипелагах!
Вы, люди грядущих столетий, которые услышат меня!
И вы, кто бы вы ни были и где бы ни жили, кого я не назвал!
Привет вам! Привет и любовь от меня и Америки!
Каждый из нас неминуем,
Каждый из нас безграничен – каждый из нас обладает правом
На эту землю,
Каждый из нас несет в себе вечные цели земли,
Каждый из нас в равной мере божественен.*

Освобождение народов ведет за собой и раскрепощение пола. В поэтике Вертова есть немало женских образов – фильмы «Три песни о Ленине» (1934), «Колыбельная» (1937) прямо посвящены процессу эмансипации женщины в советской стране. Прежде всего женское ассоциируется у режиссера с материнством, что особенно подчеркивается в «Колыбельной» через отношения матери и ребенка.

В текстах режиссера неоднократно можно встретить мотив «беременности». В заявлении в Главрепертком в 1928 г. Вертов пишет: «Отказ от самой темы “Человек с киноаппаратом” мне не представляется возможным. Представьте себе: роженица в день родов отказывается родить уже выношенного 9-месячного ребенка». И еще более радикальный образ встречается в документе с просьбой позволить режиссеру завершить фильм «Колыбельная»: «Я еще не заслужил обезболивания моих родов, я согласен в муках произвести на свет фильм, но на фильм-выкидыш я не пойду. Фильм о женщине должен быть доношен» [7, с. 23]. В ранних стихах Вертова также можно найти сексуализированный образ женского лона, весьма смелый даже для своего времени [10, с. 121]:

*Ноги раскрытым циркулем
Глаз спицами лучей
Ах-тах-тах сердце
Мотоциклет без прицепа
В цепях поцелуев циклоп.
Над влагалищем,
Как попка над циферблатом,
Пробую мозга бицепс.*

Тексты Уитмена отличал особого рода феминизм. Прежде всего он ратовал за социальные права женщины, за равенство ее с мужчинами. Его «Листья травы» начинаются со слов «Женское наравне с мужским я пою». В одной из публицистических статей поэт говорит о положении женщины в грядущей Демократии: «В молчании, не торопясь, демократия вынашивает свой собственный идеал не только для искусства и литературы, не только для мужчин, но и для женщин. Сущность американской женщины (освобожденной от того допотопного и нездорового тумана, который облекает слово “леди”), женщины вполне развитой, ставшей сильным работником, равным мужчине, – ее сущность не только в работе, но и в решении жизненных и государственных вопросов» [12, с. 220–221].

Но Уитмену свойственно принятие не только новой социальной роли женщины, для него она прежде всего олицетворяет материнское начало в природе. Теме рождения и беременности поэт отводит немало строк в своих поэмах [11, с. 227]:

Голоса циклов подготовки и роста

И нитей, связующих звезды, и женских чресел, и влаги мужской.

Таким образом распространенный в творчестве Вертова образ женщины во многом объясняется большим интересом режиссера к лирике американского поэта. Их восприятие государства и гражданина, темы свободы и эмансипации личности, пола, а также общий пафос коллективного созидания весьма схожи. Поэзия Уитмена придает объема содержанию фильмов и текстов Дзиги Вертова, позволяет увидеть за их внешней идеологией и политической ангажированностью авторский художественный мир со его особым лиризмом и романтизмом.

Ленин и Линкольн: образ вождя у Вертова и Уитмена.

В поэтике Вертова и Уитмена возникает еще один родственный мифологический образ – вождь, смелый борец за свободу простого человека, гибель которого приобретает сакральное значение для нации. В творчестве обоих значительное место занимают реквиемы по ним: у режиссера – по Владимиру Ленину, у поэта – по Аврааму Линкольну.

В сценарии «Трех песен о Ленине» Вертов рисует мистический обряд похорон вождя: «Горки. 23 января. Мороз. Все покрыто снегом. Из стеклянной двери белого дома с разрисованными морозом окнами старые товарищи и соратники Ленина **ВЫНОСЯТ КРАСНЫЙ ГРОБ**; опустили в землю. Ленин кажется спящим. Почти улыбается. Падают снежинки ему на лоб. <...> 4 часа. Под залпы орудий, под рев заводских гудков опускается в склеп тело Ленина. Прекращается всякое движение. Пролетарии думают о Ленине» [7, с. 153–159].

Лейтмотивом фильма является народные плач по усопшему. Фольклорная обрядность действия создает религиозно-экстатическую атмосферу «воскрешения». Не случайно Вертов акцентирует внимание на образе весны – обновления природы: «Наряду с другими темами через весь фильм “Три песни о Ленине” проходит образ “Ленин – это весна”. Весна пустыни, которая превращается в сад, весна земли, к которой приходит трактор, весна женщины, которая снимает чадру...» [7, с. 167].

Поэма Уитмена на смерть Линкольна тоже обращается к образу весны [11, с. 361]:

Когда во дворе перед домом цвела этой весной сирень

И никла большая звезда на западном небе и ночи,

Я плакал и всегда буду плакать – всякий раз, как вернется весна.

Каждой новой весной эти трое будут снова со мной!

*Сирень в цвету, и звезда, что на западе никнет,
И мысль о нем, о любимом.*

И далее, как у Вертова, возникает путешествующий через всю страну гроб вождя [11, с. 362–363]:

*Мимо желтых стеблей пшеницы, воскресшей из-под савана в темно-бурых полях,
Мимо садов, мимо яблонь, что в розовом и в белом цвету,
Неся мертвое тело туда, где оно ляжет в могилу,
День и ночь путешествует гроб.
Гроб проходит по тропинкам и улицам,
Через день, через ночь в большой туче, от которой чернеет земля,
В великолепии полуразвернутых флагов, среди укутанных в черный креп городов,
Среди штатов, что стоят, словно женщины, облаченные в траур;
И длинные процессии вьются за ним, и горят светильники ночи.*

Сходство двух обрядов-процессий касается даже мельчайших деталей. У Вертова, например, города тоже одеты в «черный креп огней», сотни тысяч людей приходят попрощаться с вождем, следуя за его гробом через всю страну. Похороны являются неким связующим центром для народов и всего государства. В фильме, как и в поэме, финальная часть демонстрирует, что жизни вождей не прошли напрасно, они воплотились в созидательной энергии общества на его пути к совершенному будущему.

Все это указывает на значительное влияние реквиема Уитмена на замысел «Трех песен о Ленине». Обращение к поэтике американца позволило Вертову отыскать в идеологическом материале новые нарративные формы, выйти на уровень поэтического обобщения. Ткань поэмы Уитмена дополняет образ Вождя в картине, доводит его до уровня мифа и эпоса.

Заключение. Сравнительный анализ некоторых схожих мотивов и образов в творчестве Дзиги Вертова и Уолта Уитмена позволяет говорить о множественном влиянии поэта на режиссера. Прежде всего, их объединяет общее стремление к запечатлению реальности – Уитмен подробно рисует портрет жизни, моментально схваченный взглядом. Его стихам свойственен динамизм, фотографическая фрагментарность.

В основе принципа «жизни врасплох», провозглашенном «киноками», лежали похожие идеи. Вертову были присущи такие свойства творчества Уитмена, как антиэстетизм, воспевание простоты и жизни простого народа, а также декламационная, ораторская манера повествования. Монтажный принцип стихотворного «каталога» явлений также во многом лег в основу литературных сценариев Вертова.

Образная система поэтики Уитмена, его философские воззрения на человека и природу, на государство и общество имели огромное влияние на Вертова. И исследование схожих мотивов, а зачастую и прямых цитат из лирики поэта, позволяет расширить наше знание о личности и кинематографе режиссера-документалиста. Через Уитмена Вертов стремился отыскать лирическую интонацию в своих идеологических сюжетах, будь то пафос построения социализма, как в «Шестой части мира», или ода вождю пролетариата в «Трех песнях о Ленине».

Эта сторона авторского стиля «кинока» прежде всего показывает его желание выйти за пределы официоза и работать в поле чистого искусства. Хроникальные картины по заказу

государства зачастую скрывали подлинные художественные установки Вертова, стремившегося к выражению поэтического образа в неигровом кино. Признание влияния Уитмена на творчество режиссера открывает возможность иначе взглянуть на его художественный мир, на эволюцию авторской эстетики, философии кино, которые были полны разнообразных влияний. Витальность киноработ Дзиги Вертова, которые и сегодня привлекают к себе внимание зрителей и исследователей, обусловлена этой сложной системой метафор, интертекстуальностью, включающей в себя не только эпоху советского авангарда и европейского модернизма, но и влияние художественной литературы, в частности американской поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Н. П. Дзига Вертов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.
2. Рошаль Л. М. Дзига Вертов. М.: Искусство, 1982.
3. Michelson A. Kino-eye: The writings of Dziga Vertov. California: Univ. of California Press, 1984.
4. Singer B. Connoisseurs of Chaos: Whitman, Vertov and the «Poetic Survey» // Literature/Film Quarterly. 1987. Vol. 15, № 4. P. 247–258.
5. Hicks J. Dziga Vertov. Defining documentary film. London; N. Y.: I. B. Tauris & Co Ltd, 2007.
6. Kunichika M. «The ecstasy of breadth»: the odic and the Whitmanesque style in Dziga Vertov's «One Sixth World» (1926) // Studies in Russian & Soviet Cinema. 2012. Vol. 6, № 1. P. 53–74. DOI: https://doi.org/10.1386/srsc.6.1.53_1.
7. Вертов Д. Из наследия: в 2 т. Т. 1. М.: Эйзенштейн-центр, 2004.
8. Вертов Д. Из наследия: в 2 т. Т. 2. М.: Эйзенштейн-центр, 2008.
9. Пронин А. Бумажный Вертов / Целлулоидный Маяковский. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
10. Вертов Д. Миру – глаза. Стихи / сост. К. Л. Горячок. СПб.: Порядок слов, 2020.
11. Генри Лонгфелло. Песнь о Гайавате. Уолт Уитмен. Стихотворения и поэмы. Эмили Дикинсон. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1976.
12. Чуковский К. И. Мой Уитмен. М.: Прогресс, 1966.
13. Делез Ж. Уитмен // Критика и клиника / пер. с франц. О. Е. Волчек, С. Л. Фокина. СПб.: Machina, 2002.
14. Шуб Э. Крупным планом. М.: Искусство, 1959.
15. Lines of Resistance. Dziga Vertov and the Twenties / ed. Yu. Tsivian. Pordenone: Le Giornate Del Cinema Muto, 2004.
16. Вертов Д. Тетрадь и разрозненные листы с набросками сценария документального фильма «Шестая часть мира», дневниковыми записями, записями для памяти и др. // Ф. 2091. Оп. 2. Ед. хр. 235. Л. 5. М.: РГАЛИ.
17. Маккей Дж. Энергия кино: Процесс и метанарратив в фильме Дзиги Вертова «Одиннадцатый» (1928) / пер. с англ. Л. Разгулиной // Новое литературное обозрение. 2014. № 5 (129). С. 17–35.
18. Хитрова Д. Сюжет «Кино-глаза» // Киноведческие записки. 2013. № 104–105. С. 95–118.

Информация об авторе.

Горячок Кирилл Леонидович – научный сотрудник Сектора художественных проблем массмедиа Государственного института искусствознания, Козицкий пер., д. 5, Москва, 125009, Россия. Кинокритик, историк кино. Автор 11 научных публикаций. Сфера научных интересов: эстетика, история кино, теория документального кино.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 22.11.2021; принята после рецензирования 16.12.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.*

REFERENCES

1. Abramov, N.P. (1962), *Dziga Vertov* [Dziga Vertov], Izd-vo Akademii nauk SSSR, Moscow, USSR.
2. Roshal', L.M. (1982), *Dziga Vertov* [Dziga Vertov], Iskusstvo, Moscow, USSR.
3. Michelson, A. (1984), *Kino-eye: The writings of Dziga Vertov*, Univ. of California Press, California, USA.
4. Singer, B. (1987), "Connoisseurs of Chaos: Whitman, Vertov and the "Poetic Survey", *Literature/Film Quarterly*, vol. 15, no. 4, pp. 247–258.
5. Hicks, J. (2007), *Dziga Vertov. Defining documentary film*, I. B. Tauris & Co Ltd, London, UK.
6. Kunichika, M. (2012), "The ecstasy of breadth": the odic and the Whitmanesque style in Dziga Vertov's "One Sixth World" (1926)", *Studies in Russian & Soviet Cinema*, vol. 6, no. 1, pp. 53–74. DOI: https://www.doi.org/10.1386/srsc.6.1.53_1.
7. Vertov, D. (2004), *Iz Nasledia: v 2 t.* [Dziga Vertov. From Heritage: in 2 vol.], vol. 1, Eisenstein-center, Moscow, RUS.
8. Vertov, D. (2008), *Iz Nasledia: v 2 t.* [Dziga Vertov. From Heritage: in 2 vol.], vol. 2, Eisenstein-center, Moscow, RUS.
9. Pronin, A. (2019), *Bumazhnyi Vertov / Tselluloidnyi Mayakovskii* [Paper Vertov / Celluloid Mayakovsky], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, RUS.
10. Vertov, D. (2020), "Miru – glaza". *Stikhi* ["Eyes to the world". Poems], compiled by Goryachok K.L., Poryadok slov, SPb., RUS.
11. Henry Longfello. *Pesn' o Gayavate, Walt Whitman. Stikhotvoreniya i poemy. Emily Dickinson. Stikhotvoreniya* [Henry Longfellow. Song of Giawatha, Walt Whitman. Poems and verses, Emily Dickinson. Poems] (1976), *Hudozhestvennaya literature*, Moscow, USSR.
12. Chukovskii, K.I. (1966), *Moi Uitmen* [My Whitman], Progress, Moscow, USSR.
13. Deleuze, G. (2002), "Whitman", *Critique et Clinique*, Transl. by Volchek, O.E. and Fokin, S.L., Machina, SPb., RUS.
14. Shub, E. (1959), *Krupnym planom* [Close-up], Isskustvo, Moscow, USSR.
15. *Lines of Resistance. Dziga Vertov and the Twenties* (2004), in Tsivian, Yu. (ed.), *Le Giornate Del Cinema Muto*, Pordenone, ITA.
16. Vertov, D., *Tetrad' i razoznennye listy s nabroskami stsenariya dokumental'nogo fil'ma «Shestaya chast' mira», dnevnikovymi zapisyami, zapisyami dlya pamyati i dr.* [Notebook and scattered sheets with sketches of the script for the documentary «The Sixth part of the Earth», diary entries, notes for memory etc.], *Fund* 2091, op. 2, d. 235, l. 5, RGALI, Moscow, RUS.
17. MacKay, J. (2014), "Film Energy: Process and Metanarrative in Dziga Vertov's The Eleventh Year (1928)", Transl. by Razgulina, L., *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary rev.], no. 5 (129), pp. 17–35.
18. Khitrova, D. (2013), "The plot of "Kino-eye"", *Kinovedcheskie Zapiski* [Film Studies Notes], no. 104–105, pp. 95–118.

Information about the author.

Kirill L. Goryachok – Research Officer of the Sector of Artistic Problems of Mass Media, State Institute of Art Studies, 5 Kozitsky pereulok, Moscow 125009, Russia. Film critic, film historian. The author of 11 scientific publications. Area of expertise: aesthetics, film history, theory of the documentary films.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 22.11.2021; adopted after review 16.12.2021; published online 24.02.2022.*

Оригинальная статья
УДК 165; 167; 004.9; 008; 009
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-64-81>

Искусственный интеллект в оптике философской методологии: образовательный трек

Раиса Ильинична Мамина¹, Станислав Николаевич Почебут²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹maminaraisa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3301-636X>

²sniper2711@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4608-0256>

Введение. Проблематика искусственного интеллекта (ИИ) является одной из центральных для современного научного и бизнес-сообществ. Несмотря на актуальность и особую востребованность ИИ-профессий, в настоящее время на рынке труда наблюдается острая потребность и в высококвалифицированных, и в молодых профессионалах данного направления. Образовавшийся дефицит, по мнению аналитиков, обусловлен недостатками в системе подготовки ИИ-специалистов. Рассматриваются причины, определившие кризисное положение образовательных программ в сфере IT. Главный акцент делается на новые подходы к получению знаний при подготовке ИИ-специалистов, соответствующие специфике новых реалий.

Методология и источники. Используется методология сравнительного анализа, междисциплинарного и философского подходов к рассмотрению ИИ как информационно-коммуникативного феномена новой реальности. В качестве истоковедческой базы использована специальная литература зарубежных (К. Шваб, Н. Девис, П. Дорэрти, Дж. Уилсон и др.) и отечественных (Э. М. Пройдаков, В. Б. Тарасов, П. М. Готовцев и др.) авторов, научные исследования (коллективное исследование российских ученых «Сильный искусственный интеллект», 2021 и др.), публикации и сайты, посвященные проблематике ИИ, включая образовательную сферу (О. Е. Баксанский, Ю. Пахомов и др.; www.trends.rbc.ru/trends/education и др.).

Результаты и обсуждение. Определяются основные тенденции создания искусственного интеллекта, который развивается и как специальная область научного знания, и как огромная ИИ-отрасль. Выявляется специфика образовательного трека при подготовке молодых специалистов ИИ-профиля, ставится вопрос о необходимости разработки новой образовательной модели, реализующей потребности цифровой экономики в плане подготовки высококвалифицированных кадров в сфере IT.

Заключение. В настоящих условиях, когда объемы информации постоянно увеличиваются, а практика развития ИИ опережает теорию, подготовка ИИ-специалистов все еще имеет узкопрофильный характер. В этой связи рассматривается последняя модификация STEM-образования – i-STEAM, которая также, как и STEM, направлена на обеспечение сквозного взаимодействия между прикладными задачами, фундаментальными исследованиями и системой образования, но в отличие от STEM, включает и гуманитарную, и инновационную составляющие, что особенно актуально для подготовки молодых ИИ-специалистов. Однако применительно к ИИ-направлению гуманитарная составляющая должна быть обязательно дополнена предметным полем

Мамина Р. И., Почебут С. Н., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

цифровой гуманитаристики с основным акцентом на цифровую прикладную этику как необходимое условие прогрессивного развития ИИ. Подчеркивается, что именно такой подход к подготовке кадров ИИ-профиля отвечает требованиям человеко-ориентированной цифровой эпохи.

Ключевые слова: цифровые технологии, четвертая промышленная революция, искусственный интеллект, образование, цифровые гуманитарные науки, «сильный ИИ», «слабый ИИ», общий ИИ, STEM-образование, STEAM-образование, i-STEAM-образование

Для цитирования: Мамина Р. И., Почебут С. Н. Искусственный интеллект в оптике философской методологии: образовательный трек // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 64–81. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-64-81.

Original paper

Artificial Intelligence in the View of Philosophical Methodology: an Educational Track

Raisa I. Mamina¹, Stanislav N. Pochebut²

^{1,2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹*maminaraisa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3301-636X>*

²*sniper2711@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4608-0256>*

Introduction. The problematic of artificial intelligence (AI) is one of the central issues for modern scientific and business communities. Despite the relevance and particular demand for AI professions, there is currently an acute need in the labor market for both highly qualified and young specialists in this area. According to analysts, the shortage is due to shortcomings in the system for training AI specialists. The reasons that determined the crisis of educational programs in the field of IT are considered. The main emphasis is focused on the new approaches of gaining knowledge in the training of IT specialists, appropriate to the specifics of the new realities.

Methodology and sources. The methodology of comparative analysis, interdisciplinary and philosophical approaches to the consideration of AI as an information and communication phenomenon of the new reality is used. Sources are based on the special literature of foreign (K. Schwab, N. Davis, P. Dougherty, J. Wilson and etc.) and Russian (E.M. Proydakov, V.B. Tarasov, P.M. Gotovtsev and others) authors, scientific researches (collective research of Russian scientists “Strong Artificial Intelligence”, 2021; and others), publications and websites devoted to the problems of AI, including the educational sphere (O.E. Baksansky, U. Pakhomov, etc.; www.trends.rbc.ru/trends/education and others).

Results and discussion. Main tendencies of artificial intelligence development are determined. AI is opening out both as a special field of scientific knowledge and as a huge AI-industry. The specifics of educational track in training young AI specialists are revealed; the question of the necessity of developing new educational model, implementing the needs of digital economy in terms of training highly qualified personnel in the field of IT is raised.

Conclusion. In the present conditions, when the volume of information is constantly increasing and the practice of AI development is ahead of the theory, the training of AI specialists has still a narrow profile. In this connection, we consider the latest modification of STEM education – i-STEAM, which, like STEM, is aimed at ensuring end-to-end interaction between applied tasks, fundamental research and educational system, but, unlike STEM, includes humanitarian and innovative components, which is especially relevant for training

young AI specialists. However, as applied to the AI direction, the humanitarian component must be necessarily supplemented by the subject field of digital humanistic with the main emphasis on digital applied ethics as a prerequisite for progressive development of AI. It is focused that this approach of the training of AI profile meets the requirements of the human-centered digital era.

Keywords: digital technologies, the fourth industrial revolution, artificial intelligence, education, digital humanities, strong AI, weak AI, general AI, STEM education, STEAM education, i-STEAM education

For citation: Mamina, R.I. and Pochebut, S.N. (2022), "Artificial Intelligence in the View of Philosophical Methodology: an Educational Track", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 64–81. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-64-81 (Russia).

Введение. Оценивая значение новой промышленной революции, которая в Германии получила название «Индустрия 4.0», в США – «Индустриальный интернет-консорциум», а в России – «Цифровая экономика», швейцарский экономист, основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб подчеркивает: «Мы стоим у истоков революции, которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение. По масштабу, объему и сложности – это явление, которое я считаю четвертой промышленной революцией, не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества» [1, с. 5]. Однако, ученый отмечает, что «новая революция хотя и связана с умными взаимосвязанными машинами и системами, но ее фундаментальное отличие от трех предыдущих революций заключается в синтезе новых технологий и их взаимодействии в физических, цифровых и биологических доменах» [1, с. 10].

В книге «Технологии четвертой промышленной революции» (2018), написанной К. Швабом в соавторстве с Н. Девис, внимание научного сообщества акцентируется на необходимости понять, как и где человеческие ценности встраиваются в новые технологии и каким образом можно применять технологии во имя общего блага, защиты окружающей среды и прав человека [2]. В числе таких технологий, которые Шваб называет движущими силами новой промышленной революции, отдельное место отводится искусственному интеллекту и его проблематике, включая ее этический и ценностный аспекты. В настоящее время проблематика ИИ является одной из центральных как для научно-исследовательского сообщества, так и для бизнес-сообщества современного социума.

Методология и источники. Проведенный в статье анализ базируется на методологии сравнительного анализа, междисциплинарного и философского подходов. В качестве источниковедческой базы использованы специальная литература отечественных и зарубежных авторов, материалы современных исследований, а также научные публикации и сайты, посвященные предистории ИИ, вопросам его становления и развития, современному состоянию и масштабам развития современного ИИ, а также задачам, которые стоят, в частности, перед специалистами в сфере науки и образования.

Результаты и обсуждение. Современный ИИ основан на машинном обучении, его определяют как системы, расширяющие потенциал человека благодаря их способности к распознаванию, осмыслению, действию и обучению [3], следствием этого стали новые невероятные возможности для человека и общества в целом [4–6]. Сегодня существует масса

приложений ИИ, каждое из которых представляет собой самостоятельное направление, например, интеллектуальные системы информационной безопасности, компьютерные игры, самоуправляемые автомобили, беспилотники и др.

В настоящее время к ключевым темам развития технологий ИИ, которые нуждаются в экспертном осмыслении ученых и практиков с целью их дальнейшего совершенствования, относят: тест Тьюринга (главная целевая установка – проверить способности искусственного интеллекта, а для разработчиков – заявить о своих профессиональных навыках и возможность оценить качество своего бота); разговорный ИИ; распознавание образов; интерпретация получаемых данных; дизайн интерфейсов ИИ; обучение с подкреплением; этика ИИ; чат-боты, которые называют одной из самых прогрессивных и перспективных технологий в мире Интернета, и др. В частности, ИИ-системы в виде чат-ботов представляют собой мощные программы, которые имитируют реальный разговор с пользователем с помощью текстовых, аудиосообщений на сайтах, в мессенджерах, в мобильных приложениях к телефону. Особой приметой новых реалий стало и то, что наряду с текстовыми и голосовыми помощниками появились визуальные помощники [7].

Однако, следует отметить, что сегодня в понятие «искусственный интеллект» специалисты вкладывают две группы смыслов – прикладной ИИ, который чаще называют «слабый ИИ», или «узкий ИИ» (в английской традиции – weak/applied/narrow AI) и гипотетический ИИ, который американский философ Дж. Серл определил как «сильный ИИ» (англ. – strong AI/Artificial General Intelligence, AGI). При этом прикладной ИИ – это новые технологии, с помощью которых решается широкий круг практических задач современного социума, а также наука и исследования, приносящие новые открытия и новые возможности. Что касается сильного ИИ, на сегодняшний день это пока только наука и исследования.

Прикладной ИИ: технологии, наука и исследования. Прикладной искусственный интеллект, или узкий ИИ (narrow AI) – это искусственный интеллект, предназначенный для решения какой-либо одной интеллектуальной задачи или их определенного множества. К этому классу относятся системы для игры в шахматы, игры в Го, распознавания образов, речи, принятия решения и т. д. При этом современный ИИ, или AI, находится в процессе постоянного развития и совершенствования. Наиболее эффективные алгоритмы разрабатываются на основе CNN (сверточная нейронная сеть – СНС) и RNN (рекуррентная нейронная сеть – РНН), где CNN является сетью прямой связи, а RNN – сетью обратной связи. CNN в совокупности с RNN и технологической обработкой естественного языка NLP (Natural Language Processing, НЛП) дополняют друг друга и создают новые возможности ИИ, в частности для самообучения ИИ-систем [8, 9].

В числе технологических трендов, которые сегодня находятся в центре внимания научной общественности, новая архитектура глубоких нейронных сетей – трансформер (англ. Transformer), которая была представлена в 2017 г. исследователями из Google Brain. По аналогии с рекуррентными нейронными сетями трансформеры предназначены для обработки последовательностей, таких как текст на естественном языке, а также решения таких задач, как машинный перевод и автоматическое реферирование. В отличие от RNN, трансформеры не требуют обработки последовательностей по порядку. Если входные данные – это текст, то трансформеру не требуется обрабатывать конец текста после обработки его начала.

Благодаря этому свойству трансформеры могут быть быстрее обучены. Одним из наиболее распространенных примеров является модель BERT для задач обработки естественного языка. Основное нововведение – это использование механизма self-attention, чтобы взаимодействовать с другими словами в предложении вместо механизмов RNN или CNN. Специалисты отмечают, что attention дает возможность по-новому взглянуть на проблему обучения ИИ [9].

Трансформенные модели, подобные BERT, решают и другие задачи, например сентимент-анализ (англ. sentiment analysis), в русскоязычном варианте – «анализ тональности текста», предназначенный для автоматического выявления в тексте эмоционально окрашенной лексики, например, определение смысловых окрасок высказывания: негативная, нейтральная, позитивная и др. Концепция естественной обработки языка, особенно в контексте с миром больших данных, считается одной из основополагающих для дальнейшего развития и обучения прикладного ИИ, особое значение она имеет для этики ИИ [10].

В целом ученые отмечают, что прорыв, который за последние два десятилетия произошел в области прикладного ИИ, связанный с нейронными сетями (Deep Learning – глубокое обучение), дал серьезный толчок для реальной возможности обучать сложные модели, построенные на нейронных сетях. Сегодня такие модели активно встраиваются в индустрию, управление, в нашу повседневную жизнь. Однако даже самые усовершенствованные программы созданы человеком и в настоящих условиях зависят только от человека и знаний, которым он обучает ИИ. В этой связи специалисты говорят об общем искусственном интеллекте, который рассматривается как альтернатива узким методам слабого ИИ, но это еще не «сильный ИИ».

Сильный ИИ: наука и исследования. В философском понимании «сильный ИИ» не делает различий между программным обеспечением и естественным интеллектом, поскольку, как предполагается, точно имитирует работу человеческого мозга, соответственно, и действия человека. С помощью слабого ИИ решаются в основном прикладные задачи, создаваемые нейронные сети относительно невелики по сравнению с нейронной сетью человеческого мозга. Кроме того, они представляют собой весьма упрощенный аналог естественных нейронных сетей. Принято считать, что сильный ИИ по сравнению со слабым ИИ будет обладать не только сознанием и способностью мыслить, как человек, но и принимать решения без участия человека. В этой связи футурологи и фантасты, а также ряд исследователей предвещают революцию роботов, которая в будущем грозит человечеству вместе с появлением сильного искусственного интеллекта.

И хотя сильный ИИ находится только в процессе научно-исследовательских разработок, ученые уже сегодня говорят о необходимости планирования, прогнозирования и управления по одним оценкам – относительно недалекого, по другим – более чем отдаленного будущего общества, что звучит более реалистично, поскольку до сих пор нет окончательного понимания, что такое интеллект человека, как он развивался, как выстраивает смыслы своего бытия в социуме и каковы ближайшие перспективы развития естественного интеллекта (ЕИ).

Тематике сильного ИИ посвящено достаточно много работ, в том числе таких известных зарубежных авторов, как Ст. Хокинг, М. О’Коннел, Н. Бостром, Э. Бриньолфсон, Ю. Харари, Кай-фу Ли и др. Среди отечественных изданий особый интерес вызывает книга

«Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму» (2021) [10]. Книга основана на исследовании ИИ ведущими отечественными специалистами в этой области и посвящена научным подходам к созданию сильного ИИ, а также областям и потенциалу его применения. Однако особое внимание авторы уделяют общему ИИ, который рассматривается как альтернатива узким методам прикладного ИИ. При этом особо подчеркивается, что общий искусственный интеллект определяется без отсылки к человеческому интеллекту, как ИИ, способный решать широкий круг задач [10, с. 27].

Следует отметить, что термин «общий искусственный интеллект» (ОИИ) появился в 1997 г., когда Deep Blue обыграл чемпиона мира в шахматы. В рамках этой идеи, в частности, было предложено делить ИИ не на слабый и сильный, а на *прикладной*, или *узкий* ИИ (Artificial Narrow Intelligence, ANI или Narrow AI, или AI), *универсальный*, или *общий* (Artificial General Intelligence или AGI) и *суперинтеллектуальный* ИИ (Artificial Superintelligence или ASI). В 2007 г. состоялась первая конференция, специально посвященная проблемам развития общего ИИ (AGI), после чего эти проблемы стали предметом возрастающего внимания среди специалистов в области ОИИ. В книге авторы подробно рассматривают историю развития искусственного интеллекта, выделяют значимые этапы и в целом показывают, что это развитие шло в направлении снижения зависимости технологий ИИ от человека, и их способности к решению более широкого круга задач. Однако достижения эти все же еще далеки от решения проблемы AGI. В этой связи авторы дают общую оценку нынешнего положения дел и отмечают, что, во-первых, с точки зрения адаптивности все существующие системы ИИ являются программируемыми, хотя сложность их программирования заметно снизилась, а способность к обучению возросла. Во-вторых, с точки зрения автономности систем ИИ все существующие системы не являются автономными и не могут полноценно функционировать без живого оператора, т. е. они остаются управляемыми. И, наконец, в-третьих, с точки зрения интегративности современные системы ИИ являются не системами, обладающими интеллектом как таковым (даже ограниченным), а системами компьютерного зрения, обработки естественного языка, анализа данных (машинного обучения), обработки символической информации (рассуждений на основе знаний) и т. д., т. е. интегративными не являются [10, с. 52]. Эксперты отмечают, что авторы четко обозначили те главные, пока отсутствующие свойства, которые необходимы для построения действительного AGI.

По оценке авторов книги, общий ИИ, или AGI, представляет собой отдельное направление со своим понятийным аппаратом, подходами, методами, которые лишь частично пересекаются с методами узкого ИИ. В целом подчеркивается, что «идея общего ИИ предполагает, что компьютеры смогут самостоятельно решать как новые узкие, так и сложные задачи, чем будут заметно отличаться от критикуемых систем ИИ» [10, с. 33]. В издании также отмечается, что хотя в настоящее время систем AGI не существует, однако для их характеристики вводятся такие предварительные понятия, как «proto-AGI» и «Narrow AGI». Под proto-AGI подразумеваются системы, призванные решать широкий круг задач, но все еще не способные делать это эффективно. Термином «Narrow AGI» обозначаются не существующие пока системы, обладающие общим интеллектом, но демонстрирующие (сверх)человеческий уровень в одной предметной области, оставаясь существенно ниже уровня человека во всех других сферах. По мысли исследователей, такие системы могут быть промежуточным шагом на пути к полноценному AGI [Там же].

Таким образом, сегодня AGI – это абстрактное понятие, отражающее наши представления о том, каким будущее человечества и какие задачи будет решать искусственный интеллект в этом будущем. При этом AGI, общий ИИ – это новое фундаментальное понятие, которое отражает наше сегодняшнее представление о том, какие задачи должен решать искусственный интеллект в цифровую эпоху. Аналитики отмечают, что по самому широкому определению именно у общего ИИ должны быть способности к самообучению, целеполаганию, принятию решений, в том числе с использованием стратегий в условиях неопределенности. ОИИ должен также обладать общими знаниями и представлениями о реальности, уметь планировать, и научиться коммуницировать с человеком [10].

В то же время следует особо отметить, что, несмотря на актуальность тематики ИИ и особую востребованность ИИ-специалистов как в рамках прикладного ИИ, так и общего ИИ на рынке труда, по оценкам аналитиков, наблюдается серьезный дефицит и высококвалифицированных кадров, и молодых творчески ориентированных специалистов. Однако причина не только в том, что в условиях пандемии произошел массовый переход на удаленный режим работы, и потребность в кадрах такого профиля многократно возросла, причина гораздо глубже. По мнению президента Microsoft Брэда Смита, наступил «кризис гениев», который обусловлен серьезными недостатками в подготовке молодых специалистов в сфере IT-технологий. Подобное мнение высказывают и другие эксперты, в частности, авторы книги «Сильный искусственный интеллект» отмечают: «Современные образовательные программы готовят инженеров, умеющих работать с существующими технологиями, а не творчески мыслящих исследователей, способных совершать новые прорывы» [10, с. 55]. Возникает целый ряд закономерных вопросов: почему раньше, несмотря на те или иные недостатки в системе образования, такого кризиса гениев не наблюдалось? Кто такие эти гении? Что надо делать? И т. п. Именно с этих позиций обратимся к предыстории и истории становления ИИ в качестве мейнстримовского направления современных научных исследований.

Становление идеи ИИ. Идеи создания машин, обладающих сознанием, подобным человеческому, возникли еще во времена Древней Греции. Первые сведения о практическом применении прообразов современных роботов относятся к эллинистической эпохе, в частности, первым в истории роботом, а в свете современных представлений еще и первым беспилотником, называют механического голубя, построенного в 350 г. до н. э. древнегреческим математиком Архимедом Тарентским. В Средние века в странах Европы и Ближнего Востока появились первые примитивные роботы и механизмы, заменяющие человеческий труд. В частности, роботы-музыканты, созданные арабским ученым и изобретателем Аль-Джазари (1136–1206). В Европе точкой отсчета эпохи современной робототехники принято считать человекоподобного робота Леонардо да Винчи (ок. 1495 г.) [11].

В XVI–XVII вв. в Западной Европе конструирование автоматов – заводных механизмов, внешне напоминающих человека или животных, способных выполнять достаточно сложные движения, получило значительное распространение. Первое работающее человекоподобное устройство, строение которого полностью копировало анатомию человека, было создано в XVIII в. французским механиком и изобретателем Жаком де Вокансоном (1738 г.). Механизм действия робота был описан его автором в научной брошюре «Le mécanisme du fluteur automate», изданной в Париже в 1738 г. [11].

Еще один инженерный гений XVIII в. – механические дети Просвещения швейцарца Пьера Жака-Дро. В основе работы устройств лежала система кулачковых механизмов Их можно было программировать, поэтому автоматы Жака-Дро «пишущий мальчик», «художник» и «девушка-музыкантша» выполняли разные задачи. В истории робототехники считается, что это были первые роботы-андроиды с возможностью программирования. Все три механические куклы Пьера Жака-Дро сих пор находятся в хорошем рабочем состоянии, и увидеть их можно в Музее искусства и истории швейцарского города Невшатель [11, 12].

Наряду с автоматами большое распространение получили также механизмы, предназначенные для удовлетворения потребностей человека, в их числе в первую очередь выделяют логическую машину Раймонда Луллия (конец XIII в.), которая выполняла действия на основе разработанной им всеобщей классификации понятий. Далее идут счетная машина Леонардо да Винчи (1492 г.), счетные часы Вильгельма Шиккарда (1623 г.), изобретение Блеза Паскаля – механическая суммирующая машина «Паскалина» (1645 г.) и др.

Среди других значимых изобретений данного направления называют ткацкий станок для узорчатых тканей, построенный в 1804 г. Жозефом Мари Жаккардом, французским ткачом и изобретателем. Считается, что это был первый пример машины с программным управлением, созданной задолго до появления вычислительных машин [13]. Однако первым программируемым вычислительным устройством принято считать аналитическую машину, разработанную английским математиком Чарльзом Бэббиджем (1834 г.). Специалисты отмечают, что заслуга Бэббиджа в том, что ученый впервые предложил и частично реализовал идею программно-управляемых вычислений, также подчеркивается, что именно аналитическая машина, по своей сути, явилась прототипом современного компьютера [14, 15].

Начало XX в. стало временем зарождения электрических устройств, и тема создания человекоподобных роботов прогрессировала. Одним из первых андроидов стал робот, созданный инженером американской компании «Вестингауз» Роем Уэнсли в 1927 г. Имя робота – «мистер Герберт Телевокс» (Herbert Televox). «Мистер Телевокс» уже мог открывать двери и окна и выполнять простые голосовые команды. Аналитики отмечают, что робот, реагирующий на человеческий голос, для того времени был немислимым изобретением, открывающим большие перспективы перед робототехникой [16, 17]. Автором первого советского робота «В2М» стал 16-летний школьник Вадим Мацкевич. В 1936 г. робот-андроид Мацкевича был представлен в рамках Всемирной выставки в Париже. Его рост составлял 1,2 м, а для управления была использована радиосвязь, робот умел выполнять 8 команд, которые заключались в движении разными частями тела [14].

Следующий по значимости в истории становления ИИ период связан с 1937 г., когда Алан Тьюринг, британский математик, программист-теоретик, которого называют одним из родоначальников информатики и теории искусственного интеллекта, основываясь на работах Бертррана Рассела и Чарльза Бэббиджа, представил теоретическую модель компьютера, названную впоследствии «Машиной Тьюринга» («Turing Machine»). И если аналитическая машина английского математика Ч. Бэббиджа, по своей сути, явилась прототипом компьютера, то концепция современного персонального компьютера базируется на проекте, разработанном другим известным английским математиком – Аланом Тьюрингом.

В 1939 г. в Нью-Йорке были представлены первый механический человек Electro и собака Sparco. Робот Elektro был ростом с человека и мог выполнять 26 различных действий, в том числе ходить. Он управлялся при помощи голоса, но реагировал не на слова, а на их число – два отдельных услышанных слова включали движение, три значили остановку, четыре любых сказанных слова возвращали Elektro в начальное положение [17].

Мы представили только некоторые основные вехи предыстории современного ИИ [11–17]. Остановимся кратко и на отдельных основных вехах истории самого ИИ.

История ИИ. По оценкам специалистов, собственная история ИИ начинается в 40-е гг. прошлого столетия с момента создания немецким инженером К. Цузе первого работающего программируемого компьютера (1941 г.), первой программы, а также (с определенными оговорками) первого языка программирования высокого уровня «Планкалкюль». Детище Конрада Цузе «Z3» сегодня считают первым действующим программируемым компьютером. В истории становления ИИ 1940-х гг. также отдельно выделяют имена таких американских ученых, как нейропсихолог и нейрофизиолог У. Мак-Каллок и нейролингвист, логик и математик У. Питтс. В своей статье «Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности» (1943 г.) они ввели понятие «искусственная нейронная сеть» (ИНС) и предложили модель искусственного нейрона, ставшую первой формальной моделью нейронных сетей [18].

Первым устройством, моделирующим психологический процесс восприятия человека, стало изобретение американского нейрофизиолога Фрэнка Розенблатта, которое он назвал «Перцептрон» (1957 г.) и рассматривал как воспринимающий и распознающий автомат. В своих исследованиях Розенблатт вплотную приблизился и к идее создания сверточных нейронных сетей, которые сегодня являются неотъемлемой составляющей механизма действия современных систем ИИ. Фрэнка Розенблатта считают отцом-основателем систематической науки о нейросетях, а его работа «Принципы нейродинамики. Перцептроны и теория механизмов мозга» (1962 г.) занимает одно из основополагающих мест среди работ по теории искусственных нейронных сетей. Однако все заслуги Розенблатта как признанного специалиста в области нейрофизиологии и искусственного интеллекта стали возможны благодаря наследию 1940-х гг., прежде всего, это уже упоминавшаяся концепция нейронных сетей Мак-Каллока и Питтса, которая позднее уточнялась и развивалась в работах А. Раппорта и А. Шимбела, Д. Хебба, М. Мински, Дж. Миллера и Д. Эдмонсона. У. Росс Эшби и др. [19, 20].

К прорывным достижениям научной мысли конца 1940-х – начала 1950-х гг. относится также выход в свет книги Норберта Винера «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» (1948 г.), которая ознаменовала появление нового научного направления – кибернетики, науки об общих закономерностях получения, хранения, преобразования и передачи информации в сложных управляющих системах, как в машинах, так и в живых организмах.

В ряду особых достижений этого времени в области теоретических разработок, посвященных непосредственно искусственному разуму, стоит также знаменитая статья А. Тьюринга «Вычислительные машины и разум», которая в 1950 г. была опубликована в философском журнале «Mind» [10]. Разработки в области неврологии позволили известному автору предположить, что любой вид вычислений можно представить в цифровом

виде. Именно в этой статье, ставшей одной из самых издаваемых и обсуждаемых работ в области информатики и кибернетики, Тьюринг впервые сформулировал понятие «искусственный разум» и задал сакраментальный вопрос: «Может ли машина мыслить?». Для решения этого вопроса ученый предложил вниманию научной общественности разработанный им тест, определявший уровень схожести действий машины с сознанием человека, впоследствии названный тестом Тьюринга. Главная цель – проверить способности искусственного интеллекта. Тест Тьюринга актуален и сегодня, особенно для разработчиков ИИ в целях тестирования своих программ.

Однако сам термин «искусственный интеллект» (англ. Artificial Intelligence, AI) впервые был введен американским ученым Джоном Маккарти и использован в работе Дартмутского научного семинара (лето 1956 г., Хановер, США), организованного для специалистов в области теории автоматов, нейронных сетей и интеллекта человека. В рамках семинара искусственный интеллект был признан научной отраслью, появилась и отдельная научная дисциплина «Исследование искусственного интеллекта». В ее основу было положено предположение о том, что все когнитивные функции – обучение, мышление, расчет, восприятие, память, даже научное открытие или художественное творчество – могут быть описаны с точностью, позволяющей запрограммировать компьютер на их воспроизведение. Позднее участники Дартмутского семинара Аллен Ньюэлл, Герберт Саймон, Джон Маккарти, Марвин Минский, Натаниэль Рочестери, Клод Шеннон были признаны основателями нового научного направления.

Основателем направления «Искусственный интеллект» в СССР и России по праву считается Дмитрий Александрович Поспелов, профессор, действительный член Российской Академии естественных наук, основатель и первый президент Советской, а затем Российской ассоциации ИИ. С его именем связана целая эпоха формирования, развития, официального признания и расцвета ИИ в нашей стране. Однако начало ИИ как новой научной дисциплины у нас принято считать 1954 г., когда в МГУ под руководством профессора А. А. Ляпунова начал работу семинар «Автоматы и мышление» [21].

Таковы некоторые основные достижения научной мысли в предыстории и истории становления ИИ. Однако речь идет не просто о констатации тех или иных открытий и изобретений в области научных знаний прошлого, а о том, что все эти исторические факты связаны с именами ученых, изобретателей, инженеров, ставших лидерами на все времена. Наряду с профессиональными знаниями они обладали развитым творческим и контекстным мышлением, а также энциклопедическими познаниями, что позволяло им видеть дальше других и вносить достойный вклад в производство научных знаний своей исторической эпохи. Несмотря на появление профессиональных научных сообществ (XVI–XVII вв.), которые выступали в роли лидеров мнений, экспертов, отвечающих за целостность науки как профессии, весь период предыстории и истории становления ИИ имеет персонализированный характер.

Развитие ИИ. Аналитики отмечают, что индустрия искусственного интеллекта на мировом уровне за десятилетия своего развития уже пережила два «лета» и «две зимы» [22]. Первое «лето» или первую волну повышенного внимания научно-практической мысли к развитию ИИ относят к 60-м гг. прошлого века, которая характеризовалась написанием

программных кодов и программированием правил, в частности появлением логического программирования (язык Prolog, 1971 г.). Это было необходимо для того, чтобы программное обеспечение и алгоритмы могли решать конкретные проблемы. Исследования в области психологии памяти, механизмов понимания, роли знаний в мыслительных процессах привели к появлению значительно развившихся в середине 1970-х гг. методов семантического представления знаний, а также к созданию экспертных систем, названных так потому, что для воспроизведения мыслительных процессов в них использовались знания квалифицированных специалистов. С 1974 по 1980 гг. финансирование разработок в области развития ИИ было свернуто, одной из причин этого стало крайне неравномерное развитие научного прогресса в данной области исследований. Снижение интереса к ИИ получило название «первой зимы» ИИ.

В начале 1980-х гг. экспертные системы стали вновь актуальны, на них возлагались большие надежды в связи с широкими возможностями их применения. В целом системы ИИ первой и второй волн были основаны на формальной логике, которая хорошо применима для формализуемых задач типа логических игр, но не для задач реального мира. Начиная с 1987 г., общее снижение внимания к ИИ и его проблематике повторилось и наблюдалось практически до середины 90-х гг. – этот период получил название «второй зимы» ИИ [3].

Настоящее возрождение внимания научно-практической мысли к развитию ИИ будет уже третьим по счету. Третью волну связывают с адаптивными процессами. Новая волна происходит на совершенно иной технологической основе по сравнению с двумя предыдущими. Технологии Big Data, облачные вычисления, высокоскоростная оптоволоконная связь, повсеместно распространенный Wi-Fi, развитие Интернета вещей, Интернета людей и различного рода интернет-сервисов, разнообразие которых достигает небывалого масштаба – таковы, по оценке аналитиков, новые условия развития искусственного интеллекта [3, 22].

Принято считать, что начало третьей волны повышенного внимания к ИИ, в том числе открытие нового понятия «общий ИИ», положила знаменитая победа американской программы Deep Blue над чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым (май 1997 г.). Специалисты отмечают, что эра компьютеров как двигателей полупроводниковой индустрии (микроэлектроники) фактически закончилась в конце 1990-х гг., когда ИИ стали объединять с робототехникой и интерфейсом «человек–машина». Главной целью было создание интеллектуальных агентов, предполагающих наличие чувств и эмоций, что привело к появлению нового исследовательского направления – аффективных (или эмоциональных) вычислений (affective computing), направленных на анализ реакций субъекта, ощущающего эмоции, и их воспроизведение в ИИ (1995 г.), что позволило усовершенствовать диалоговые системы (чат-боты). С 2010 г. мощность компьютеров дала возможность сочетать технологию больших данных (Big Data) с методами глубокого обучения (Deep Learning), которые основываются на использовании искусственных нейронных сетей [22, с. 8].

В целом все новации прикладного ИИ, а также теория и исследования общего ИИ не отрицают личностный вклад лидеров знаний, но современное общество, которое называют обществом знаний, представлено не просто индивидуальными субъектами – учеными, инженерами, разработчиками ИИ, за их именами, как правило, стоят корпоративные субъекты

производства и реализации новых знаний в лице таких мировых гигантов ИИ-индустрии, как Google, Facebook, IBM, Amazon, Apple, AI.Brain и других, а также национальных лидеров ИИ-индустрии, например, в лице отечественной инновационной ИИ-компании iPavlov и др. При этом в качестве повышения квалификации для уже состоявшихся специалистов – основного интеллектуального капитала современных компаний, предлагаются различные обучающие форматы, составляющие актуальный на сегодня процесс непрерывного обучения.

Что касается подготовки молодых специалистов, здесь все достаточно проблематично. В условиях, когда объемы информации постоянно увеличиваются, а практика развития ИИ опережает теорию, остро встает вопрос об изменении парадигмы образовательного процесса, которая соответствовала бы вызовам времени и была направлена на получение не только узких профильных знаний, в частности ИИ-специалистов, но и на подготовку творчески мыслящих исследователей, способных совершать новые прорывы, включая проблематику «moral machines», которая в соответствии с новыми реалиями становится общим делом физиков и лириков и оценивается аналитиками как тенденция на возрастающее значение процесса гуманитаризации современных знаний.

Образовательный трек. Актуальность проблематики, связанной с подготовкой специалистов в области ИИ в рамках высшей школы, предполагает внедрение новых образовательных стандартов, отражающих специфику времени. Однако, в связи с тем, что на современном этапе новые образовательные стандарты еще не разработаны, эксперты считают, что в учебных курсах специалистов в области ИИ должны разбираться философские дилеммы (подобные проблеме вагонетки), а для гуманитарных специальностей вопросы технической этики должны стать чем-то большим, нежели фрагментом курсов по истории науки и техники. В дальнейшем предлагается поставить вопрос о необходимости пересечения естественных и инженерных наук с гуманитарными, что в целом отвечает вызовам новых реалий [23]. Именно об этом говорил в свое время академик Поспелов, определяя искусственный интеллект как новую «науку-перекресток», предполагающую синтез подходов, методов и моделей естественных, технических и гуманитарных наук [21].

Для высшей школы это значит, что для инженерных профессий, разработчиков ИИ, включая новые профессии, направленные непосредственно на обучение машин навыкам коммуникационного взаимодействия с человеком (поскольку даже самые усовершенствованные ИИ-системы созданы человеком и в настоящих условиях зависят только от человека, его знаний и нравственных ориентиров, которым он обучает ИИ [3]), должны быть разработаны специальные гуманитарно-ориентированные образовательные программы. Главная цель – подготовка специалистов, обладающих как профессиональными профильными, так и междисциплинарными и плюралистическими знаниями, отражающими в том числе и новые подходы к их получению. В этой связи очень интересным является опыт STEM-образования [24, 25].

STEM-образование (Science, Technology, Engineering, Mathematics) – это модель, объединяющая естественные науки, инженерные предметы и математику в единую систему. В основу этой образовательной модели заложен интегративный подход: биологию, физику, химию и математику преподают не по отдельности, а в связке друг с другом для решения реальных технологических задач. Такой подход учит рассматривать проблемы в целом, а не

в разрезе одной области науки или технологии. Вторая составляющая STEM – проектная форма научной работы студентов. Данный формат объединяет дипломный проект со стажировкой в технологической компании. Студенты получают опыт, максимально приближенный к будущей профессии. Причем над сложным технологическим проектом они работают в команде, развивая свои «гибкие» навыки.

Специфической особенностью STEM-подхода к обучению является то, что он включает в себя и интегративный характер образования, и тесное взаимодействие с индустрией. Акроним STEM в 2001 г. был введен сотрудниками Национального научного фонда США, чтобы обозначить новую образовательную парадигму. С ее помощью планировалось обеспечить Соединенные Штаты высококвалифицированными техническими специалистами для развития науки и промышленности.

Сегодня STEM-специалисты – самые востребованные сотрудники на мировом рынке труда. По прогнозам Бюро статистики труда США, в ближайшие десять лет потребность в STEM-кадрах опередит другие специальности на 76 %. Только для американского рынка потребуется около 10 млн чел., при этом дефицит кадров сохраняется, несмотря на рост темпов обучения [24]. В России потребность в STEM-образовании также постоянно растет. По оценкам аналитиков, на российском рынке труда сегодня нужны 222 тыс. работников в области цифровых технологий, предполагается, что необходимость в таких специалистах к 2024 г. вырастет до 300 тыс. В настоящее время основным их поставщиком в стране является Московский физико-технический институт (МФТИ). В целом эксперты отмечают, что в новых реалиях основное направление развития ведущих как западных, так и российских компаний – цифровизация и анализ данных, соответственно, компетенции в IT и Data Science необходимы всем, кто так или иначе связан с технологическим бизнесом, при этом особо подчеркивается, что данная модель обеспечивает владение такими компетенциями [24].

Однако в модель STEM-образования не входит гуманитарная составляющая, что определило развитие новых направлений STEM, в частности модель STEAM-образование, где буква А означает Art – искусство в широком его понимании. Первое включение гуманитарной компоненты «А» в STEM-образование приходится на 2006 г., далее начинается история STEAM-образования. При этом специалисты отмечают, что отличие STEAM от STEM, казалось бы, всего в одной букве, но разница в подходах огромная! Причина заключается в том, что в сфере инновационной экономики все больший вес приобретают креативные индустрии, связанные с интеллектуальной и творческой деятельностью. Креативные отрасли во всем мире становятся движущей силой экономического роста, а занятость молодежи в креативной индустрии уже превышает занятость в реальном секторе [25]. Необходимость соответствовать новым реалиям актуализировало значение STEAM-образования.

В новых реалиях именно STEAM-образование стало настоящим трендом в образовательных практиках США, Финляндии, Сингапура, Южной Кореи, Израиля, Китая и других стран [26]. Многие эксперты называют эту модель образованием будущего. В частности, план по развитию STEAM-образования в Южной Корее разработан на основе схемы, которая предназначена для более глубокого понимания содержания, процесса и характеристик науки через «Творческий дизайн» и «Эмоциональное обучение» [26].

В то же время современная научная картина понимания мира предъявляет все новые, и новые требования к подготовке квалифицированных специалистов [27], что нашло свое выражение в дальнейшем развитии STEAM-образования, в частности в разработанной в Израиле учебной модели под названием i-STEAM. Новая модель представляет собой уникальную программу, которая включила не только гуманитарную, но и инновационную компоненту. Анализируя модель i-STEAM, специалисты отмечают, что изменения, которые вводит новый подход в образовательный процесс, актуальны и необходимы для перехода к инновационной модели развития современного образования. Его основные цели и задачи – обеспечение профессионального образования, подготовка высококвалифицированного, конкурентоспособного выпускника, отвечающего запросам времени [26].

Следует отметить, что обращение к новой образовательной модели i-STEAM, разработанной в Израиле, актуально, в частности, и для подготовки ИИ-специалистов. При этом применительно к ИИ-подготовке гуманитарная составляющая должна быть дополнена предметным полем цифровой гуманитаристики с основным акцентом на цифровую прикладную этику. Цифровая гуманитаристика (в англоязычном варианте – e-Humanities/Digital Humanities/DH) – это новое научное междисциплинарное направление, основанное на конвергенции гуманитарных наук и цифровых технологий, которое еще находится в стадии своего становления [28], хотя определенные наработки в этой новой области современного знания уже имеются [23, 29]. Возможности и целевые установки e-Humanities, базирующиеся на позиции неотделимости духовной составляющей современного социума от его технологической и материальной составляющих, имеют определяющее значение для прогрессивного развития индустрии ИИ, ориентированной на человека, его свободу и безопасность.

В целом такое включение гуманитарной составляющей в цифровом и нецифровом форматах в подготовку ИИ-специалистов имеет определяющее значение не только для образовательного, но и воспитательного процесса. Именно гуманитарный контекст интегрированного образования помогает расширить кругозор, открывает простор для развития когнитивных способностей, прежде всего творческих, критического, инновационного и концептуального мышления, а также определяет систему ценностей и ценностных ориентиров молодого поколения, формирует многогранную личность современного молодого специалиста в сфере IT-технологий, соответственно, и особую востребованность таких новых лидеров знаний на высококонкурентном рынке труда современного социума.

Заключение. Со времени Дартмутского научного семинара, организованного для специалистов, работавших в области теории автоматов, нейронных сетей и интеллекта человека, в рамках которого искусственный интеллект был признан научной отраслью, прошло почти 66 лет. За этот сравнительно небольшой период область ИИ из предмета академического дискурса превратилась не только в специальную область научного знания, но и в огромную ИИ-отрасль. В системе мер, необходимых для дальнейшего развития прикладного ИИ, а также создания общего ИИ, особое значение имеет высокий уровень профессиональной подготовки ИИ-специалистов, однако, по мнению экспертов, наблюдаемый сегодня «кризис гениев» обусловлен серьезными недостатками в подготовке молодых кадров в сфере IT-технологий. В настоящих условиях, когда объемы информации постоянно увеличиваются, а практика развития ИИ опережает теорию, подготовка молодых специалистов

все еще имеет узкопрофильный, а не междисциплинарный характер, что не отвечает вызовам времени. Соответственно, объективируется вопрос о разработке новой образовательной модели подготовки ИИ-специалистов. В этой связи представляется весьма актуальным обращение к STEM – первой образовательной модели мирового значения, которая реализует обеспечение сквозного взаимодействия между прикладными задачами, фундаментальными исследованиями и системой образования, но уже в ее новой, последней модификации – модели i-STEAM-образования, разработанной в Израиле, которая включила в себя уже не только гуманитарную компоненту, но и инновационную, что, по оценке специалистов, реализует запросы цифровой эпохи. Однако применительно к ИИ-специалистам гуманитарная составляющая должна быть обязательно дополнена предметным полем цифровой гуманитаристики с основным акцентом на цифровой прикладной этике, что является одним из определяющих условий прогрессивного развития ИИ в новых реалиях. Такой образовательный трек предполагает большую подготовительную работу. В своей реализации он направлен на решение целого комплекса социальных и социально-экономических задач, в частности: формирование многогранной личности современного молодого ИИ-специалиста как современного лидера знаний; обеспечение рынка труда высококвалифицированными кадрами, которые смогут решать социальные и этические проблемы ИИ и выстраивать партнерские и одновременно утилитарно-полезные для человека отношения с ИИ, что отвечает требованиям цифровой экономики и в целом человеко-ориентированной цифровой эпохи (Human-centric Digital Age).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ.; ред. А. Меркурьева, М.: Эксмо, 2016.
2. Шваб К., Девис Н. Технологии четвертой промышленной революции / пер. с англ. К. Ахметова, А. Врублевского, В. Карпюка, А. Козлова. М.: Бомбора, 2018.
3. Дозэрти П., Уилсон Дж. Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта / пер. О. Сивченко, Н. Яцюк. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
4. Искусственный интеллект, разработка, области применения // Sci-news. 2019. URL: <https://sci-news.ru/2019/oblasti-primenenija-trendy-i-tehnologii-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 15.10.2021).
5. Роботы-курьеры // Tadviser. 2019. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Роботы-курьеры__Jdcom (дата обращения: 16.10.2021).
6. Пройдаков Э. М. Современное состояние искусственного интеллекта // Научно-исследовательские исследования. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/18013229> (дата обращения: 12.08.2021). DOI: 10.31249/scis/2018.00.09.
7. Чат-боты: настоящее и будущее искусственного интеллекта // Promdevelop. 2020. URL: <https://promdevelop.ru/chat-boty-nastoyashhee-budushhee-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 02.11.2021).
8. Козлов С. Transformer – новая архитектура нейросетей для работы с последовательностями. 2017. URL: <https://habr.com/ru/post/341240/> (дата обращения: 15.08.2021).
9. Гогитидзе К. Искусственный интеллект: угроза или помощник человечеству // BBS News. 2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-38931070> (дата обращения: 15.08.2021).
10. Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму / М. С. Бурцев, О. Л. Бухвалов, А. А. Ведяхин и др. М.: Интеллектуальная литература, 2021.

11. Макаров И. М., Топчиев Ю. И. Робототехника: история и перспективы. М.: Наука; МАИ, 2003.
12. Невшатель // Точка на карте. URL: <https://tochka-na-karte.ru/Goroda-i-Gosudarstva/5615-Neushatel.html> (дата обращения: 10.08.2021).
13. Биография Жозефа Мари Жаккарда // Рослента. URL: https://www.roslenta.ru/page_pid_86.htm (дата обращения: 11.08.2021).
14. История робототехники: от античности до наших дней // Дом роботов. 2019. URL: <https://www.robo.house/ru/istoriya-robototekniki/> (дата обращения: 11.08.2021).
15. Чарльз Бэббидж, математик и изобретатель первого в мире компьютера: 224 года со дня рождения // Хабр. 2015. URL: <https://habr.com/ru/post/388517/> (дата обращения: 11.08.2021).
16. Человекоподобные роботы: польза и проблемы антропоморфных механизмов // PVSM. 2019. URL: <https://www.pvsm.ru/robototekhnika/304681> (дата обращения: 11.08.2021).
17. Человекоподобные роботы: польза и проблемы антропоморфных механизмов // Хабр. 2019. URL: <https://habr.com/ru/company/toshibarus/blog/435536/> (дата обращения: 11.08.2021).
18. Ретроспектива технологических стартапов. Z3 – первый релейный компьютер // Хабр. 2018. URL: <https://habr.com/ru/post/428055/> (дата обращения: 12.08.2021).
19. Шамис А. Л. От моделей поведения к моделям мышления. URL: <https://www.abbyu.com/media/7774/от-поведения-к-мышлению.pdf> (дата обращения: 12.08.2021).
20. Все, что вы хотели знать о перцептронах Розенблатта, но боялись спросить // Хабр. 2020. URL: <https://habr.com/ru/company/sberdevices/blog/529932/> (дата обращения: 12.08.2021).
21. Тарасов В. Б. Искусственный интеллект: от прошлого к будущему. О жизненном пути и научном наследии профессора Д. А. Поспелова // Искусственный интеллект и принятие решений. 2020. № 2. С. 19–42. DOI: 10.14357/20718594200202.
22. Симонов Н. Три волны ИИ // Стимул. 2019. URL: <https://stimul.online/articles/science-and-technology/tri-volny-ii/> (дата обращения: 12.08.2021).
23. Готовцев П. М. Зачем искусственному интеллекту этика? // Etika.nplus1. URL: <https://etika.nplus1.ru/programmer/ai-ethics> (дата обращения: 13.08.2021).
24. Что такое STEM-образование, и почему компании ценят таких специалистов // РБК-Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5f6399a69a79471ec02bfe4f> (дата обращения: 21.11.2021).
25. Пахомов Ю. STEM- и STEAM-образование: от дошкольника до выпускника вуза // Педсовет. 2021. URL: <https://pedsovet.org/article/stem-i-steam-obrazovanie-ot-doskolnika-do-vypusknika-vuza> (дата обращения: 19.11.2021).
26. Международный опыт развития предпринимательского и STEAM-образования в странах ОЭСР и в мире: аналитический отчет / Б. А. Газдиева, А. А. Ахметжанова, Ж. О. Сагындыкова и др. Кокшетау: Изд-во КГУ им. Ш. Уалиханова, 2018.
27. Баксанский О. Е. Меганаука: методология конвергенции // Вестник ВоГУ. 2016. № 3. С. 20–24.
28. Цифровые гуманитарные науки: хрестоматия / под ред. М. Террас, Д. Найхан, Э. Ванхутта, И. Кижнер; пер. с англ. Ю. Вальковой, Я. Соколовского, К. Шилейкис. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017.
29. Мамина Р. И., Пирайнен Е. В. Цифровые деловые коммуникации. СПб.: ИД «Петрополис», 2021.

Информация об авторах.

Мамина Раиса Ильинична – доктор философских наук (2007), профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5-Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: аксиосфера современного социума, коммуникативные практики, кросскультурное сотрудниче-

ство, цифровые коммуникации, цифровой этикет, цифровая самопрезентация, инновационные образовательные траектории.

Почебут Станислав Николаевич – старший преподаватель кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5-Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 25 научных публикаций. Сфера научных интересов: аксиология, актуальные проблемы современного образования, межкультурные коммуникации, цифровые коммуникации, цифровой этикет, философские проблемы новаций и инноваций в науке.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 14.12.2021; принята после рецензирования 11.01.2022; опубликована онлайн 24.02.2022.*

REFERENCES

1. Schwab, K. (2016), *The Fourth Industrial Revolution*, Transl., in Merkur'eva, A. (ed.), Eksmo, Moscow, RUS.
2. Schwab, K. and Davis, N. (2018), *Shaping the Fourth Industrial Revolution*, Transl. by Akhmetov, K., Vrublevskii, A., Karpyuk, V. and Kozlov, A., Bombora, Moscow, RUS.
3. Daugherty, P. and Wilson, J. (2019), *Human + Machine: Reimagining Work in the Age of AI*, Transl. by Sivchenko, O. and Yatsyuk, N., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RUS.
4. "Artificial intelligence, development, applications" (2019), *Sci-news*, available at: <https://sci-news.ru/2019/oblasti-primenenija-trendy-i-tehnologii-iskusstvennogo-intellekta/> (accessed 15.10.2021).
5. "Robots Couriers" (2019), *Tadviser*, available at: http://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Роботы-курьеры_JDcom (accessed 16.10.2021).
6. Proidakov, E.M. (2018), "The current state of artificial intelligence", *Naukovedcheskie issledovaniya* [Scientific research], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/18013229> (accessed 12.08.2021). DOI: 10.31249/scis/2018.00.09.
7. "Chatbots: Present and Future of Artificial Intelligence" (2020), *Promdevelop*, available at: <https://promdevelop.ru/chat-boty-nastoyashhee-budushhee-iskusstvennogo-intellekta/> (accessed 02.11.2021).
8. Kozlov, S. (2017), *Transformer - a new neural network architecture for working with sequences*, available at: <https://habr.com/ru/post/341240/> (accessed 15.08.2021).
9. Gogitidze, K. (2017), "Artificial intelligence: threat or helper to humanity", *BBS News*, available at: <https://www.bbc.com/russian/features-38931070> (accessed 15.08.2021).
10. Burtsev, M.S., Bukhvalov, O.L., Vedyakhin, A.A. and etc. (2021), *Sil'nyi iskusstvennyi intellekt: na podstupakh k sverkhrazumu* [Strong artificial intelligence: approaching the superintelligence], *Intellektual'naya literatura*, Moscow, RUS.
11. Makarov, I.M. and Topcheev, Yu.I. (2003), *Robototekhnika: Istoriya i perspektivy* [Robotics: History and prospects], Nauka, MAI, Moscow, RUS.
12. "Neuchâtel", *Tochka-na-karte*, available at: <https://tochka-na-karte.ru/Goroda-i-Gosudarstva/5615-Neushatel.html> (accessed 10.08.2021).
13. "Biography of Joseph-Marie Jacquard", *Roslenta*, available at: https://www.roslenta.ru/page_pid_86.htm (accessed 11.08.2021).
14. "The history of robotics: from antiquity to the present" (2019), *Robotics House*, available at: <https://www.robo.house/ru/istoriya-robototexniki/> (accessed 11.08.2021).
15. "Charles Babbage, mathematician and inventor of the world's first computer: 224 years since his birth" (2015), *Habr*, available at: <https://habr.com/ru/post/388517/> (accessed 08.11.2021).
16. "Humanoid robots: benefits and problems of anthropomorphic mechanisms" (2019), *PVSM*, available at: <https://www.pvsm.ru/robototekhnika/304681> (accessed 11.08.2021).

17. "Humanoid robots: benefits and problems of anthropomorphic mechanisms" (2019), *Habr*, available at: <https://habr.com/ru/company/toshibus/blog/435536/> (accessed 11.08.2021).
18. "Retrospective of technology startups. Z3 – the first relay computer" (2018), *Habr*, available at: <https://habr.com/ru/post/428055/> (accessed 12.08.2021).
19. Shamis, A.L. *Ot modelei povedeniya k modelyam myshleniya* [From patterns of behavior to patterns of thinking], available at: <https://www.abby.com/media/7774/от-поведения-к-мышлению.pdf> (accessed 12.08.2021).
20. "Everything you wanted to know about Rosenblatt's perceptrons but were afraid to ask" (2020), *Habr*, available at: <https://habr.com/ru/company/sberdevices/blog/529932/> (accessed 12.08.2021).
21. Tarasov, V.B. (2020), "Artificial Intelligence: From the Past to the Future. About the Life Path and Scientific Heritage of Prof. Dmitry A. Pospelov", *Artificial Intelligence and Decision Making*, no. 2, pp. 19–42. DOI: 10.14357/20718594200202.
22. Simonov, N. (2019), "Three waves of AI", *СТИМУЛ*, available at: <https://stimul.online/articles/science-and-technology/tri-volny-ii/> (accessed 12.08.2021).
23. Gotovcev, P.M., "Why does artificial intelligence need ethics?", *Etika.nplus1*, available at: <https://etika.nplus1.ru/programmer/ai-ethics> (accessed 13.08.2021).
24. "What is STEM education, and why companies value such specialists", *RBK Trendys*, available at: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5f6399a69a79471ec02bfe4f> (accessed 21.11.2021).
25. Pakhomov, Yu. (2021), "STEM and STEAM education: from preschooler to university graduate", *Pedsovet*, available at: <https://pedsovet.org/article/stem-i-steam-obrazovanie-ot-doskolnika-do-vypusknika-vuza> (accessed 19.11.2021).
26. Gazdieva, B.A., Akhmetzhanova, A.A., Sagyndykova, Zh.O. and etc. (2018), *Mezhdunarodnyi opyt razvitiya predprinimatel'skogo i STEAM-obrazovaniya v stranakh OESR i v mire: analiticheskii otchet* [International experience in the development of entrepreneurial and STEAM education in OECD countries and in the world: analytical report], Izd-vo KGU im. Sh. Ualikhanova, Kokshetau, KAZ.
27. Baksanskii, O.E. (2016), "Megascience: methodology of convergence", *Bulletin of Vologda State Univ. Series: Humanities, Pedagogical and Social Sciences*, no. 3, pp. 20–24.
28. *Digital humanities: in search of definitions* (2017), in Terras, M., Nyhan, D., Vanhoutte, E. and Kizhner, I., Transl. by Val'kova, Yu., Sokolovskii, Ya. and Shileikis, K., Siberian Federal Univ. Press, Krasnoyarsk, RUS.
29. Mamina, R.I. and Pirainen, E.V. (2021), *Tsifrovye delovye kommunikatsii: monogr* [Digital business communications: monograph], ID «Petroplis», SPb., RUS.

Information about the authors.

Raisa I. Mamina – Dr. Sci. (Philosophy) (2007), Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5-F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author more than 100 scientific publications. Area of expertise: axiosphere of modern society, communication practices, cross-cultural cooperation, digital communications, digital etiquette, digital self-presentation, innovative educational trajectories.

Stanislav N. Pochebut – Senior Lecturer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5-F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author more than 25 scientific publications. Area of research interests: axiology, actual problems of modern education, cross-cultural communications, digital communications, digital etiquette, philosophical problems of innovations and innovations in science.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 14.12.2021; adopted after review 11.01.2022; published online 24.02.2022.*

Оригинальная статья
УДК 316.4
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-82-93>

Искусственный интеллект как проблема современной социологии

**Владимир Александрович Глухих¹, Сергей Михайлович Елисеев^{2✉},
Наталья Павловна Кирсанова³**

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

^{2,3}Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС, Санкт-Петербург, Россия

¹vladimirglu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9260-6420>

^{2✉}eliseevprof@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8462-4168>

³kirsanovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9260-6250>

Введение. В настоящее время в области исследования искусственного интеллекта (ИИ) применяется множество различных методов. Доминирующими среди них являются методы математических, когнитивных и философских наук. Все исследовательские подходы объединяет гипотеза о принципиальной сравнимости естественного и искусственного интеллекта.

Формирующаяся в результате этих изменений социальность привлекает все большее внимание зарубежных и российских исследователей. Целью написания статьи является прояснение теоретико-методологических подходов в изучении искусственного интеллекта в социальных науках и, особенно, в социологии.

Методология и источники. Статья опирается на междисциплинарный подход, позволяющий очертить масштабы научной проблемы, сгладить противоречия идей и категорий, которыми оперируют различные науки при изучении искусственного интеллекта.

Результаты и обсуждение. По мнению авторов, широко используемое понятие «искусственный интеллект» есть, скорее, научная метафора, чем доказанный эмпирический факт. В настоящее время искусственного интеллекта не существует. Есть нейронные сети, машинное обучение, которые входят в понятие «искусственный интеллект». Они способны решать определенные задачи в реальном мире, которые прежде мог решать только человек. Искусственный интеллект есть метафора, которая фиксирует определенный уровень знания человека о внедрении в соответствующие сферы деятельности информационных технологий, основанных на компьютерной технике и специализированных программных средствах. Относиться к искусственному интеллекту как к эмпирическому факту – заблуждение, которое неуместно в науке.

Заключение. Социология делает только первые шаги в области исследования искусственного интеллекта. Она не располагает собственными методологическими инструментами для анализа искусственного интеллекта и той социальной реальности, которая возникает в результате его внедрения в повседневную жизнь общества. То, что принято

Глухих В. А., Елисеев С. М., Кирсанова Н. П., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

называть искусственным интеллектом, безусловно, меняет повседневную жизнь людей, встраиваясь в ежедневные социальные практики и формируя гибридный социальный мир, который предстоит изучить социальным наукам. Сегодня идут дискуссии о месте проблематики искусственного интеллекта в социологии. По мнению авторов, здесь неуместны фантазии и домыслы. Для правильного и точного определения проблемы искусственного интеллекта в социальных науках надо внимательно анализировать мнения специалистов в области точных наук, в которых искусственный интеллект понимается как алгоритмы или модели, созданные человеком, которые выполняют определенные задачи и помогают ему управлять конкретными процессами в различных сферах общества.

Ключевые слова: искусственный интеллект, компьютерное моделирование, естественный интеллект, социальная реальность, гибридный социальный мир

Для цитирования: Глухих В. А., Елисеев С. М., Кирсанова Н. П. Искусственный интеллект как проблема современной социологии // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 82–93. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-82-93.

Original paper

Artificial Intelligence as a Problem of Modern Sociology

Vladimir A. Glukhikh¹, Sergey M. Eliseev^{2✉}, Nataliya P. Kirsanova³

¹*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

^{2,3}*University associated with the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, St Petersburg, Russia*

¹*vladimirglu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5218-6420>*

^{2✉}*eliseevprof@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8462-4168>*

³*kirsanovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9260-6250>*

Introduction. There are currently many different methods in the field of artificial intelligence research. Methods of mathematical, cognitive and philosophical sciences are dominant among them. All research approaches are united by the hypothesis that natural and artificial intelligence are fundamentally comparable.

The sociality formed as a result of these changes attracts increasing attention from both foreign and Russian researchers. The purpose of this article is to clarify the theoretical and methodological approaches in the study of artificial intelligence in the social sciences, especially in sociology.

Methodology and sources. The article is based on an interdisciplinary approach, which allows outlining the scale of the research problem, coordinating the methodological approach to the organization of research, smoothing the contradictions of ideas and categories, which are operated by different sciences in the study of artificial intelligence.

Results and discussion. According to the authors, the widely used concept of Artificial Intelligence is more a scientific metaphor than a proven empirical fact. Currently there is no such thing as artificial intelligence. There are neural networks, machine learning, which can solve certain problems in the real world. Artificial intelligence is a metaphor that captures a certain level of human knowledge about the introduction of information technology, based on computer hardware and specialized software. To treat artificial intelligence as an empirical fact is a fallacy that is not appropriate in science.

Conclusion. Sociology is only taking its first steps in the field of artificial intelligence research. It does not have its own methodological tools for analyzing artificial intelligence

and the social reality that arises from its introduction into the everyday life of society. Artificial Intelligence changes people's daily lives, embedding itself in everyday social practices, and forming a hybrid social world for the social sciences to study. Today there is a debate about the place of artificial intelligence in sociology. According to the authors, sociological fantasies and speculations are not appropriate here. In order to correctly and accurately define the problem of artificial intelligence in the social sciences, it is necessary to carefully analyze the opinions of the experts in the exact sciences, in which artificial intelligence is understood as algorithms or models created by human, and which perform certain tasks and help them manage specific processes in various spheres of society.

Keywords: artificial intelligence, computer modeling, natural intelligence, social reality, hybrid social world

For citation: Glukhikh, V.A., Eliseev, S.M. and Kirsanova, N.P. (2022), "Artificial Intelligence as a Problem of Modern Sociology", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 82–93. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-82-93 (Russia).

Введение. Искусственный интеллект, вероятно, может оказаться самым сложным и поразительным творением человечества. И это без учета того факта, что данная область остается в значительной степени неисследованной, а это означает, что каждое удивительное приложение ИИ, которое мы используем сегодня, представляет собой, так сказать, лишь верхушку айсберга ИИ. Хотя этот факт, возможно, неоднократно заявлялся и подтверждался, все еще трудно всесторонне оценить потенциальное влияние ИИ в будущем. Искусственный интеллект предполагает использование компьютеров для выполнения задач, которые традиционно требуют человеческого интеллекта. Это означает создание алгоритмов для классификации, анализа и составления прогнозов на основе данных.

Социальные науки всегда формировались и находились под влиянием развития общества, приспособлявая концептуальные, методологические и теоретические основы к возникающим социальным явлениям. В последние годы, с резким скачком в развитии искусственного интеллекта и распространением его повседневных приложений, «нечеловеческие интеллектуальные субъекты» все чаще становятся частью общества. Это проявляется в развивающихся сферах систем умного дома, автономных транспортных средств, чат-ботов, интеллектуальных публичных дисплеев и т. д. В результате возникает область взаимодействия человека и субъекта с искусственным интеллектом, которая вызывает интерес социальных наук, поскольку эти взаимодействия выходят за границы объективной реальности, создавая ее гибридные формы.

Следует сразу сказать, что «искусственный интеллект» – достаточно размытое понятие, которое не имеет общепринятого определения. В середине XX в., когда на Дартмутском семинаре впервые прозвучал этот термин, авторы вкладывали в него значение, существенно отличающееся от современных. Тогда ученые полагали, что искусственный интеллект – это система, которая будет способна переводить тексты с одного языка на другой, распознавать объекты по фото или видео, улавливать смысл произнесенных фраз и адекватно на них отвечать. Нынешний ИИ умеет все это! Но можем ли мы считать, что цели достигнуты и искусственный интеллект уже создан? Скорее всего, ответ на этот вопрос отрицательный. Ведь чем дальше мы продвигаемся по пути создания искусственного разума и чем более впечатляющих успехов достигаем, тем больше требований выдвигаем к ИИ. Некоторые

ученые сегодня строят сложные теории на стыке философии и информатики, пытаются определить, что же такое ИИ и каковы должны быть характеристики системы, чтобы считать ее разумной. Учитывая быстро растущее значение искусственного интеллекта во многих областях общественной жизни, поразительно, что интерес социологов к ИИ остается довольно низким. До сих пор ИИ рассматривался в социологическом контексте почти исключительно только как методологический инструмент статистического или текстологического анализа.

Методология и источники. В настоящее время термин «искусственный интеллект» стал популярным во многих технологически связанных дискурсах современности. По словам французского социолога Б. Латура, «современные технологии, интернет, искусственный интеллект меняют повседневную жизнь людей, встраиваясь в ежедневные социальные практики и формируя гибридный социальный мир» [1, 2]. Ученые уже сегодня выделяют позитивное влияние ИИ на повседневную жизнь человечества, на решение ряда экономических и социальных проблем, указывают на изменения социального поведения человека, трансформацию принципов и норм права и этики.

Когда речь заходит об искусственном интеллекте, в сознании появляются различного рода фантазии, связанные со сверхразумом, который управляет социальными процессами, оказывающими влияние на миллиарды людей. Искусственный интеллект порождает завышенные ожидания, но реальность ИИ гораздо рациональнее и проще.

В настоящее время в области исследований искусственного интеллекта существует множество различных методов его познания. Доминирующими среди них являются математические, когнитивные и философские.

Все исследовательские подходы объединяет гипотеза о принципиальной сравнимости естественного и искусственного интеллекта. Формирующаяся в результате этих изменений социальность привлекает все большее внимание зарубежных и российских исследователей [2–8].

Целью написания статьи является прояснение теоретико-методологических подходов в изучении искусственного интеллекта в социальных науках и, особенно, в социологии.

Результаты и обсуждение. В российской социологии в последние годы идет дискуссия относительно феномена искусственного интеллекта и связанного с ним термина «искусственная социальность». Следует учесть, что используемые авторами подходы в осмыслении сущности, содержания и функций ИИ в большинстве случаев опираются на категориальный аппарат и устоявшиеся определения современных конкретных естественных наук. Каждый автор, пишущий статью или книгу об ИИ, отталкивается от какого-либо определения, рассматривая его в свете достижений какой-то конкретной науки. В сложившейся ситуации понятие ИИ остается дискуссионным. Мы решили присоединиться к научной дискуссии и высказать свою точку зрения по данной теме.

Большинство авторов осторожны в оценке искусственного интеллекта и придерживаются той точки зрения, что ИИ – это способность машины имитировать человеческое мышление. В то же время появилась тенденция трактовать искусственный интеллект как социальный факт, придавая ему онтологический статус [6, 7].

Отметим, что в дискуссиях и спорах по поводу искусственного интеллекта высказываются прямо противоположные соображения. Одни исследователи убеждены в возможности

создания «искусственного интеллекта» или «сверхразума», который существенно превзойдет естественный человеческий интеллект [2]. Другие говорят о том, что само понятие «искусственный интеллект» является метафорическим, поскольку сознание, разум, интеллект присущи только человеку как родовому существу, а поэтому создание «искусственного интеллекта», подобного человеческому, просто невозможно. Очевидно, что различия позиций обусловлены разными критериями понимания естественного и искусственного интеллекта.

В первом случае авторы стремятся, часто неправомерно, отождествлять естественный и искусственный интеллект, «очеловечивая» последний, наделяя сугубо человеческими свойствами искусственно созданные интеллектуальные системы. Во втором – предельно высоко поднимают планку естественного интеллекта.

Следовательно, проблема искусственного интеллекта лежит в плоскости различий между естественным (человеческим) и искусственным интеллектом.

Начнем с различий между естественным (человеческим) и искусственным интеллектом.

Термин «искусственный интеллект» так или иначе является антиподом естественного интеллекта, его моделью или копией. Естественный интеллект является результатом процесса социализации, адаптации человека к требованиям окружающей среды в естественных условиях взаимодействия человека с окружающим миром. Искусственный интеллект представляет собой упрощенную модель естественного интеллекта, которая имитирует некоторые его возможности (способности).

Между естественным и искусственным интеллектом много общего. Они работают по примерно схожему принципу, склонны к самообучению, решают те или иные конкретные задачи и проблемы, используя специальные алгоритмы.

Разница между естественным и искусственным интеллектом состоит в том, что человеческое мышление обладает эмоциональной окраской и сильно зависит от влияния социума. Искусственный интеллект не имеет никакого эмоционального характера и не ориентирован социально.

Очевидна метафоричность использования понятия при его описании. ИИ – это только упрощенная модель естественного интеллекта, имитирующая некоторые отдельные его возможности. Естественный интеллект остается намного более сложным и качественно иным социальным явлением.

Современные психологи утверждают, что человек обладает разными видами интеллекта. Если следовать отдельным теориям, утверждающим множественность типов интеллекта человека, то можно говорить о десятках его разновидностей.

Например, согласно теории профессора Гарвардского университета Г. Гарднера естественный интеллект имеет множественную природу [9]. Наблюдая за тем, как человек воспринимает мир и информацию, какая у него мотивация к действиям и как он принимает решения, исследователь выделил модель, включающую семь типов интеллекта, которая в дальнейшем была им расширена до девяти: природный (натуралистический); музыкальный; логико-математический; экзистенциальный (философский); кинестетический (телесный); межличностный (социальный); пространственный (образный); лингвистический (вербальный); личностный (внутренний).

Если согласиться с этой теорией, то возникает вопрос, о какой модели искусственного интеллекта мы ведем речь? В настоящее время искусственный интеллект может моделировать

только один из типов естественного интеллекта. Он способен радикально усиливать возможности человека – открывать перед ним такие, о которых еще совсем недавно не могли мечтать. При этом подавляющее большинство средств ИИ настолько эффективны, зачастую обладают такими уникальными эксплуатационными характеристиками, что уже трудно представить, как раньше люди обходились без них. Но эти возможности усиливают могущество человека, его реальные и потенциальные способности, но не человечества в целом.

Сегодня искусственный интеллект, скорее, помощник человека во многих областях социальной жизни, но не конкурент ему. Он усиливает возможности человека в повседневной жизни и одновременно порождает снижение общего интеллектуального уровня людей, которые благодаря внедрению искусственного интеллекта освобождаются от необходимости иметь определенный уровень культуры, навыков и знаний в повседневной жизни. Как показывает практика, искусственный интеллект преуспел сегодня везде, где требуется «разум», но он не способен на те действия, которые люди совершают «интуитивно». В настоящее время искусственный интеллект не способен на инстинктивное поведение человека, он не может понимать естественный язык так же, как его понимает взрослый человек, и/или осуществлять невербальные коммуникации.

В принципе, проблема создания и развития искусственного интеллекта очень далека от социологии. Но социальные последствия внедрения искусственного интеллекта в повседневную жизнь общества могут заинтересовать социальные науки.

Искусственный интеллект сегодня используется во многих сферах жизнедеятельности человека. В банковской сфере он позволяет без участия сотрудников открывать счета для людей и компаний, в том числе удаленно. В логистике он помогает строить маршруты для грузовых перевозок, контролировать расход топлива. В медицине применяют ИИ для отслеживания распространения инфекционных заболеваний. В 2020 г. компания Baidu разработала свой алгоритм линейного искусственного интеллекта, который способен предсказать последовательность РНК вируса всего за 27 сек., что в 120 раз быстрее, чем это делают другие методы.

В области публичной политики ИИ применяют «для оценки открытости власти, мониторинга востребованности открытых данных на различных сайтах, оценки эффективности политических программ, проектов и кампаний, мониторинга социальной и политической напряженности на различных территориях» [10, с. 288–289]. ИИ также используется в процессе принятия политических решений [10, с. 295–305], управлении политическими процессами и политическими кампаниями, и прежде всего предвыборными [11, 12].

Следует подчеркнуть, что граница между искусственным интеллектом и обычным программным обеспечением определена не очень четко. Существуют системы, у которых имеется ограниченный набор когнитивных способностей (неважно, относятся они к ИИ или нет), и есть системы, обладающие инструментами с широким спектром возможностей для решения общих задач. В основном все используемые сейчас системы относятся к первому типу – узкодиапазонному. «Узкий ИИ» или «слабый ИИ» предназначен для решения какой-либо одной интеллектуальной задачи или их небольшого множества.

В большинстве работ психологов, философов и социологов описаны технологии и принципы работы, конкретные примеры или социальный контекст внедрения «слабого» искусственного интеллекта в повседневную жизнь [2, 3, 5].

Рассуждения о «сильном ИИ» носят вероятностный характер. «Сильный ИИ», или *general artificial intelligence*, это в определенной степени утопический алгоритм, который будет готов справиться с любой задачей без подсказок. Он будет действовать как человек, только непогрешимый. «Сильный ИИ» – это то, над чем сегодня работают ученые. Теория сильного искусственного интеллекта предполагает, что компьютеры могут приобрести способность мыслить и осознавать себя как отдельную личность (в частности, понимать собственные мысли), хотя и необязательно, что их мыслительный процесс будет подобен человеческому.

Сильный ИИ, или искусственная интеллектуальная система, будет разумом, аналогичным человеческому. По словам Н. Бострома, она «будет обладать интеллектом, который намного умнее лучших человеческих мозгов практически во всех областях, включая научное творчество, общую мудрость и социальные навыки» [2, с. 113–114]. Социальные науки прогнозируют появление «сильного ИИ» в будущем, но вопрос, когда это произойдет, остается открытым. Ученые убеждены, что в будущем появится такой вид искусственного интеллекта, который будет обладать сознанием человеческого уровня, понимать свое собственное существование в мире, а также присутствие и эмоциональное состояние других.

Мы убеждены в том, что в настоящее время ИИ – это скорее научная метафора, чем доказанный эмпирический факт. То, что мы называем искусственным интеллектом, на практике представляет собой компьютерную систему, способную выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта. По мнению разработчиков, искусственный интеллект не несет никакой смысловой нагрузки, это только определенное свойство системы, которое позволяет заменять человека в области обработки информации.

Понятие ИИ фиксирует достигнутый уровень знания об интеллектуальных системах, способных заменить человека в конкретных сферах деятельности. Но отношение к искусственному интеллекту как к эмпирическому факту – это заблуждение, которое неуместно в науке. По крайней мере, оно требует научного доказательства.

В зарубежных источниках продолжают дискуссии о том, что считать искусственным интеллектом и в чем его возможные преимущества в сравнении с естественным интеллектом. Дискуссии во многом носят описательный характер.

Обратимся к трем современным «классикам» в области исследований искусственного интеллекта: Стюарту Расселу, Питеру Норвигу [13] и Маргарет Боден [14]. Они являются представителями компьютерных наук и когнитивных исследований.

Ст. Рассел и П. Норвиг в качестве определяющих свойств ИИ выбирают поведение и рациональность, концентрируя свое внимание на рациональных агентах и на их составных частях, необходимых для их создания. Рациональный агент действует так, чтобы достичь наилучшего результата или, в случае неопределенности, наилучшего ожидаемого результата.

М. Боден определяет ИИ в терминах ментальных процессов и связывает искусственный интеллект с воспроизведением человеческих способностей. «Цель искусственного интеллекта состоит в том, чтобы компьютеры делали вещи, подобные тем, что может делать разум. Все они требуют психологических способностей (*skills*) <...> позволяющих людям и животным достигать своих целей» [14].

Боден придерживается позиции, согласно которой между разумом человека и искусственным интеллектом нет принципиальной разницы, поскольку оба являются совокупно-

стью «виртуальных машин». Однако исследовательница не может не признать того, что есть существенная разница между теоретической возможностью создать искусственный интеллект и практической реализацией этой цели. Следовательно, вопрос о создании искусственного интеллекта упирается сегодня в недостаток знания о человеческом интеллекте и его функционировании.

В российской социологии тема искусственного интеллекта еще только формируется. В одной из первых монографий на эту тему мы встречаем такое определение ИИ: «Искусственный интеллект представляет собой ансамбль разработанных и закодированных человеком рационально-логических, формализованных правил, которые организуют процессы, позволяющие имитировать интеллектуальные структуры, воспроизводить целерациональные действия, а также осуществлять последующее кодирование и принятие инструментальных решений вне зависимости от человека» [7, с. 39].

Данное определение носит довольно абстрактный характер и мало проясняет суть данного феномена. По нашему мнению, главный смысл и содержание феномена ИИ заключается в имитации (моделировании) некоторых проявлений естественного интеллекта и в разрешении связанных с этим проблем с помощью компьютерной техники.

В монографии есть доказательства того, что многие ученые-практики стараются избегать понятия искусственного интеллекта в разговоре между собой. В книге авторы представили любопытные результаты эмпирического исследования российских и белорусских ИТ-организаций. В нем тема ИИ получит несколько иной смысл, противоположный тому, о чем пишут авторы монографии. Приведем несколько цитат из книги: «Я по-прежнему глотаю улыбку, когда слышу рядом с собой “искусственный интеллект”. Нет у компьютера, нет у искусства, нет у “железа” никакого интеллекта и не появится» – говорит один из респондентов [7, с. 193].

Другой респондент отмечает: «Мы это не называем искусственным интеллектом, мы это называем моделями. Искусственный интеллект – это такое немного распиаренное словосочетание». По мнению третьего респондента, «нейросеть сама по себе не является искусственным интеллектом. Нейросеть – это, по сути, алгоритм, который выполняет определенные задачи» [Там же].

С такими утверждениями трудно не согласиться. «Искусственный интеллект» как термин фиксирует тот факт, что он создан человеком и является определенной моделью для решения конкретных практических задач.

Следовательно, специалисты в области кибернетики, программирования, робототехники очень скептически относятся к использованию понятия «искусственный интеллект». То, что гуманитарии определяют как искусственный интеллект, ученые-практики называют алгоритмами или моделями для решения конкретных задач. Мы полагаем, что гуманитариям необходимо учесть этот факт в своих исследованиях. Для того, чтобы дальше развивать проблематику искусственного интеллекта в социальных науках вообще и в социологии в частности, важно придерживаться естественно-научного языка и не создавать абстрактные понятия, уводящие науку от истины.

Искусственный интеллект не может порождать искусственную социальность и эмоционально взаимодействовать с ней. Это иллюзия. Речь может идти только о гибридной социальной

реальности, в которой происходит взаимодействие человека с агентом искусственного интеллекта, в которой могут происходить рациональные и эмоциональные взаимодействия. Мы согласны с точкой зрения Б. Латура, что реальность, в которой живет человек, является многоуровневой, гибридной. Гибридная (смешанная) реальность создает виртуальные образы в пространственно-временных границах социальной реальности, визуализирует и закрепляет их расположение в соответствии с предметами реального пространства, так, чтобы видящий их пользователь воспринимал их как реальные. Пользователь продолжает взаимодействовать с реальным миром, в котором присутствуют поражающие своей «натуральностью» виртуальные объекты. Гибридная реальность – это еще один уровень социальной реальности, который возникает путем объединения виртуальной (VR) и дополнительной (AR) реальностей. Она создается при помощи специальных цифровых систем и либо частично дополняет восприятие окружающей обстановки, либо полностью ее видоизменяет.

В социологической литературе есть и иная точка зрения. Некоторые социологи трактуют искусственную социальность как эмпирический факт. По их мнению, «искусственная социальность представляет собой эмпирический факт включения агентов ИИ в социальное взаимодействие в качестве активных посредников или участников» [7, с. 44]. Они утверждают, что «ИИ не может существовать вне искусственной социальности» [Там же, с. 46]. Из этого спорного утверждения авторы делают заключение, что проблематика ИИ должна входить в сферу интересов социальных наук, поскольку, по их мнению, развивается некая «искусственная социальность», а следовательно, «искусственная социальность может и должна стать предметом изучения социальных наук в целом и социологии в особенности». [15]. Они пишут о «развитии искусственной социальности» как о привычном природном явлении, которое не требует специального толкования. По нашему мнению, этот тезис во многом спорный и требуется дополнительная аргументация.

Интернет создает новые форматы обмена информацией и социального взаимодействия, способы выражения эмоций и мимики. Но почему все это авторы относят к искусственной социальности, остается неясным. В заключение отметим, что создатель «понимающей социологии» М. Вебер считал, что социальную реальность надо интерпретировать, постигая внутренний смысл человеческих поступков, сопоставляя с другими человеческими поступками. Логика социологического изучения должна строиться таким образом, чтобы каждое отдельное действие можно было поместить в цепочку других мотивируемых и рационально понятых действий. Включение в цепочку взаимодействий искусственного интеллекта усложняет коммуникационные процессы в обществе, создает гибридные формы социальной реальности, которые социологии предстоит еще изучить.

Заключение. Социология делает только первые шаги в области исследования искусственного интеллекта. Она не располагает собственными методологическими инструментами для анализа искусственного интеллекта и той социальной реальности, которая возникает в результате его внедрения в повседневную жизнь общества. То, что принято называть искусственным интеллектом, безусловно, меняет повседневную жизнь людей, встраиваясь в ежедневные социальные практики и формируя гибридный социальный мир, который предстоит изучить социальным наукам.

Сегодня идут дискуссии о месте проблематики искусственного интеллекта в социологии. По мнению авторов, здесь неуместны фантазии и домыслы. Для правильного и точного

определения проблемы искусственного интеллекта в социальных науках надо внимательно анализировать мнения специалистов в области точных наук, в которых ИИ понимается как алгоритмы или модели, созданные человеком, которые выполняют определенные задачи и помогают управлять конкретными процессами в различных сферах общества. Искусственный интеллект не может сегодня воспроизводить невербальные коммуникации (мимику и жесты человека) так, чтобы они были понятны человеку. Это задачи, над которыми работают ученые. Но даже тогда, когда ученые серьезно продвинулись в решении указанных задач, социологии нужно будет время, чтобы переосмыслить новую реальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.
2. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
3. Баррат Дж. Последнее изобретение человечества. Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens / пер. с англ. Н. Лисовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.
4. Колозариди П. В., Макушева М. О. Интернет как проблемное поле социальных наук // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные проблемы. 2018. № 1. С. 1–11. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.01.
5. Collins H. Artificial intelligence: against humanity's surrender to computers. Cambridge: Polity Press, 2018.
6. Корбут А. «Простите, я не могу вас понять»: способ реагирования на непонимание во взаимодействии человека и робота // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2018. Т. 10, № 3. С. 57–78. DOI: 10.25285/2078-1938-2018-10-3-57-78.
7. От искусственного интеллекта к искусственной социальности / П. К. Яблонский, А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова и др. М.: ВЦИОМ, 2020.
8. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Готовы ли социологи к анализу «искусственной социальности»? Проблемы и перспективы исследований искусственного интеллекта в социальных науках // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 5. С. 91–108. DOI: 10.14515/monitoring.2018.5.10.
9. Gardner H. Multiple Intelligences: The Theory in Practice. NY: Basic Books, 1993.
10. Публичная политика: Институты. Цифровизация. Развитие / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2018.
11. Елисеев С. М. Цифровые технологии как фактор расширения информационного пространства современной политики // Информация. Коммуникация. Общество. 2017. Т. 1. С. 84–90.
12. Глухих В. А., Елисеев С. М. Интернет-мемы как инструменты публичной политики // ДИСКУРС. 2017. № 4. С. 90–96. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2017-0-4-90-96>.
13. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. Harlow: Pearson Education Limited, 2016.
14. Boden M. AI: Its Nature and Future. Oxford: Oxford Univ. Press, 2016.
15. Резаев А. В., Стариков В. С., Трегубова Н. Д. Социология в эпоху искусственной социальности: поиск новых оснований // Социол. исслед. 2020. № 2. С. 3–12. DOI: 10.31857/S013216250008489-0.

Информация об авторах.

Глухих Владимир Александрович – кандидат философских наук (1984), доцент (1991), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5-Ф,

Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология образования, этносоциология.

Елисеев Сергей Михайлович – доктор политических наук (1997), профессор (2002), заведующий кафедрой коммуникативных технологий и сервисной деятельности Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, ул. Смолячкова, д. 14/1, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 160 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия политики, власти, государственного управления, цифровизация общества.

Курсанова Наталья Павловна – кандидат социологических наук (2006), декан факультета бизнес-коммуникаций Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, ул. Смолячкова, д. 14/1, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, социология образования, цифровизация образования.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 15.10.2021; принята после рецензирования 12.11.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.*

REFERENCES

1. Latour, B. (2014), *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*, Transl. by Polonskaya, I., in Gavrilenko, S. (ed.), HSE Publishing House, Moscow, RUS.
2. Bostrom, N. (2016), *Superintelligence Paths, Dangers, Strategies*, Transl. by Filin, S., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RUS.
3. Barrat, J. (2019), *Our Final Invention: Artificial Intelligence and the End of the Human Era*, Transl. by Lisova, N., Al'pina non-fikshn, Moscow, RUS.
4. Kolozaridi, P.V. and Makusheva, M.O. (2018), "The Internet as a problematic field of study in social sciences", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1, pp. 1–11. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.01.
5. Collins, H. (2018), *Artificial intelligence: against humanity's surrender to computers*, Polity Press, Cambridge, UK.
6. Korbut, A. (2018), "Sorry, I Cannot Understand": Ways of Dealing with Non-Understanding in Human-Robot Interaction", *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 10, no. 3, pp. 57–78. DOI: 10.25285/2078-1938-2018-10-3-57-78.
7. Yablonskii, P.K., Rezaev, A.V., Tregubova, N.D. et al. (2020), *Ot iskusstvennogo intellekta k iskusstvennoi sotsial'nosti* [From artificial intelligence to artificial sociality], VCIOM, Moscow, RUS.
8. Rezaev, A.V. and Tregubova, N.D. (2018), "Are sociologists ready for 'artificial sociality'? Current issues and future prospects for studying artificial intelligence in the social sciences", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change*, no. 5, pp. 91–108. DOI: 10.14515/monitoring.2018.5.10.
9. Gardner, H. (1993), *Multiple Intelligences: The Theory in Practice*, Basic Books, NY, USA.
10. *Public Policy: Institutions. Digitalization. Development* (2018), in Smorgunov, L.V. (ed.), Aspect Press, Moscow, RUS.
11. Eliseev, S.M. (2017), "Digital technologies as a factor in expanding the information space of modern politics", *Information. Communication. Society*, vol. 1, pp. 84–90.
12. Glukhikh, V.A. and Eliseev, S.M. (2017), "Internet memes as tools of public policy", *DISCOURSE*, no. 4, pp. 90–96. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2017-0-4-90-96>.
13. Russell, S. and Norvig, P. (2016), *Artificial Intelligence: A Modern Approach*, Pearson Education Limited, Harlow, UK.
14. Boden, M. (2016), *AI: Its Nature and Future*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
15. Rezaev A.V., Starikov, V.S. and Tregubova N.D. (2020), "Sociology in the age of 'artificial sociality': search of new bases", *Sociological Studies*, no. 2, pp. 3–12. DOI: 10.31857/S013216250008489-0.

Information about the authors.

Vladimir A. Glukhikh – Can. Sci. (Philosophy) (1984), Docent (1991), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5-F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: sociology of education, ethnosociology.

Sergey M. Eliseev – Dr. Sci. (Politics) (1997), Professor (2002), Head of the Department of communication technologies and service activities, University associated with the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, 14/1 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. The author of more than 160 scientific publications. Area of expertise: philosophy of politics, power, public administration, digitalization of society.

Nataliya P. Kirsanova – Can. Sci. (Sociology) (2006), Dean of the Faculty of Business Communications, University associated with the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, 14/1 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. The author of more than 20 scientific publications. Area of expertise: intercultural communication, sociology of education, digitalization of education.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 15.10.2021; adopted after review 12.11.2021; published online 24.02.2022.*

Оригинальная статья

УДК 304

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-94-104>

Состояние и тенденции развития территориальной дифференциации современной рабочей силы

Светлана Ивановна Росенко^{1✉}, Дмитрий Николаевич Верзилин²,
Владимир Владимирович Пыж³

^{1, 2, 3}Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}s.rosenko@lesgaft.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6118-8559>

²d.verzilin@lesgaft.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2305-4610>

³v.pyzh@lesgaft.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6027-4706>

Введение. Современный этап общественного развития характеризуется масштабными изменениями социального состава экономически активного населения. Одним из векторов развития стала трансформация его территориальной дифференциации, выражающаяся в новом количественном и качественном соотношении городской и сельской рабочей силы, структурных особенностях территориальной занятости, общих характеристиках региональных рынков труда, усиливающимся неравенстве доходов и др. Изучение данных социальных явлений выступает необходимым условием для выработки концепции устойчивого и стабильного развития как отдельных регионов, так и мирового сообщества в целом.

Методология и источники. В качестве методологической основы исследования выступила классификация территориального деления населения, используемая Международной организацией труда. В рамках проводимого исследования были проанализированы и обобщены официальные статистические данные, представленные в отчетах данной организации. Для установления статистически значимой зависимости между годовым темпом роста ВВП в расчете на одного работника и долей занятых в сфере услуг применялся регрессионный анализ.

Результаты и обсуждение. Произошедшее в XX столетии глобальное изменение состояния и тенденций развития территориальной дифференциации экономически активного населения определило необходимость правильного соотношения закономерностей мировой урбанизации с ее региональными особенностями при анализе самого процесса и его результатов в странах разного типа. Данный процесс привел к изменению отраслевых, профессиональных, имущественных и гендерных параметров городского и сельского рынка труда рабочей силы.

Заключение. Анализ региональных различий современного рынка труда выявил такие тенденции его развития, как рост численности городского экономически активного населения, преобладание городской рабочей силы над сельской, преимущественная занятость городского населения в услугопроизводящем секторе экономики, неравенство доходов и доступа к работе в городской и сельской местности, различия имущественного статуса, гендерное неравенство городской и сельской рабочей силы и т. д. Учет этих особенностей должен стать необходимым условием для выработки концепции устойчивого и стабильного развития как отдельных регионов, так и мирового сообщества в целом.

Росенко С. И., Верзилин Д. Н., Пыж В. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: территориальная дифференциация, городская и сельская рабочая сила, региональные различия

Для цитирования: Росенко С. И., Верзилин Д. Н., Пыж В. В. Состояние и тенденции развития территориальной дифференциации современной рабочей силы // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 94–104. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-94-104.

Original paper

State and Trends of Development of Territorial Differentiation of Modern Labour Force

Svetlana I. Rosenko^{1✉}, Dmitry N. Verzhilin², Vladimir V. Pyzh³

^{1, 2, 3}*Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health,
St Petersburg, Russia*

^{1✉}*s.rosenko@lesgaft.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6118-8559>*

²*d.verzhilin@lesgaft.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2305-4610>*

³*v.pyzh@lesgaft.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6027-4706>*

Introduction. The current stage of social development is characterized by large-scale changes in the social composition of the economically active population. The transformation of its territorial differentiation has become one of the development vectors, and it is expressed in a new quantitative and qualitative ratio of the urban and rural labour force, structural features of territorial employment, general characteristics of regional labour markets, increasing income inequality, etc. The study of these social phenomena is a necessary condition for elaboration of the concept of sustainable and stable development of both different regions and the world community as a whole.

Methodology and sources. The methodological basis of the study was the classification of the territorial division of the population used by the International Labour Organization. There were analyzed and compiled the official statistics presented in the organization's reports. Descriptive statistics methods were applied. Regression analysis was used to establish a statistically significant relationship between the annual GDP growth rate per employee and the share of people employed in the service sector.

Results and discussion. The global change in the state and trends of the development of territorial differentiation of the economically active population in the 20th century determined the need to correctly correlate the laws of world urbanization with its regional characteristics when analyzing the process itself and its results in countries of various types. This process has led to changes in the industrial, professional, property and gender parameters of the urban and rural labour market.

Conclusion. An analysis of regional differences in the modern labour market revealed such trends as the growth of the urban economically active population, the predominance of the urban labour force over the rural, the predominant employment of the urban population in the service-producing sector of the economy, income inequality and access to work in urban and rural areas, differences in property status, gender inequality of the urban and rural labour forces, etc. Taking into account these characteristics should be a prerequisite for the development of the concept of sustainable and stable development of both individual regions and the world community as a whole.

Keywords: territorial differentiation, urban and rural labour force, regional differences

For citation: Rosenko, S.I., Verzhilin, D.N. and Pyzh, V.V. (2022), "State and Trends of Development of Territorial Differentiation of Modern Labour Force", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 94–104. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-94-104 (Russia).

Введение. Рабочая сила как совокупность занятого и безработного населения трудоспособного возраста представляет собой один из базовых компонентов современного рынка труда. Изменение ее состава, структуры и статуса неизбежно влияет на социально-экономические позиции государств, их конкурентоспособность и положение в системе мирового сообщества. Постиндустриальный этап общественного развития обусловил новые количественные и качественные параметры рабочей силы и видоизменил территориальную конфигурацию входящих в ее состав социальных групп и слоев. В связи с этим анализ ключевых показателей мониторинга состояния территориальной дифференциации рабочей силы позволяет выявить вектор развития экономической активности населения в современных условиях.

Методология и источники. Методологической основой исследования стала классификация территориального деления населения, используемая Международной организацией труда (МОТ). Представленные в статье статистические данные отражают динамику городского и сельского рынка труда в соответствии с факторами занятости, безработицы, имущественного, отраслевого, профессионального и гендерного состава экономически активного населения. Использовались методы описательной статистики. Для установления статистически значимой зависимости между годовым темпом роста ВВП в расчете на одного работника и долей занятых в сфере услуг применялся регрессионный анализ.

Результаты и обсуждение. Начиная со второй половины XX столетия одной из ведущих тенденций социально-экономического развития мирового сообщества стал невиданный по своим темпам и масштабам рост численности населения с 2,5 млрд в 1950 г. до 7,8 млрд чел. в 2020 г. Одновременно стремительно развивалась глобальная урбанизация, следствием которой стало массовое перемещение сельского населения в города. Согласно статистическим данным только за 1950–1970 гг. прирост численности горожан в мире был практически равен количеству переехавших в города за всю историю человечества (83,4 %), а за 1970–1990 гг. этот прирост увеличился еще на 68,7 % [1, с. 13]. «Городская революция» продолжилась и в XXI в., что выразилось в росте количественных показателей городского населения: с 3,59 млрд чел. (52,1 %) в 2010 г. до 4,38 млрд чел. (56,4 %) в 2020 г. Одновременно в рассматриваемый период, несмотря на небольшой прирост сельского населения с 3,36 млрд чел. до 3,41 млрд чел., произошло сокращение его удельного веса в составе населения с 47,8 до 43,6 % (табл. 1 [2]).

Таблица 1. Территориальная дифференциация населения
Table 1. Territorial differentiation of the population

Территориальное деление (по классификации МОТ)	2010 г., млрд чел.			2020 г., млрд чел.		
	Население (всего)	Сельское население	Городское население	Население (всего)	Сельское население	Городское население
Весь мир	6,95	3,36	3,59	7,79	3,41	4,38
Америка	0,93	0,19	0,74	1,02	0,19	0,83
Африка	1,04	0,63	0,41	1,34	0,76	0,58
Арабские страны	0,14	0,05	0,09	0,17	0,05	0,12
Азия и Тихоокеанский регион	3,95	2,23	1,72	4,33	2,17	2,16
Европа и Центральная Азия	0,9	0,26	0,64	0,93	0,25	0,68

Следует отметить, что анализ региональной дифференциации городского и сельского населения свидетельствует о ее прямой обусловленности уровнем экономического развития

территории: как правило, развитые в экономическом отношении страны характеризуются более высоким уровнем урбанизации, хотя в последние десятилетия к этому процессу присоединились и развивающиеся регионы. В настоящее время самая большая доля городского населения (свыше 80 %) приходится на европейские страны, США, Японию и др., в то время как в странах Африки менее 40 % населения проживает в городах. Аналогичная взаимосвязь прослеживается в отношении имущественного статуса населения – так, к городскому населению в мире относится 83,3 % людей с высоким уровнем дохода (high income), 28 % – с низким уровнем дохода (low income) и 48 % – со средним (lower-middle income, upper-middle income).

Вместе с тем расширяющееся городское пространство все более характеризуется определенными качественными региональными особенностями своего развития. Если в развитых высокоурбанизированных странах с традиционно высокой долей городского населения уже давно прошла экономическая и культурная ассимиляция приезжей рабочей силы (за исключением последствий западноевропейской интеграционной политики в отношении этнокультурных и религиозных меньшинств начала XXI в.), то формирование городского ландшафта в развивающихся регионах зачастую характеризуется образованием значительной прослойки «новых» горожан, не участвующих в производственных процессах, мало принимающих городской уклад и следующих своим «сельским» нормам. В связи с этим исследователи отмечают, что «с ростом масштабов урбанизации все большую значимость приобретают ее качественные параметры. Усиливается важность правильного соотнесения закономерностей мировой урбанизации с ее региональными особенностями при анализе самого процесса и его результатов в странах разного типа. В качестве всемирно-исторического процесса урбанизации присущи глобальные закономерности, а его результаты, отражая значительное разнообразие стран и регионов, свидетельствуют о большой территориальной дифференциации, мозаичности урбанизации в современном мире» [1].

Кардинальные изменения городской и сельской дифференциации населения определили новую реальность территориальной структуры рабочей силы и региональных различий мирового рынка труда. В настоящее время наиболее высокие показатели удельного веса рабочей силы характеризуют страны Северной и Южной Америки, Азии и Тихоокеанского региона, на которые приходится подавляющая часть мирового рынка труда (Северная и Южная Америка – 14,4 %, Африка – 14,1 %, арабские страны – 1,7 %, Азия и Тихоокеанский регион – 57,1 %, европейские страны – 1,7 %). В рамках этого деления существуют различия в соотношении численности и коэффициента участия рабочей силы (табл. 2 [2]).

Статистические данные последнего десятилетия фиксируют рост численности мировой рабочей силы с 3,2 млрд чел. в 2010 г. до 3,5 млрд чел. в 2019 г. при небольшом снижении ее коэффициента участия с 62,5 до 60,9 % (во многом это явилось следствием повсеместного внедрения информационных и коммуникационных технологий и высокой доли поддающихся автоматизации профессий). Проходившие урбанизационные процессы обусловили рост удельного веса городской рабочей силы с 49,7 до 54,3 % и, соответственно, снижение показателей сельских трудовых ресурсов с 50,3 до 45,7 % [3, р. 2]. Одновременно в последнее десятилетие сократился коэффициент участия сельской рабочей силы с 65,5 до 61,9 % при фактически идентичном показателе городских трудовых ресурсов (60 %). В свою очередь данная тенденция во многом определила трансформацию сфер занятости рабочей силы. В то время как городские территории расширялись, привлекая занятое население

в типичную для них сферу услуг, объем характерных для сельской местности сельскохозяйственных видов деятельности стабильно сокращался. Эксперты в сфере трудовых отношений отмечают, что тенденция роста доли занятости в сфере услуг при сокращении параметров сельскохозяйственной деятельности будет превалировать и в дальнейшем.

Таблица 2. Территориальная дифференциация рабочей силы (коэффициент участия рабочей силы)¹
Table 2. Territorial differentiation of the labour force (labour force participation rate)

Территориальное деление (по классификации МОТ)	2010 г.						2019 г.					
	Рабочая сила (всего)		Сельская рабочая сила		Городская рабочая сила		Рабочая сила (всего)		Сельская рабочая сила		Городская рабочая сила	
	%	млрд	%	млрд	%	млрд	%	млрд	%	млрд	%	млрд
Весь мир	62,5	3,17	65,5	1,60	59,7	1,58	60,9	3,49	61,9	1,59	60,0	1,90
Америка	58,4	0,45	60,9	0,09	55,6	0,36	63,8	0,50	60,9	0,09	55,6	0,41
Африка	64,4	0,39	69,2	0,25	57,5	0,14	57,9	0,49	54,8	0,30	59,6	0,19
Арабские страны	49,8	0,04	46,9	0,02	51,8	0,03	43,0	0,06	42,2	0,02	43,3	0,04
Азия и Тихоокеанский регион	63,3	1,86	66,7	1,12	58,8	0,74	60,5	1,99	66,7	1,06	58,8	0,94
Европа и Центральная Азия	57,6	0,43	56,5	0,12	58,0	0,31	58,2	0,44	56,5	0,12	58,7	0,32

Важнейшим аспектом анализа социального состава рабочей силы выступают территориальные параметры занятости населения (табл. 3 [2]).

Таблица 3. Территориальная дифференциация уровня занятости населения
Table 3. Territorial differentiation of the employment rate (share of the employed population)

Территориальное деление (по классификации МОТ)	2010 г., %			2019 г., %		
	Занятое население (всего)	Городское занятое население	Сельское занятое население	Занятое население (всего)	Городское занятое население	Сельское занятое население
Весь мир	58,8	62,7	55,2	57,6	59,4	56,1
Америка	58,9	57,9	59,1	59,7	57,9	60,1
Африка	60,2	66,6	50,9	58,8	64,5	51,2
Арабские страны	46,3	43,5	48,2	47,1	43,6	49,4
Азия и Тихоокеанский регион	60,4	64,2	55,4	57,9	59,5	56,1
Европа и Центральная Азия	51,9	50,8	52,3	54,1	53,1	54,5

Уровень занятости населения, являясь важнейшим индикатором состояния рынка труда, показывает отношение занятых к общей численности населения, или долю занятого населения в трудоспособном возрасте. Исследователи отмечают, что «на развитие национальных рынков рабочей силы повышающее влияние оказывают взаимодействующие между собой факторы: политический, социально-экономический, институциональный и глобализация, которые формируют структурную трансформацию секторов экономики и механизмов координации экономической деятельности» [4, р. 283]. В начале XXI столетия мировые рынки труда характеризовались существенными региональными различиями в уровне занятости населения. Приведенные статистические данные фиксируют, что в 2010 г. удельный вес занятого

¹ Коэффициент участия рабочей силы (labour force participation rate) рассчитывается как отношение численности рабочей силы к общей численности взрослого населения, выраженное в процентах.

населения в мире составил 58,8 %, при этом наибольший уровень занятости приходился на страны Азии и Тихоокеанского региона, Северной и Южной Америки, Африки. В целом, городская занятость превышала сельскую (соответственно 62,7 и 55,2 %), однако в региональном срезе аналогичное соотношение было далеко не повсеместным. Следует отметить, что, хотя за последнее десятилетие уровень занятости в мире практически не изменился (в 2019 г. – 57,6 %), произошла трансформация территориальной структуры занятости: снизился удельный вес городского занятого населения (59,4 %) и немного подросла сельская занятость (56 %). Кардинальные изменения произошли в 2020 г., когда наступившая пандемия обвалила мировой уровень занятости населения, перевернув мировой рынок труда. Сравнение регионов показывает, что наибольшие потери в период пандемии понесли Северная и Южная Америка (13,1 %), а также Европа и Центральная Азия (12,9 %).

Показатели занятого населения тесно связаны с состоянием безработицы, уровень которой отражается количеством безработного населения в общей численности рабочей силы¹ (табл. 4 [2]).

Таблица 4. Территориальная дифференциация уровня безработицы
Table 4. Territorial differentiation of the unemployment rate

Территориальное деление (по классификации МОТ)	2010 г., %			2019 г., %		
	Уровень безработицы (всего)	Сельская безработица	Городская безработица	Уровень безработицы (всего)	Сельская безработица	Городская безработица
Весь мир	5,9	4,3	7,5	5,4	4,0	6,5
Америка	7,9	5,8	8,5	6,4	4,7	6,9
Африка	6,5	3,7	11,4	6,8	4,0	11,4
Арабские страны	7,1	7,1	7,1	8,1	7,9	8,2
Азия и Тихоокеанский регион	4,6	3,8	5,7	4,4	3,6	5,2
Европа и Центральная Азия	9,9	10,0	9,8	7,0	6,1	7,2

В международном масштабе уровень безработицы часто используется для сравнения региональных рынков труда. Общей тенденцией развития безработицы в мире стало ее снижение в экономически развитых регионах при одновременном росте ее показателей в развивающихся странах. Практически во всех без исключения регионах уровень городской безработицы значительно превышал сельскую, так как в сельских районах недоиспользование рабочей силы в большей степени принимает форму неполной занятости, связанную с продолжительностью рабочего времени. Преимущественно городской облик безработицы во многом связан с тем, что городская рабочая сила благодаря пособиям по безработице и социальным выплатам имеет возможность более продолжительное время находиться в этом статусе, тогда как сельское население вынуждено прибегать к любой доступной работе. Среди 11 субрегионов мира самый высокий уровень безработицы приходится на Северную Африку (12 %), Центральную и Западную Азию (9 %), а самые низкие показатели наблюдаются

¹ Согласно определению МОТ, к безработным относятся все лица трудоспособного возраста, которые: а) не имели работы в течение отчетного периода, т. е. не имели оплачиваемой работы или самозанятости; б) в настоящее время были доступны для работы, т. е. были доступны для оплачиваемой работы или самозанятости в течение отчетного периода; в) искали работу, т. е. предприняли конкретные шаги в указанный последний период для поиска оплачиваемой работы или самозанятости.

в Юго-Восточной Азии и Тихоокеанском регионе (3 %), а также в Северной Америке (4 %). Следует отметить, что во многих развивающихся странах вопрос отсутствия рабочих мест стоит очень остро, что приводит к неполной занятости, низким доходу и производительности труда. В гендерном отношении уровень женской безработицы выше, чем среди мужчин, кроме того, женщины зачастую имеют меньше возможностей для трудоустройства.

Выводы о сохраняющемся неравенстве в доступе к работе (между работниками разного пола и возраста, а также жителями города и сельской местности) как одной из главных характеристик современного рынка труда звучали в отчете о занятости и тенденциях развития общества за 2020 г., опубликованном Международной организацией труда [5]. В нем отмечается, что замедление экономического роста по всему миру может вызвать недостаток новых рабочих мест и рост числа безработных до 190,5 млн чел. Содержащиеся в отчете статистические данные фиксируют, что в настоящее время 120 млн чел. отказались от активного поиска работы или не имеют доступа к рынку труда, а почти полмиллиарда человек работают меньше оплачиваемых часов или не имеют адекватного доступа к оплачиваемой работе. Эксперты МОТ считают, что неравенство и дефицит достойных условий труда могут не только привести к экономической неэффективности, но и подорвать сплоченность общества. Такая ситуация особенно небезопасна в условиях пандемии, охватившей мир в 2020 г.

Общей тенденцией изменения социального состава занятого населения стало его перемещение из материального производства в сферу услуг (табл. 5 [2]).

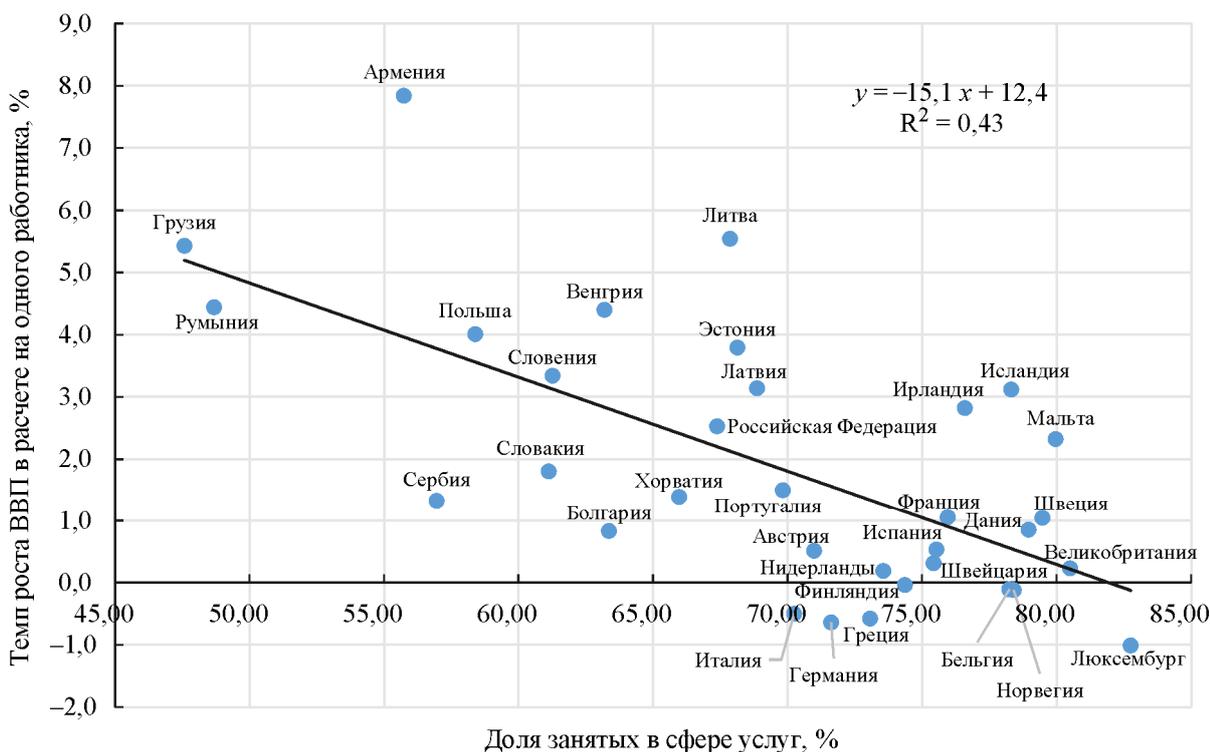
Таблица 5. Распределение занятого населения по сферам занятости (млн чел.) в 2019 г.
Table 5. Distribution of the employed population by areas of employment (million people) 2019

Территориальное деление (по классификации МОТ)	Занятое население	Всего	Сельское хозяйство	Промышленность	Сфера услуг
Весь мир	Занятое население в целом	3300,0	883,0	748,0	1669,0
	Городское занятое население	1772,0	111,0	471,0	1190,0
	Сельское занятое население	1528,0	772,0	277,0	479,0
Америка	Всего	470,8	41,6	94,6	334,5
	Городское занятое население	380,3	11,7	77,7	290,9
	Сельское занятое население	90,5	29,9	16,9	43,6
Африка	Всего	457,0	223,9	58,0	175,1
	Городское занятое население	168,4	26,1	31,1	111,1
	Сельское занятое население	288,6	197,8	26,9	63,9
Арабские страны	Всего	53,6	47,5	13,6	35,2
	Городское занятое население	34,3	1,4	9,8	23,0
	Сельское занятое население	19,3	3,3	3,8	12,2
Азия и Тихоокеанский регион	Всего	25,6	11,1	3,8	10,7
	Городское занятое население	6,4	0,8	1,1	4,4
	Сельское занятое население	19,3	10,3	2,7	6,3
Европа и Центральная Азия	Всего	208,1	6,6	46,4	155,1
	Городское занятое население	159,3	2,4	33,2	123,7
	Сельское занятое население	48,8	4,3	13,2	314,0

Согласно приведенным статистическим данным в настоящее время в мировой экономике 26,8 % занятого населения приходится на сельское хозяйство, 22,6 % – на промышленность и 50,6 % – на сектор услуг. К числу наиболее быстрорастущих отраслевых групп относится рабочая сила, занятая в нематериальной сфере (транспорт, связь, оптовая и розничная торговля, финансовая деятельность, страхование, а также различного рода услуги производственного и бытового назначения). Одновременно

происходит сокращение численности и удельного веса занятых в сельском и лесном хозяйстве, добывающей и обрабатывающей промышленности, что приводит к качественно иной отраслевой и профессиональной структуре трудовых ресурсов. Вместе с тем следует отметить различия сфер занятости городского и сельского населения: если в 2019 г. 67,2 % городского населения было занято в сфере услуг, 26,5 % – в промышленности и только 6,3 % – в сельском хозяйстве, то для сельского населения аналогичное соотношение составило соответственно 31,5 %, 18,1 % и 50,5 %. В разрезе территориальной дифференциации можно говорить о следующей тенденции: чем выше уровень экономического развития того или иного региона, тем более ярко выражена ориентация занятости на сферу услуг и меньше занятость в отраслях материального производства. Специалисты отмечают, что тенденция роста доли занятости в сфере услуг при сокращении объема сельскохозяйственной деятельности будет превалировать и в дальнейшем.

В то же время для европейских стран с высоким и выше среднего уровнем дохода наблюдается парадоксальная на первый взгляд зависимость между годовым темпом роста ВВП в расчете на одного работника и долей занятых в сфере услуг: при увеличении доли занятых в сфере услуг показатель годового темпа прироста ВВП в расчете на одного работника в постоянных ценах по паритету покупательной способности снижается (рисунок). Эту зависимость можно объяснить снижением темпов роста при более высокой базе годового ВВП на одного работника для более развитых стран.

Зависимость между годовым темпом роста ВВП в расчете на одного работника и долей занятых в сфере услуг (страны Европы, 2019 г.)¹
Relationship between the annual GDP growth rate per employee and the share of people employed in the service sector (European countries, 2019)

¹ График построен авторами на основании данных [2].

Еще одним аспектом территориальной дифференциации являются гендерные особенности коэффициента участия рабочей силы (табл. 6 [2]).

Таблица 6. Гендерные особенности территориальной дифференциации рабочей силы (%)
Table 6. Gender characteristics of territorial differentiation of the labour force (%)

Территориальное деление (по классификации МОТ)	2010 г., %			2020 г., %		
	Гендер	Сельская рабочая сила	Городская рабочая сила	Гендер	Сельская рабочая сила	Городская рабочая сила
Весь мир	мужчины	80,7	71,9	мужчины	77,4	71,8
	женщины	50,1	47,7	женщины	46,1	48,4
Америка	мужчины	75,2	74,8	мужчины	73,5	73,8
	женщины	47,8	55,1	женщины	47,8	55,9
Африка	мужчины	78,2	69,1	мужчины	75,9	68,1
	женщины	60,5	46,0	женщины	58,7	47,6
Арабские страны	мужчины	74,2	77,2	мужчины	75,3	78,8
	женщины	15,0	18,4	женщины	14,3	20,8
Азия и Тихоокеанский регион	мужчины	83,8	72,8	мужчины	79,8	72,9
	женщины	49,1	44,4	женщины	43,1	45,2
Европа и Центральная Азия	мужчины	63,8	65,5	мужчины	62,6	64,8
	женщины	49,3	51,0	женщины	50,5	53,0

Следует отметить, что гендерное неравенство городской и сельской рабочей силы отражает такие позиции, как преимущественные сферы занятости, профессиональный статус индивидов, уровень оплаты труда и др. Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о превалировании мужской занятости над женской как в городах, так и в сельской местности. Исследование трудовых ресурсов городского населения показывает, что за 2010–2020 гг. коэффициент участия мужской рабочей силы держался на уровне 71 %, тогда как аналогичный показатель для женщин составлял 48 %. Устойчивые гендерные роли определяют преобладание мужчин в составе рабочей силы во всех регионах и во всех имущественных группах населения, при этом гендерный разрыв более ярко выражен в сельской местности, чем в городской. В региональном срезе преобладание городской мужской рабочей силы характерно для стран Северной и Южной Америки, Азии и Тихоокеанского региона, в то время как женская занятость более распространена в европейских странах. Что касается гендерного аспекта сельской занятости, то более высокий удельный вес мужских трудовых ресурсов сосредоточен в арабских странах, странах Африки, Северной и Южной Америки. Существуют и другие проявления гендерного неравенства – например, в доступе к образованию и профессиональной подготовке, что также негативно влияет на женскую занятость.

Заключение. Анализ региональных различий современного рынка труда позволяет обозначить такие тенденции его развития, как рост численности городского экономически активного населения, преобладание городской рабочей силы над сельской, преимущественная занятость городского населения в агропромышленном секторе экономики, неравенство доходов и доступа к работе в городской и сельской местности, различия имущественного статуса, гендерное неравенство городской и сельской рабочей силы и т. д. Учет этих особенностей должен стать необходимым условием для выработки концепции устойчивого и стабильного развития как отдельных регионов, так и мирового сообщества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пивоваров Ю. Л. Мировая урбанизация и Россия // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 12–22.
2. Labour Statistics // International Labour Organization. URL: <https://www.ilo.org/inform/online-information-resources/research-guides/labour-statistics/lang--en/index.htm> (дата обращения: 12.04.2021).
3. Rural and urban labour markets: Different challenges for promoting decent work // International Labour Organization. Spotlight on Work Statistics. October 2020. № 11. URL: https://www.ilo.org/global/statistics-and-databases/publications/WCMS_757960/lang--en/index.htm (дата обращения: 12.04.2021).
4. Смирнова Т. Л. Активная политика занятости и национальные модели рынка рабочей силы // Вестн. КемГУ. 2013. № 1 (53). С. 283–287.
5. World Employment and Social Outlook: Trends 2020 // International Labour Organization. URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2020/lang--en/index.htm> (дата обращения: 08.04.2021).

Информация об авторах.

Росенко Светлана Ивановна – доктор социологических наук (1998), профессор (2006), директор Института менеджмента и социальных технологий Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, г. Санкт-Петербург, пр. Декабристов, д. 35, Санкт-Петербург, 190191, Россия. Автор более 80 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная структура, социальная дифференциация, социальные процессы.

Верзилин Дмитрий Николаевич – доктор экономических наук (2005), профессор (2010), заведующий кафедрой менеджмента и экономики спорта Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, г. Санкт-Петербург, пр. Декабристов, д. 35, Санкт-Петербург, 190191, Россия. Автор более 120 научных публикаций. Сфера научных интересов: моделирование процессов управления в сложных организационно-технических системах; моделирование, прогнозирование и планирование развития социально-экономических систем (с использованием математико-статистического инструментария, методов многокритериального принятия решений); технологии имитационного моделирования.

Пыж Владимир Владимирович – доктор политических наук (2005), доцент (2000), заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин им. В. У. Агеевца Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, г. Санкт-Петербург, пр. Декабристов, д. 35, Санкт-Петербург, 190191, Россия. Автор 65 научных публикаций. Сфера научных интересов: теория политики, геополитика, национальная безопасность, факторы устойчивости и конкурентоспособности отечественного образования в современных условиях.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 15.10.2021; принята после рецензирования 12.11.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.*

REFERENCES

1. Pivovarov, Yu.L. (1996), "World urbanization and Russia", *Free Thought*, no. 5, pp. 12–22.
2. Labour Statistics, *International Labour Organization*, available at: <https://www.ilo.org/inform/online-information-resources/research-guides/labour-statistics/lang--en/index.htm> (accessed 12.04.2021).

3. Rural and urban labour markets: Different challenges for promoting decent work, *International Labour Organization, Spotlight on Work Statistics*, October 2020, no. 11, available at: https://www.ilo.org/global/statistics-and-databases/publications/WCMS_757960/lang--en/index.htm (accessed 12.04.2021).

4. Smirnova, T.L. (2013), "Active employment policy and national models of labour market", *Bulletin of Kemerovo State Univ.*, no. 1 (53), pp. 283–287.

5. World Employment and Social Outlook: Trends 2020, *International Labour Organization*, available at: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2020/lang--en/index.htm> (accessed 08.04.2021).

Information about the authors.

Svetlana I. Rosenko – Dr. Sci. (Sociology) (1998), Professor (2006), Director of the Institute of Management and Social Technologies, Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, 35 Dekabristov ave., St Petersburg 190191, Russia. The author of more than 80 scientific publications. Area of expertise: social structure, social differentiation, social processes.

Dmitry N. Verzilin – Dr. Sci. (Economy) (2005), Professor (2010), Head of the Department of Management and Economics of Sports, Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, 35 Dekabristov ave., St Petersburg 190191, Russia. The author of more than 120 scientific publications. Area of expertise: modeling of management processes in complex organizational and technical systems; modeling, forecasting and planning the development of socio-economic systems (using mathematical and statistical tools, methods of multi-criteria decision-making); simulation technology.

Vladimir V. Pyzh – Dr. Sci. (Politics) (2005), Docent (2000), Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, 35 Dekabristov ave., St Petersburg 190191, Russia. The author of 65 scientific publications. Area of expertise: theory of politics, geopolitics, national security, factors of sustainability and competitiveness of domestic education in modern conditions.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.10.2021; adopted after review 12.11.2021; published online 24.02.2022.

Оригинальная статья

УДК 316.44

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-105-122>

Блюз как символическое сопротивление и репрезентация контркультурных групп в США в конце XIX – начале XX вв.

Максим Павлович Замотин

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
jethro79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9748-5109>*

Введение. В статье рассматривается музыкальная традиция блюза с позиции использования создателями этой формы культуры символических репрезентаций, которые формировали уникальное «скрытое послание», транслируемое определенными социокультурными группами, жившими и творившими в определенной исторической эпохе. Поскольку блюзовая традиция в США берет свое начало в негритянских общинах, то с точки зрения самопрезентации представителей этой группы доминирующей культуре можно говорить о музыке этого социально-культурного периода американской истории как инструменте донесения «скрытых посланий».

Методология и источники. Методологию и теорию составляет сравнительно-историческая методология в контексте изучения отношения господства и подчинения между группами и отдельными индивидами. Все подчиненные группы используют стратегии сопротивления, которые остаются незамеченными вышестоящими группами. Открытое, публичное взаимодействие между господствующими и угнетенными группами определяется термином «публичная декларация», а критику власти, которая происходит вне сцены, – «скрытым посланием». Формы скрытых посланий являются зашифрованными демонстрациями угнетаемых групп с целями сопротивления и противопоставления себя, своего образа жизни и трудностей неравенства группам доминантам.

Результаты и обсуждение. В контексте любых отношений господства-подчинения формировались пространства автономии угнетенных расовых и социальных групп, в которых имелась возможность для самовыражения как актах сопротивления существующему неравенству, что находило выражение в песнях, народных сказках, одежде, языке и религиозном самовыражении. Разработка скрытых посланий зависит не только от создания относительно неконтролируемых физических мест и свободного времени, но и от активных человеческих агентов, которые их создают и распространяют. Носители, скорее всего, будут столь же социально маргинальными, как и места, где они собираются.

Заключение. Угнетенные или маргинализованные группы создают не просто свое искусство и культуру как социальной группы, оказавшейся в определенном культурном контексте, но культуру интеграции в общество, а также культуру взаимодействия с социальной иерархией, в которой, эти группы имеют довольно низкое положение. Группы, исключенные из процесса принятия решений, или же слабо вовлеченные в него, вырабатывают свои модели демонстрации своего присутствия в социуме, а также пытаются донести их содержание до всех остальных представителей общества, будь то близкие или далекие по статусу и иерархическому устройству группы и индивиды.

Замотин М. П., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: социология музыки, антропология музыки, скрытые послания, афроамериканская блюзовая музыкальная традиция, технология «зачаровывания»

Для цитирования: Замотин М. П. Блюз как символическое сопротивление и репрезентация контркультурных групп в США в конце XIX – начале XX вв. // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 105–122. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-105-122.

Original paper

Blues as a Symbolic Resistance and Representation of Countercultural Groups in the United States in the late 19 – early 20 centuries

Maksim P. Zamotin

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
jethro79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9748-5109>*

Introduction. This article examines the blues music tradition from the perspective of the use of symbolic representations by the creators of this form of culture, which formed a unique “hidden transcripts” transmitted by certain socio-cultural groups that lived and worked in a certain historical era. Since the blues tradition in the United States originates in black communities, in terms of the self-representation of representatives of this groups to the dominant culture, we can talk about the music of this socio-cultural period of American history as an instrument for conveying “hidden transcripts”.

Methodology and sources. The author used the comparative-historical methodology in the context of studying the relationship of domination and subordination between groups and individuals. All subordinate groups use resistance strategies that go unnoticed by superior groups. Open public interaction between dominant and oppressed groups is defined by the term “public transcripts” and criticism of power that takes place offstage by the term “hidden transcripts”. Forms of hidden transcripts are coded demonstrations by oppressed groups to resist and oppose themselves, their way of life, and the difficulties of inequality to dominant groups.

Results and discussion. In the context of any dominance-subordination relationship, spaces of autonomy for oppressed racial and social groups were formed, in which there was an opportunity for self-expression as acts of resistance to existing inequality, which found its expression in songs, folk tales, clothing, language, and religious expression. The development of hidden transcripts depends not only on the creation of relatively uncontrollable physical places and free time, but also on the active human agents who create and disseminate them. The bearers are likely to be as socially marginalized as the places where they gather.

Conclusion. Oppressed or marginalized groups create not just their art and culture as a social group caught up in a certain cultural context, but a culture of integration into society, as well as a culture of interaction with the social hierarchy in which these groups have a rather low position. Groups excluded from the decision-making process or weakly involved in it, develop their own models for demonstrating their presence in society, and also try to convey their content to all other members of society, whether groups and individuals close or distant in status and hierarchy.

Keywords: sociology of music, anthropology of music, hidden transcripts, African-American blues music tradition, technology of enchantment

For citation: Zamotin, M.P. (2022), "Blues as a Symbolic Resistance and Representation of Countercultural Groups in the United States in the late 19 – early 20 centuries", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 105–122. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-105-122 (Russia).

Введение. Блюз как музыкальный жанр и исторически укорененное социокультурное явление представляет собой интерес для социальных ученых с самых разных точек зрения и перспектив. В то же время блюз как формирующая часть контркультуры американского общества 20-х гг. XX в., как символическая репрезентация и уникальное символическое послание до сих пор скрупулезно не рассматривался социологами музыки и социологами культуры.

Если мы посмотрим на этот жанр музыки как на социальное явление с точки зрения символических репрезентаций, то мы увидим на первый взгляд скрытые процессы, которые и послужили основой для создания особых форм репрезентаций и культурных кодов. Что именно скрывает в себе этот музыкальный жанр? Конечно, этот вопрос очень широк, и ответить на него практически невозможно в рамках одной статьи или даже в рамках одной книги. Поэтому, на мой взгляд, стоит поставить вопрос несколько иначе: что именно скрывает жанр блюза, если посмотреть на него как на символическое послание, транслируемое определенными социокультурными группами, жившими и творившими в определенную историческую эпоху?

Начать рассуждение следует с упоминания классических работ Джеймса Скотта, который стал известен благодаря своей теории «скрытых посланий». Данный подход ученый раскрывает в ряде работ, самые читаемые из которых – «Благими намерениями государства» и «Оружие слабых».

Методология и источники. Американский политолог и антрополог Джеймс К. Скотт, специализирующийся на сравнительной политике, обращаясь в своих работах к проблемам власти, господства и подчинения, утверждал, что все подчиненные группы используют стратегии сопротивления, которые остаются незамеченными вышестоящими группами. Скотт называет открытое, публичное взаимодействие между господствующими и угнетенными «публичной декларацией», а критику власти, которая происходит вне сцены, – «скрытым посланием». Группы, находящиеся под господством, не могут быть поняты только по их публичным действиям, которые могут казаться попустительскими. Чтобы изучить системы господства, необходимо обратить пристальное внимание на то, что скрывается под поверхностью очевидного, публичного поведения. Большую часть доказательств Скотт получает из исследований рабства, крепостного права и кастового подчинения. Он исходит из предпосылки, что связь дискурса с властью будет наиболее четко прослеживаться там, где расхождение между тем, что он называет публичной стенограммой и скрытой стенограммой, будет наибольшим.

Рассматривая его аналитическую стратегию, мы исходим из предпосылки, что структурно сходные формы господства будут иметь семейное сходство друг с другом. Это сходство в случаях рабства, крепостного права и кастового подчинения довольно простое. Каждый из них представляет собой институционализированный механизм присвоения труда, товаров и услуг, принадлежащих подчиненному населению. Формально подчиненные группы в этих формах господства не имеют политических или гражданских прав, а их статус фиксируется по рождению. Социальная мобильность в принципе, если не на практике,

исключена. Идеология, оправдывающая господство такого рода, включает формальные представления о неполноценности и превосходстве, которые, в свою очередь, находят выражение в определенных ритуалах или этикете, регулирующих общественные контакты между слоями. Несмотря на определенную степень институционализации, отношения между хозяином и рабом, помещиком и крепостным, высококастовым индусом и неприкасаемым являются формами личного правления, предоставляющими большую свободу для произвольного и капризного поведения вышестоящего. В этих отношениях обязательно присутствует элемент личного страха – страха, который может принимать произвольную форму избиений, сексуальной жестокости, оскорблений и публичных унижений. Конкретной рабыне, например, может повезти избежать такого обращения, но уверенность в том, что это может произойти с ней, пронизывает все отношения [1, р. xi]. Тем не менее подчиненные в таких масштабных структурах господства имеют социальное существование вне непосредственного контроля господина (или другого доминанта). Именно в таких изолированных условиях в принципе может развиваться общая критика господства.

Только что описанное структурное сходство является аналитически центральным для аргументов, которые приводит исследователь. Речь не идет об утверждении, что рабы, крепостные, неприкасаемые, колонизированные и порабощенные расы имеют общие неизменные характеристики. Эссенциалистские утверждения такого рода несостоятельны. Однако в той степени, в которой можно продемонстрировать, что структуры господства действуют сопоставимыми способами, они, при прочих равных условиях, будут вызывать реакции и модели сопротивления, которые также в целом сопоставимы. Так, рабы и крепостные обычно не осмеливаются открыто оспаривать условия своего подчинения. Тогда как среди своих они, скорее всего, создают и защищают социальное пространство, в котором вне сцены (Скотт использует метафоры сцены, актерства и т. п.) может быть озвучено несогласие с официальной расшифровкой властных отношений. Конкретные формы (например, языковая маскировка, ритуальные коды, таверны, ярмарки, «тишь да гладь» религии у рабов), которые принимает это социальное пространство, или конкретное содержание несогласия (например, надежды на возвращение пророка, ритуальная агрессия посредством колдовства, чествование героев-разбойников и мучеников сопротивления) настолько уникальны, насколько этого требуют конкретная культура и история рассматриваемых акторов.

Рабство, крепостное право, кастовая система, колониализм и расизм регулярно порождают практики и ритуалы принижения, оскорбления и нападения на тело, которые, похоже, занимают столь значительную часть «скрытых посланий» их жертв. Такие формы угнетения лишают подчиняемых обычной практики негативной взаимности: обмен пощечины на пощечину, оскорбления на оскорбление. Даже в случае современного рабочего класса оказывается, что ущемление достоинства и жесткий контроль над работой занимают такое же важное место в описаниях эксплуатации, как и более узкие вопросы труда и вознаграждения.

Как более успешно считывать, интерпретировать и понимать часто скрываемое политическое поведение подчиненных групп? Как нам изучать отношения власти, когда бесправные часто вынуждены принимать стратегическую позу в присутствии сильных? Для этого следует обосновать необходимость иного изучения власти, которое выявляет противоречия, напряженность и имманентные возможности. Каждая подчиненная группа создает в результате своих испытаний «скрытое послание» (hidden transcript), которое представляет собой

критику власти, произнесенную за спиной этой самой власти. Господствующие группы, со своей стороны, также создают «скрытое послание», представляющее практики и претензии их правления, которые не могут быть открыто озвучены. Сравнение скрытого послания слабых и сильных, а также обоих скрытых посланий с публичной презентацией властных отношений предлагает существенно новый способ понимания сопротивления господству. Таким образом, в отсутствие возможности фактического восстания бесправные группы заинтересованы в сговоре с целью укрепления гегемонистских представлений.

«Скрытое послание» обычно выражается открыто, хотя и в замаскированной форме. Так мы можем интерпретировать слухи, сплетни, народные сказки, песни, жесты, шутки и театр бесправных как средства, с помощью которых, помимо прочего, они инсинуируют критику власти, скрываясь за анонимностью или за демонстративностью понимания своего поведения как безобидного. Эти модели маскировки идеологического неподчинения в некоторой степени аналогичны тем, с помощью которых крестьяне и рабы маскировали свои попытки помешать материальному присвоению их труда, их производства и их собственности: например, браконьерство, подножный корм, воровство, диссимуляция, бегство. Вместе эти формы неподчинения можно назвать инфраполитикой бессильных [1, р. xiii].

Многие из практик, которые считаются нормальными в обществе, требуют, чтобы мы регулярно обменивались любезностями и улыбались тем, о ком мы имеем мнение, не соответствующее нашему публичному представлению. Можно сказать, что власть социальных форм, воплощающих этикет и вежливость, часто требует от нас жертвовать откровенностью ради ровных отношений со знакомыми. Наше осмотрительное поведение может иметь и стратегическое измерение: человек, перед которым мы предстаем в ложном свете, может каким-то образом навредить или помочь нам.

В данном случае интерес представляет поведение, которое навязывалось на протяжении всей истории подавляющему большинству людей. Имеется в виду публичное представление, которое требуется от тех, кто подвергается тщательно разработанным и систематическим формам социального подчинения: рабочий – начальнику, арендатор или батрак – помещику, крепостной – господину, раб – хозяину, неприкасаемый – брамину, представитель подчиненной расы – представителю доминирующей расы. За редкими, но значительными исключениями, публичное выступление подчиненного будет определяться благоразумием, страхом и желанием добиться расположения, его формирование будет зависеть от соответствия ожиданиям власть имущих. Скотт использует термин *public transcript* («публичное послание») как сокращенный способ описания открытого взаимодействия между подчиненными и теми, кто доминирует.

Скотт отмечает, что часто в интересах обеих сторон существует негласный сговор, касающийся искажения информации. В рассказах рабов, дошедших до нас с Юга США, также говорится о необходимости обманывать: «Я старался вести себя так, чтобы не стать неприятным для белых жителей, зная их силу и враждебное отношение к цветным... Во-первых, я не выставлял напоказ то небольшое имущество или деньги, которыми владел, но во всех отношениях носил, насколько это было возможно, образ раба. Во-вторых, я никогда не казался даже таким умным, каким был на самом деле. Все цветные на юге, и свободные, и рабы, считают особенно необходимым для собственного комфорта и безопасности наблюдать за этим» [2, р. 9].

Обсуждение «публичного послания» обращает внимание на несколько вопросов в отношениях власти, каждый из которых исходит из того, что «публичное послание» – это не вся история. Во-первых, «публичное послание» – это безразличный проводник мнения угнетаемых. По крайней мере, оценка отношений власти между сильными и слабыми, заимствованная непосредственно из «публичного послания», может изображать почтение и согласие, которые, возможно, являются лишь тактикой. Во-вторых, в той степени, в которой доминирующие группы подозревают, что «публичное послание» может быть «всего лишь» спектаклем, они будут сомневаться в его подлинности. От такого скептицизма до распространения среди многих доминирующих групп мнения о том, что те, кто ниже их по положению, обманщики, притворщики и лжецы по своей природе, всего один шаг. Наконец, сомнительное значение «публичного послания» указывает на ключевые роли, которые играют маскировка и наблюдение в отношениях власти. Подчиненные демонстрируют почтение и согласие, одновременно пытаясь разглядеть, прочесть истинные намерения и настроение потенциально угрожающей власти. Как гласит любимая пословица ямайских рабов: «Играй в дурака, чтобы поймать мудрого» [3, р. 338].

Если подчиненный дискурс в присутствии доминанта является «публичным посланием», Скотт использует термин «скрытое послание» для характеристики дискурса, который происходит «за сценой», вне прямого наблюдения власть имущих. Таким образом, «скрытое послание» является производной в том смысле, что оно состоит из тех речей, жестов и практик вне сцены, которые подтверждают, противоречат или изменяют то, что является в «публичном послании». Отношения власти не настолько прямолинейны, чтобы мы могли назвать то, что говорится в контекстах, нагруженных властью, ложью, а то, что говорится вне сцены, правдой. Также некорректно будет упрощенно описывать первое как царство необходимости, а второе – как царство свободы. Однако несомненно то, что «скрытое послание» создается для другой аудитории и при других ограничениях власти, чем «публичное послание». Оценивая расхождения между скрытым и публичным посланием, мы можем начать судить о влиянии господства на публичный дискурс.

Интересны иллюстрации возможного драматического расхождения между публичной и скрытой стенограммами. Первая иллюстрация взята из истории рабства на Юге США в эпоху антебеллума. Мэри Ливермор, белая гувернантка из Новой Англии, рассказала о реакции Агги, обычно неразговорчивой и почтительной чернокожей кухарки, на побои, которым хозяин подверг ее дочь. Дочь обвинили, очевидно, несправедливо, в какой-то мелкой краже, а затем избили, пока Агги смотрела на это, не имея сил вмешаться. После того как хозяин наконец покинул кухню, Агги повернулась к Мэри, которую считала своей подругой, и сказала: «Наступает день! Наступает день! <...> Я слышу грохот колесниц! Я вижу вспышки пушек! Кровь белых людей течет по земле, как лента, а мертвые лежат кучами! <...> О, господь! Скорей бы настал тот день, когда удары, и синяки, и боли, и ломота придут к белым людям, и канюки съедят их, когда они будут лежать мертвыми на улицах. О Лор, катись на колесницах, дай черным людям покой и мир. О, господь! Дай мне удовольствие жить до того дня, когда я увижу, как белых людей перестреляют, как волков, когда они придут голодными из леса» [4, р. 313].

«Скрытое послание» Агги полностью противоречит ее публичной декларации тихого послушания. Что особенно поражает, так это то, что это не просто произвольный крик

ярости; это тонко нарисованный и очень наглядный образ апокалипсиса, день мести и триумфа, мир, перевернутый с ног на голову с использованием культурного сырья религии белого человека.

Изучая разнообразные формы и способы реализации скрытых посланий, мы могли бы более успешно читать, интерпретировать и понимать часто ускользающее политическое поведение подчиненных групп. Скотт обращает внимание на свои длительные попытки понять политику сопротивления бедных малайских крестьян изменениям в производстве риса, которые систематически работали в ущерб их интересам. Учитывая власть землевладельческой элиты и чиновников, борьба, которую вели бедняки, была неизбежно осторожной. Вместо того, чтобы открыто восставать или публично протестовать, они выбрали более безопасный путь анонимных нападений на собственность, браконьерства, очернения тех (своих), кто нарушает правила и практики изгнания. Они благоразумно избегали, за редким исключением, необратимых актов публичного неповиновения.

Понимая, как строится публичная декларация, как она поддерживается и каким целям служит, мы сможем ответить на вопросы, почему публичные представления почтения и лояльности так важны в отношениях власти, и кто является аудиторией для этого символического показа. Публичная декларация – это, образно говоря, автопортрет доминирующей элиты, как бы они сами себя увидели. Учитывая обычную власть доминирующих элит принуждать к выступлениям других, дискурс публичной декларации – это явно одностороннее обобщение. Оно призвано произвести впечатление, утвердить и натурализовать власть доминирующих элит, а также скрыть или эвфемизировать «грязное белье» их правления. Однако для того, чтобы этот лестный автопортрет имел хоть какую-то риторическую силу среди подчиненных групп, он обязательно должен подразумевать некоторые уступки их предполагаемым интересам. Иными словами, правители, стремящиеся к гегемонии в грамшианском понимании этого термина, должны идеологически обосновать, что они правят в какой-то степени от имени своих подданных.

Самой безопасной и публичной формой политического дискурса является та, которая берет за основу лестное самовосприятие элит. Благодаря риторическим уступкам, содержащимся в этом самообразе, он предлагает удивительно широкую арену для политического конфликта, который апеллирует к этим уступкам и использует пространство для интерпретации в рамках любой идеологии. Например, даже идеология белых рабовладельцев на американском Юге в предвоенные годы включала определенные патерналистские изыски в отношении ухода, питания, жилья, одежды рабов и их религиозного воспитания. Практика, конечно, была совсем другой. Однако рабы могли использовать это небольшое риторическое пространство в политических целях, требуя садовых участков, лучшего питания, гуманного обращения, свободы передвижения на религиозные службы и т. д. Таким образом, некоторые интересы рабов могли найти свое отражение в господствующей идеологии, не выглядя при этом ни в малейшей степени подстрекательскими.

Второй и резко контрастирующей формой политического дискурса является «скрытое послание». Здесь, вне сцены, где подчиненные могут собираться вдали от пугающего взгляда власти, возможна резко диссонирующая политическая культура. Рабы в относительной безопасности своих помещений могут говорить слова гнева, мести, самоутверждения, которые они обычно должны подавлять в присутствии господ.

Далее, существует третья сфера политики подчиненных групп, которая стратегически лежит между первыми двумя. Это политика маскировки и анонимности, которая ведется на глазах у всех, но призвана иметь двойной смысл или скрывать личность действующих лиц. Слухи, сплетни, народные сказки, шутки, песни, ритуалы, коды и эвфемизмы – значительная часть народной культуры подчиненных групп – подходят под это описание. В качестве примера можно привести истории о кролике Брере, которые рассказывали рабам, и сказки о трикстерах в целом. На одном уровне это всего лишь невинные истории о животных; на другом уровне они, кажется, воспевают хитрость и мстительный дух слабых, когда они торжествуют над сильными.

Наконец, самая взрывоопасная сфера политики – это разрыв политического санитарного кордона между скрытыми и публичными посланиями, когда стирается различие, и до этого скрытая стенограмма становится публичной.

Отдельное внимание Скотт уделяет феномену, который он обозначает словосочетанием «инфраполитика подчиненных групп». Под этим он подразумевает широкий спектр малозаметных форм сопротивления, которые не осмеливаются говорить от своего имени. Понимание сути этой инфраполитики, ее маскировки, ее развития и ее отношений с публичной декларацией может помочь нам прояснить несколько сложных проблем в политическом анализе. Кроме того, пристальное внимание к политическим актам, которые замаскированы или находятся вне сцены, помогает нам наметить сферу возможного несогласия.

Описанные формы господства являются институционализированными средствами извлечения труда, товаров и услуг из подвластного населения. Они воплощают формальные представления о превосходстве и неполноценности, часто в тщательно продуманной идеологической форме, и достаточная степень ритуала и «этикета» регулирует общественное поведение в них. По крайней мере, в принципе, статус в этих системах господства присваивается по рождению, мобильность практически нулевая, а подчиненным группам предоставляются лишь немногие политические или гражданские права. Несмотря на высокую степень институционализации, эти формы господства обычно содержат сильный элемент личного правления. Здесь имеется в виду большая свобода для произвольного и капризного поведения хозяина по отношению к рабу, господина – к крепостному, брамина – к неприкасаемому. Таким образом, эти формы господства пронизаны элементом личного террора, который может принимать произвольные формы избиения, сексуального насилия и других оскорблений и унижений. Независимо от того, произойдет ли это с конкретным подчиненным или нет, постоянное знание о том, что это может произойти, накладывает отпечаток на отношения в целом. Наконец, как и в большинстве масштабных структур господства, подчиненная группа имеет довольно обширное социальное существование вне сцены, что в принципе дает ей возможность выработать общую критику власти.

Любая модель стратификации дает достаточно надежное представление о том, кто отдает приказы и кто получает приказы в этом обществе. Одним из важных скрепляющих эти отношения элементов является феномен «почтение». В контексте нашего рассуждения можно совершить серьезную ошибку, если делать выводы об убеждениях или взглядах кого-либо только на основании того, что он или она совершили какой-либо явно выраженный акт почтения. Скотт отмечает, что у нас нет никаких оснований для такого вывода, и термин

«почтение» лучше всего рассматривать как «форму социального взаимодействия, которая возникает в ситуациях, связанных с осуществлением традиционной власти» [1, р. 24]. Нет сомнений в том, что акты почтения – например, приветственный поклон или использование почетного имени начальника при обращении к нему – в некотором смысле призваны создать внешнее впечатление соответствия стандартам, поддерживаемым начальством. Остальные возможные выводы с большой вероятностью будут являться домыслом. Действие может совершаться почти автоматически, как ритуал или привычное действие; оно может быть результатом расчета своих преимуществ; это может быть успешная маскировка; оно может проистекать из сознательного желания оказать честь уважаемому начальнику. Кроме того, поскольку большинство актов почтения – это рутинизированные действия по отношению к обладателю определенного статуса, часто возникает желание отличить отношение к человеку от отношения к статусу в целом.

В любой сложившейся структуре господства легко представить, что подчиненные группы социализируются своими родителями в ритуалах почитания, которые уберегут их от вреда. Жестокий парадокс рабства, например, заключается в том, что в интересах матерей-рабынь, чье главное желание – сохранить своих детей в безопасности и рядом с собой, – обучение их действиям соответствия. Из любви они обязуются социализировать своих детей так, чтобы угодить или, по крайней мере, не разозлить своих господ. Насколько глубоко проникает этот конформизм и сколько закулисных обид и цинизма, которые могут окрашивать его, лежат в основе спектакля, невозможно сказать только на основании поверхностных данных.

Властные отношения, возникающие между подчиненными группами, часто являются единственной силой, противодействующей определению поведения сверху. Скотт определяет предполагаемые положения дискурса публичных и скрытых посланий согласно группам господства и подчинения (рисунок) [1, р. 26].

Суровый хозяин или надсмотрщик	Снисходительный хозяин или надсмотрщик	Белые, не имеющие прямой власти	Рабы и свободные чернокожие	Рабы одного хозяина	Самые близкие друзья- рабы	Непосредственно семья
--------------------------------------	--	---------------------------------------	-----------------------------------	---------------------------	-------------------------------------	--------------------------

1-----1 1-----1

Публичные послания

Скрытые послания

Предполагаемые местоположения дискурса, упорядоченные по социальным группам людей,
в контексте рабства

Hypothetical discursive sites, arranged by audience, under slavery

Фермеры-арендаторы в малайзийской деревне, которую изучал Скотт, выработали между собой сильную норму, осуждающую любого, кто попытается получить или расширить свой участок, предложив лэндлорду более высокую сезонную арендную плату, чем платил нынешний местный арендатор. Когда кто-то нарушает эту норму, о его семье плохо отзываются, с ними не разговаривают и не приглашают на пиры ни родственники, ни друзья обиженной семьи.

Сила санкций, применяемых для принуждения к соответствию, в основном зависит от сплоченности подчиненной группы и от того, насколько угрожающими будут считаться их нарушения. Такие случаи являются примерами более или менее принудительного давления, которое может быть создано для контроля и управления отклонениями внутри подчиненной группы.

Диалектическая взаимосвязь между публичными и скрытыми посланиями очевидна. По определению, скрытое послание представляет собой дискурс – жесты, речь, практики, –

который обычно исключается из публичного послания подчиненных в результате осуществления власти. Практика господства, таким образом, создает скрытое послание. Если господство особенно сурово, оно, скорее всего, породит скрытое послание соответствующей насыщенности. Скрытое послание подчиненных групп, в свою очередь, реагирует на публичную декларацию, порождая субкультуру и противопоставляя свой собственный вариант социального господства форме господствующей элиты. Обе эти сферы являются сферами власти и интересов.

Язык также является неотъемлемой частью формирования и наполнения властного дискурса. В обществах с давно сложившейся культурой суда разрабатываются сложные коды для уровней речи, которые в крайних случаях могут представлять собой почти отдельный язык. Здесь гиперкорректность подчиненных институционализируется лингвистически. Сильные следы таких кодов сохранились в различиях между саксонским и нормандским английским: саксонские простолюдины ели, а нормандские завоеватели обедали. В Малайзии множество специальных глаголов различают вполне обычные действия, когда их совершает султан: простолюдины купаются, султан орошает себя; простолюдины идут, султан продвигается (подразумевается плавное, скользящее движение); простолюдины спят, султан откидывается. Местоимения также изменяются, как и в большинстве высоко стратифицированных обществ, в зависимости от относительного статуса говорящих. Когда простолюдин обращается к султану, он использует термин «хамба», что переводится примерно как «ваш раб», и он традиционно подходит к трону в позе презренного смирения. Любая встреча, когда сталкиваются люди разного статуса в таких обществах, призвана подчеркнуть и усилить эти различия с помощью правил языка, жестов, тона и одежды [1, p. 31].

Если та сторона общественной декларации, которую мы рассмотрели, служит либо для того, чтобы превознести благоговение, с которым относится к доминирующей элите, либо для того, чтобы скрыть от общественности определенные социальные факты, то другая сторона предназначена для того, чтобы «косметически» украсить те аспекты власти, которые невозможно отрицать. Скотт для описания этого процесса использует термин Бурдые «эвфемизация». Когда в языке встречается эвфемизм, это почти безошибочный признак того, что человек наткнулся на деликатную тему. Эвфемизмы используются, чтобы скрыть то, что оценивается негативно или могло бы вызвать смущение, если бы было заявлено более откровенно.

Навязывание эвфемизмов публичной декларацией играет определенную роль, маскируя многие неприятные факты господства и придавая им безобидный или санитизированный вид. В частности, они призваны затушевать использование принуждения. Простой список эвфемизмов, которые приходят на ум, вместе с более грубыми, альтернативными терминами, проиллюстрирует их политическое использование:

- «умиротворение» – для вооруженного нападения и оккупации;
- «успокоение» – для заключения в кандалы;
- «смертная казнь» – для государственной казни;
- «лагерь перевоспитания» – для тюрьмы для политических противников;
- «торговля черным деревом» – для торговли рабами в XVIII в.

Первый термин в каждой паре навязывается доминантой публичного дискурса либо для того, чтобы придать благодушный вид деятельности или факту, который многих морально

оскорбил бы. В результате более наглядные описания обычным языком не одобряются и часто изгоняются из сферы официального дискурса.

Эвфемизмы в широком смысле – корыстная подгонка описаний и представлений, осуществляемая доминирующими властями, – не ограничиваются языком. Это можно увидеть в жестах, архитектуре, ритуальных действиях, публичных церемониях, любых других действиях, в которых власть имущие могут изображать свое господство так, как они хотят. В совокупности эвфемизмы создают лестный автопортрет доминирующей элиты.

Также активно используется механизм стигматизации. Во многих случаях стигматизации прослеживается определенная закономерность. Бунтарей или революционеров называют бандитами, преступниками, хулиганами, пытаясь таким образом отвлечь внимание от их политических требований. Религиозные практики, которые встречают неодобрение, могут быть названы ересью, сатанизмом или колдовством.

Конструируя механику взаимодействия властных и подчиненных групп, Скотт обращает внимание на ритуализацию действий. Если ритуалы подчинения неубедительны в смысле получения согласия подчиненных на условия их подчинения, то они могут быть убедительны в других отношениях. Например, они являются средством демонстрации того, что, нравится вам это или нет, данная система господства стабильна, эффективна и сохранится. Ритуальное подчинение, надежно извлекаемое из нижестоящих, буквально сигнализирует о том, что нет другого реального выбора, кроме подчинения. В сочетании с образцовым наказанием за случайный акт неповиновения, эффективная демонстрация подчинения может достичь своего рода драматизации властных отношений, которую не следует путать с идеологической гегемонией в смысле активного согласия. Здесь решающее значение приобретает различие между публичным посланием раба и декларацией господина. Раб, в конце концов, более или менее знает, какие установки и ценности лежат в основе его собственных поклонов и (менее достоверно) что лежит в основе поведения других рабов в его кругу. Чего он не может знать с такой же достоверностью, так это степень силы, уверенности в себе, единства и решимости своего хозяина или хозяев в целом. Расчеты, которые рабы делают ежедневно, приспособляя свое поведение к реалиям власти, частично зависят от их оценки сплоченности и целеустремленности их хозяев. До тех пор, пока подчиненные группы не могут надежно и полностью проникнуть в скрытое послание власть имущих, они вынуждены делать выводы из текста власти, представленного им в открытой декларации. Поэтому у доминирующей стороны есть все основания контролировать публичную декларацию, чтобы порицать любые признаки раскола или слабости, которые, казалось бы, повышают шансы тех, кто готов ужесточить сопротивление господству или рискнуть открыто не повиноваться.

Соппротивление, таким образом, возникает не просто из-за материального присвоения, а из-за модели личных унижений, которые характеризуют эту эксплуатацию. Если изъятие рабочей силы или зерна у подчиненного населения имеет нечто общее, то форма личного господства, скорее всего, будет гораздо более культурно специфичной и конкретной. Предлагаемая здесь точка зрения не означает игнорирование присвоения. Напротив, она расширяет поле зрения. Например, в понимании опыта рабства принудительный труд будет не более привилегированным, чем побои, оскорбления, сексуальное насилие и принудительное самоуничижение.

Если личный аспект подчинения имеет решающее значение для относительно безличных форм наемного труда, выполняемого работниками, которые пользуются политическими правами и формально могут уволиться с работы, то он должен быть гораздо более значимым для тех форм господства, которые являются более прямыми и личными. Другой аспект их работы, который вызывает глубокое возмущение, – это их убеждение в том, что им не дают того минимального признания, которого они заслуживают как человеческие существа на работе. Как пишет Р. Сеннетт: «В то же время снова и снова в наших беседах люди выражали сильное негодование по поводу того, что с ними “обращаются как с ничтожеством”, “обращаются как с грязью”, “как с частью деревянной конструкции”. Как человеку сделать себя видимым?» [5, р. 97].

Достоинство – это одновременно очень частный и очень публичный атрибут. Человек может испытать унижение, причиненное другим, несмотря на то, что никто больше этого не видит и не слышит. Однако совершенно ясно, что любое оскорбление усугубляется, если оно наносится публично. Оскорбление, презрительный взгляд, физическое унижение, посягательство на характер и положение человека, грубость почти всегда гораздо больнее, когда они происходят на глазах у публики. Кто же именно составляет аудиторию, перед которой оскорбление наносит наибольший ущерб? Видимо, это именно та аудитория, перед которой достоинство человека, его положение как личности наиболее важно, так как оно является социальным источником чувства собственного достоинства. В частности, в этот круг входят ближайшие родственники, друзья, соседи, коллеги и сверстники и, в особенности, собственные подчиненные, с которыми человек находится во властных отношениях.

Хотя скрытое послание нельзя назвать правдой, которая противоречит лжи, сказанной власти, правильнее будет сказать, что скрытое послание – это самораскрытие, которое властные отношения обычно исключают из официальной декларации.

Поскольку основные исторические формы господства предстали в виде метафизики, религии, мировоззрения, они спровоцировали развитие более или менее одинаково продуманных ответов в скрытом послании, что нашло выражение через так называемое «идеологическое отрицание». Насколько основательным может быть это отрицание, видно из того, что мы знаем о разнице между публичным христианством, которое проповедовали рабам их хозяева на Юге США в эпоху антебеллумов, и религией, которую они исповедовали, когда не находились под наблюдением [4]. На публичных религиозных службах, проводимых хозяином или кем-то, предоставленным им, рабы должны были контролировать свои жесты, мимику, голос и общее поведение: вне этого наблюдения и в «тихих беседках», где использовался целый ряд приспособлений для предотвращения распространения звука (например, кричали в опрокинутые горшки), царила совершенно другая атмосфера – освобождения от постоянной опеки господства, – позволявшая танцевать, кричать, хлопать, участвовать. Автономная религия рабов не просто отрицала стиль официальных служб, она противоречила и их содержанию.

Рабы редко были настолько удачливы, чтобы открыто демонстрировать свое несогласие таким образом. Однако не вызывает сомнений, что их религиозные убеждения часто отрицали смирение и терпимость, которые проповедовали им белые. Бывший раб Чарльз Болл отмечал, что рай для черных был местом, где они будут отомщены за своих врагов, и что

«краугольным камнем» черной религии была «идея революции в условиях жизни белых и черных» [4, р. 291].

Когда мы переходим к рассмотрению социальных площадок, на которых появляется скрытое послание, будет полезно помнить о нескольких моментах. Во-первых, скрытое послание – это социальный продукт и, следовательно, результат властных отношений между подчиненными. Во-вторых, как и народная культура, скрытое послание не имеет реальности в виде чистой мысли; оно существует только в той мере, в какой практикуется, артикулируется, реализуется и распространяется в этих внесценических социальных местах. В-третьих, социальные пространства, в которых развивается скрытое послание, сами по себе являются достижением сопротивления; они завоевываются и защищаются «зубами» власти.

Социальные места скрытого послания – это те места, в которых невысказанный ответ будет наименее подавлен при выполнении двух условий: во-первых, когда он озвучивается в изолированном социальном месте, где контроль, наблюдение и репрессии доминирующего наименее доступны, и, во-вторых, когда эта изолированная социальная среда полностью состоит из близких доверенных лиц, разделяющих схожий опыт доминирования. Первое условие – это то, что позволяет подчиненным вообще свободно говорить, а второе гарантирует, что в их общей подчиненности им есть о чем говорить.

Результаты и обсуждение. Для любого отношения доминирования должно быть возможным определение континуума социальных объектов, ранжированных в зависимости от того, насколько сильно или слабо они патрулируются доминирующими элитами. Предполагается, что наименее патрулируемые, наиболее автономные участки будут наиболее вероятными местами для восстановления скрытого послания. Например, в американском рабстве эпохи антебеллумов контроль, очевидно, был наиболее выражен в организации трудовой жизни – месте прямого присвоения труда – и в публичных демонстрациях господства и почтения. Таким образом, социальная автономия рабов была сведена к минимуму перед белыми, в большом доме и во время работы. За пределами этой строго патрулируемой сферы существовали области большей автономии в рабских кварталах, в кругу семьи и друзей, что находило выражение в народных сказках, одежде, языке, песнях и религиозном самовыражении. Еще дальше от центра пристального наблюдения находились социальные пространства, наиболее эффективно огражденные от господства, которые можно считать привилегированными местами для скрытого послания. Сюда можно отнести огороженные и охраняемые от вторжения «хозяев» беседки, где в относительной безопасности обсуждались защищенная речь, пение, религиозный энтузиазм, мечты об избавлении, планы побега, планы восстания, тактика воровства и т. д.

Разработка скрытых посланий зависит не только от создания относительно неконтролируемых физических мест и свободного времени, но и от активных человеческих агентов, которые их создают и распространяют. Носители, скорее всего, будут столь же социально маргинальными, как и места, где они собираются. Поскольку то, что считается социально маргинальным, сильно зависит от культурных определений, носители будут сильно различаться в зависимости от культуры и времени.

Если немного отойти от конкретных групп в конкретной культурной среде, то можно сказать нечто более общее о главных носителях скрытых посланий. Это не просто вопрос

их аномального или низкого социального положения. Они также, скорее всего, занимаются ремеслами или профессиями, которые способствуют физической мобильности. Как путешественники они часто служат культурными посредниками и социальной связью между подчиненными сообществами, оставаясь сами менее социально привязанными и, следовательно, более автономными. Многие из этих групп напрямую зависят от покровительства низших слоев населения. Священнослужитель, который вынужден полагаться на народную благотворительность, или музыкант, который ожидает, что его слушатели будут кормить его и давать небольшие пожертвования, скорее всего, передадут культурное послание, которое не противоречит мнению их публики.

В отношении появления и развития музыкальной блюзовой традиции североамериканского Юга методология Скотта удивительно подходит для интерпретации и объяснения через скрытые послания формы сопротивления и протеста против культурного и политического доминирования белых. Личное и коллективное унижение большой расовой и социальной группы инициировало самосознание людей через формы искусства, которыми, в частности, являлись музыка и лирика песенной традиции. В этих скрытых посланиях зашифровывались различные образы освобождения от запретов и тотального контроля (сначала в эпоху рабства, затем во время формальной свободы). Транслируя и декларируя свое отношение к социальному устройству, при котором «цветные» определялись как люди «второго сорта», блюз и джаз стали завоевывать в зарождающейся массовой («белой» и европейской по своим установкам господствующего класса) культуре США свое место. Инструментом и механизмом такого продвижения оказались не только сила этих музыкальных стилей (эта музыка нашла своего интернационального слушателя), но и экономическое и идеологическое воплощение капиталистической культуры – мода и грамзапись.

Заключение. В целом мы видим, что так называемые угнетенные или же маргинализованные группы создают не просто свою культуру социальной группы, оказавшейся в определенном культурном контексте, но культуру интеграции в общество, а также культуру взаимодействия с социальной иерархией, в которой эти группы имеют довольно низкое положение. Группы, исключенные из процесса принятия решений или же слабо вовлеченные в него, вырабатывают собственные модели демонстрации своего присутствия в социуме, а также пытаются донести их содержание до всех остальных представителей общества, будь то близкие или далекие по статусу и иерархическому устройству группы и индивиды.

Символическая репрезентация, выраженная в музыке и музыкой блюза, в свете этого подхода становится в один ряд с магией вуду, изобретенной рабами в США как культура управления белым населением, в качестве противостояния и демонстрации «силы слабых». О магии как о практике властных отношений было сказано довольно много и прежде всего антропологами. Например, Хоббисы полагают, что «магия неотделима от современности, и уж точно не ее бинарная оппозиция, но нечто показательное о властных отношениях в общем» [6].

Более того, символические репрезентации стоит рассматривать как своего рода технологии, позволяющие группам достигать определенных целей, в основном связанных не только с декларацией своего жизненного положения, но и с его последующим изменением. Так с какого рода символическими репрезентациями как технологиями мы имеем дело, если обращаемся к блюзу?

Антрополог Альфред Гелл рассуждает о «технологическом человеке» следующим образом: «Особенности нашего вида и были таковыми с очень ранней эволюции, если не с самого начала. Это больше невозможно утверждать, что “использование инструментов” является исключительно “человеческой” характеристикой, потому что существуют четкие традиции использования инструментов, традиции использования инструментов среди приматов, особенно шимпанзе, и более рудиментарные примеры использования инструментов среди некоторых других видов. Однако люди разработали “технологические” средства для реализации своих интересов в беспрецедентной степени. Но что такое “технология”? и как она соотносится с другими видами? какими характеристиками мы обладаем? Ответы, которые были предложены на этот вопрос, страдают от предвзятости, проистекающей из ошибочного представления о том, что получение средств к существованию из окружающей среды является основной проблемой, которую технология позволяет нам преодолеть. Технология отождествляется с “инструментами”, а “инструменты” – с артефактами, такими как топоры и скребки, которые, как предполагается, были импортированы в “поисках пищи”. Эти “поиски пищи” представлялись как серьезное, связанное с жизнью или смертью, дело, а использование технологий как столь же “серьезное” дело. Homo technologicus – это рациональное, разумное существо, а не мифопоэтическое или религиозное существо, которым человек становится только тогда, когда он отказывается от поиска “технических” решений для своих проблем и уходит в царство фантазий и пустых спекуляций» [7].

Автор, таким образом, кажется, противопоставляет технологию и всё, что связано с мифологическим мышлением и восприятием, куда большинство отнесло бы и магию как социокультурный феномен, и традиционные практики и восприятия. Тем не менее автор продолжает свои рассуждения совершенно иным образом: «Знание существует только в определенном социальном контексте. Технология неразрывно связана с различными сетями социальных отношений, которые позволяют передачу технических знаний и обеспечивают необходимые условия для сотрудничества между людьми в технической деятельности. Но нельзя останавливаться даже на этом, потому что цели технического производства формируются под влиянием социального контекста. Техника в самом широком смысле – это те формы социальных отношений, которые делают социально необходимым производить, распределять и потреблять товары и услуги, используя “технические процессы» [Ibid., p. 7]. Технологии включают самый разный спектр технических процессов, включая «техники тела», о которых писал М. Мосс.

Гелл предлагает рассмотреть технологии в трех направлениях и выделяет технологии производства, перепроизводства и зачаровывания (enchantment). Последнее представляет особый интерес. Гелл пишет, что «люди научились ловить животных и использовать их в своих целях, используя ряд психологических техник, но эти технологии зачаровывания примитивны по сравнению с психологическим оружием, которое человек использует для контроля над мыслями и действиями других людей. Технология зачаровывания – самая сложная из тех, которыми мы владеем. Под этим заголовком я помещаю все те технические стратегии, особенно искусство, музыку, танцы, риторику, подарки и т. д., которые люди используют для того, чтобы добиться согласия других людей на свои намерения или проекты. Эти технические стратегии, которые, конечно, практикуются постоянно, используют

врожденные или производные психологические предубеждения, чтобы очаровать другого человека и заставить его/ее воспринимать социальную реальность в противоположном направлении – против социальных интересов зачарованного <...> Моя нынешняя цель не в том, чтобы исследовать область технологий зачаровывания, но лишь указать на то, что она существует и что ее следует рассматривать не как отдельную область, то есть “искусство”, противопоставленную технологии, а как технологию саму по себе <...> Магия является или была, несомненно, аспектом каждой из трех технологий, которые я выделил, то есть технологий производства, воспроизводства и психологического манипулирования, или “очарования”. Но магия отличается от этих технологий, каждая из которых включает в себя эксплуатацию причинных свойств вещей и психологических диспозиций людей, которые, конечно же, входят в число их причинных свойств. В то время как магия является “символической”.

Естественно, говоря об этом, Гелл отмечает, что в последнее время ведутся длительные дебаты и что не все согласны с тем, что магия вообще является «символической»; поскольку ее можно интерпретировать как попытку использовать духов или квазифизические магические силы для вмешательства (причинно) в природу. Существует множество свидетельств в поддержку этой точки зрения, которая часто является правильной с точки зрения культурной интерпретации, поскольку ничто не освобождает людей от необходимости придерживаться хотя бы полупринятых каузальных верований. Антрополог придерживается мнения, что магия как дополнение к техническим процедурам сохраняется, потому что она служит символическим целям, т. е. когнитивным. «Магическая мысль формализует и кодифицирует структурные особенности технической деятельности, навязывая ей рамки организации, которые регулируют каждый последующий этап сложного процесса... Пропагандисты, имиджмейкеры и идеологи технологической культуры являются ее волшебниками, и если они не заявляют о своих сверхъестественных способностях, то только потому, что сама технология стала настолько мощной, что у них попросту нет необходимости делать это. И если мы больше не признаем магию в явном виде, то только лишь потому, что технология и магия для нас – одно и то же» [7, р. 9].

Блюз, таким образом, является скрытым символическим посланием, которое намеренно используется своими создателями как технология зачаровывания. Более того, блюз в этом ключе представляет собой глубоко эмоциональное явление. Скорее, он направлен на то, чтобы производить и воспроизводить эмоции особого толка. Главная цель блюза – вовлечь слушателя в эмоциональное проживание и переживание жизни людей определенного класса. Результатом этого переживания должно стать сопереживание, ведущее к другой стороне, стороне культурных групп, создавших его в виде музыкального произведения.

Технологии зачаровывания для животных основываются на мимикрии их жизнедеятельности и окружающей среды. Например, арктический охотник изображает из себя тюленя, одеждой и телесными движениями, а белая натянутая простыня, сквозь которую торчит ружье – льдину. Жертва обманута, она зачарована перформансом и уже не видит разницы между природной средой и созданным для нее спектаклем. Цель технологии зачаровывания достигнута – охотник вернется домой с добычей, мясо и шкура пойдет в оборот культурной системы реципрокации и обмена и заведет колесо других символических посланий, помимо того, что директивно послужит удовлетворением основных потребностей

жизнеобеспечения. Очарованный примитивной технологией в данном случае становится ресурсом выживания ценой своей жизни.

Технология зачаровывания, нацеленная на людей, куда более сложна и развита, а технологию, созданную одной группой и направленную на другие группы и даже классы, можно уверенно назвать «нанотехнологий». Блюз предлагает свою магию, но магию не обмана, а вовлечения в красоту страданий человека маргинального положения, красоту поиска решений в сложнейших жизненных ситуациях, при которых воля к жизни и уважение к себе остаются непоколебимыми. С помощью создания сложнейших образов, текстов и перформансов блюз становится нанотехнологией зачаровывания, целью которой является не только сохранение и воспроизводство групп, ее создавших, но и привилегированные классы, которые через это проникновение и очарование блюзом жертвуют своими групповыми интересами ради создателей этого искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Scott J. C. *Domination and the Arts of Resistance. Hidden Transcripts*. NH; London: Yale Univ. Press, 1990.
2. Osofsky G. *Puttin 'on Ole Massa: The Slave Narratives of Henry Bibb, William Wells, and Solomon Northrup*. NY: Harper & Row, 1969.
3. Patterson O. *Slavery and Social Death: A Comparative Study*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1982.
4. Raboteau A. J. *Slave Religion: The «Invisible Institution» of the Antebellum South*. NY: Oxford Univ. Press, 1978.
5. Sennett R., Cobb J. *The Hidden Injuries of Class*. NY; London: W. W. Norton & Company, 1993.
6. Hobbis G., Hobbis S. «Mon Dieu», Bourdieu: The Magic of the Academy and its Ancestral Cults // *Anthropologica*. 2013. Vol. 55, № 2. P. 441–453.
7. Gell A. Technology and Magic // *Anthropology Today*. 1988. Vol. 4, № 2. P. 6–9. DOI: <https://doi.org/10.2307/3033230>.

Информация об авторе.

Замотин Максим Павлович – старший преподаватель кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5-Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 26 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология культуры, социальная и культурная антропология.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.10.2021; принята после рецензирования 23.11.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.*

REFERENCES

1. Scott, J.C. (1990), *Domination and the Arts of Resistance. Hidden Transcripts*, Yale Univ. Press, NH; London, USA.
2. Osofsky, G. (1969), *Puttin 'on Ole Massa: The Slave Narratives of Henry Bibb, William Wells, and Solomon Northrup*, Harper & Row, NY, USA.
3. Patterson, O. (1982), *Slavery and Social Death: A Comparative Study*, Harvard Univ. Press, Cambridge, MA, USA.

4. Raboteau, A.J. (1978), *Slave Religion: The "Invisible Institution" of the Antebellum South*, Oxford Univ. Press, NY, USA.

5. Sennett, R. and Cobb, J. (1993), *The Hidden Injuries of Class*, W. W. Norton & Company, NY; London, USA.

6. Hobbis, G. and Hobbis, S. (2013), ""Mon Dieu", Bourdieu: The Magic of the Academy and its Ancestral Cults", *Anthropologica*, vol. 55, no. 2, pp. 441–453.

7. Gell, A. (1988), "Technology and Magic", *Anthropology Today*, vol. 4, no. 2, pp. 6–9. DOI: <https://doi.org/10.2307/3033230>.

Information about the author.

Maksim P. Zamotin – Senior Lecturer at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5-F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 26 scientific publications. Area of expertise: sociology of culture, social and cultural anthropology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 25.10.2021; adopted after review 23.11.2021; published online 24.02.2022.*

Оригинальная статья

УДК 316

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-123-132>

Теория М. Вебера как методология социологического анализа некоторых аспектов внешней политики современного Китая

Наталья Борисовна Помозова

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
npomozova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9981-0593>*

Введение. Многовекторное усиление Китая обуславливает оживленную международную мультидисциплинарную научно-экспертную дискуссию. В данной статье рассматриваются возможности применения методологии, разработанной М. Вебером, к анализу современной внешней политики Китая и оспаривается актуальность идеи ученого о доминировании Западной цивилизации благодаря воздействию религиозного фактора (протестантства) на социально-экономическое развитие. Несмотря на то, что исследования М. Вебера были опубликованы более ста лет назад, его подходы при соотнесении их с современными реалиями не теряют актуальности и сегодня.

Методология и источники. Основу исследования составляет методология, предложенная М. Вебером, и ее потенциал для анализа современной внешней политики КНР.

Результаты и обсуждение. Китай, влияние конфуцианства на внешнюю политику которого усилилось с приходом к власти Си Цзиньпина, демонстрирует стремление к легально-харизматическому типу господства (по М. Веберу), а в качестве одного из инструментов по обеспечению легитимности своему господству использует социалистические ценности, сформулированные в 2012 г. Стремление же к рационализации (по М. Веберу) находит отражение в том числе в приоритете технологического развития КНР, разработке и внедрении искусственного интеллекта как ее, рациональности, чистой формы в современном понимании.

Заключение. Анализ потенциала методологии М. Вебера применительно к социологическому исследованию особенностей внешнеполитической стратегии КНР показал, что в осуществлении международной политики Китаю присуще тяготение к легально-харизматическому господству (по М. Веберу), наделенному рациональным характером, и обладанию тремя типами рационализации. При этом одним из инструментов по обеспечению легитимности господства выступают сердцевинные социалистические ценности.

Ключевые слова: М. Вебер, социология политики, Китай, рациональность, внешняя политика

Для цитирования: Помозова Н. Б. Теория М. Вебера как методология социологического анализа некоторых аспектов внешней политики современного Китая // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 123–132. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-123-132.

Помозова Н. Б., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Теория М. Вебера как методология социологического анализа некоторых аспектов внешней политики
современного Китая

The Theory of Max Weber as a Methodology of Sociological Analysis for Understanding the Foreign Policy of Modern China

Original paper

The Theory of Max Weber as a Methodology of Sociological Analysis for Understanding the Foreign Policy of Modern China

Natalia B. Pomozova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
npomozova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9981-0593>*

Introduction. The multi-vector strengthening of China leads to a lively international expert discussion. This article examines the possibilities of applying the methodology developed by M. Weber to the analysis of modern Chinese foreign policy. Despite the fact that M. Weber's studies were published more than a hundred years ago, his approaches, when correlated with modern realities, do not lose their relevance today.

Methodology and sources. The research is based on the methodology proposed by M. Weber and its potential for analysis of the modern foreign policy of the PRC.

Results and discussion. The influence of Confucianism on China's foreign policy increased with the coming to power of Xi Jinping. So, China demonstrates a desire for a legal-charismatic type of domination (according to M. Weber), subordinating its will to other actors of international relations, and as one of the tools to ensure legitimacy to its domination uses the socialist values formulated in 2012. The desire for rationalization (according to M. Weber) is reflected, among other things, in the priority of the technological development of the PRC, the development and implementation of artificial intelligence as its (rationality) pure form in the modern sense.

Conclusion. Analysis of the potential of M. Weber's methodology in relation to sociological research peculiarities of the PRC's foreign policy strategy shows that in the implementation of international policy China is inherently gravitating towards legal-charismatic domination (according to M. Weber), endowed with a rational character and possessing three types of rationalization. At the same time core socialist values are one of the tools to ensure the legitimacy of domination.

Keywords: M. Weber, sociology of politics, China, rationality, foreign policy

For citation: Pomozova, N.B. (2022), "The Theory of Max Weber as a Methodology of Sociological Analysis for Understanding the Foreign Policy of Modern China", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 123–132. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-123-132 (Russia).

Введение. Метаподход понимающей социологии и методология, разработанная М. Вебером, занимают важное место в непрекращающейся научной дискуссии об их многомерности и возможностях для исследования современных социальных практик. Н. Н. Зарубина отмечает, что «к наследию М. Вебера следует подходить с оптикой проблем, которые ставило перед ним его время, учитывать его "интерес эпохи"... Веберовский анализ предпосылок генезиса капитализма на Западе, в Индии, в Китае отвечал на вопросы, которые стояли в начале XX в., поэтому в трудах немецкого социолога не следует искать прямые ответы на проблемы сегодняшнего дня» [1, с. 4]. Данное утверждение отнюдь не нивелирует значимость теории, предложенной М. Вебером, а лишь указывает на необходимость ее актуализации – рефлексии и осмысления с учетом изменившихся и продолжающих непрерывно меняться социальных условий и обстоятельств. Именно с этой позиции в статье предпринимается попытка рассмотреть, в какой степени методология, предложенная немецким

социологом на рубеже XIX–XX вв., применима к социологическому анализу внешней политики современного Китая.

Методология и источники. Попытки актуализации теоретических подходов М. Вебера уже были предприняты многими западными учеными (Р. Бендиксом, Р. Коллинзом, С. Липсетом, М. Манном, Т. Парсонсом, Н. Смелзером, Ю. Хабермасом и др.), а его обоснование специфики социально-экономического развития Китая активно изучается в том числе современными китайскими исследователями. Основу же данного анализа составил методологический подход, предложенный М. Вебером, для изучения социально-экономического развития применительно к современным внешнеполитическим реалиям КНР.

Результаты и обсуждение.

Влияние политико-религиозного фактора на формирование внешней политики КНР. Главной задачей «Хозяйственной этики мировых религий» М. Вебер определил обоснование феномена экономического возвышения Европы и политического доминирования Западной цивилизации через призму влияния религиозного фактора на социально-экономическую организацию. Первая часть этого масштабного исследования, «Конфуцианство и даосизм», несмотря на то, что она была написана ученым в начале XX в. и в условиях ограниченных научных ресурсов, не потеряла актуальности и содержит в себе теорию, которая может быть применена для социологического анализа современных реалий Китая.

По мнению О. В. Кильдюшова, в интеллектуальных построениях многих европейских мыслителей XVIII–XX вв. Китай выполнял специфическую функцию радикального Другого [2]. В трудах М. Вебера, научный интерес которого был прежде всего ориентирован на исследование европейских реалий, Китай в целом и конфуцианство в частности как раз выступают этим самым «радикально Другим» по сравнению с Европой и ее религиями.

Давая обоснование стремительному развитию капитализма в Европе, происходившему на его глазах в XIX – начале XX вв., и сравнивая европейское социально-экономическое развитие с китайским, ученый фактически абсолютизирует влияние ценностно-религиозного фактора протестантизма и конфуцианства на эти процессы: «Рационализм» был характерен для духа обеих этик... Но только надмирно ориентированная пуританская рациональная этика привела к возникновению мирского экономического рационализма, причем именно потому, что сам мирской труд ее совершенно не интересовал, а лишь выражал стремление к трансцендентной цели... Конфуцианский рационализм означал рациональное приспособление к миру, а пуританский – рациональное овладение миром» [3, с. 396]. Однако, актуализируя подход М. Вебера и соглашаясь с тезисом о том, что рациональное начало пронизывает конфуцианское учение, которое продолжает оказывать влияние на многие аспекты политической, экономической, общественной жизни КНР, можно констатировать, что именно этика конфуцианства явилась предпосылкой к социально-экономическим трансформациям, произошедшим в Китае в 80–90-е гг. XX в. Она явилась почвой для создания экспериментальной модели так называемого социализма с китайской спецификой, достаточно успешно сочетающего в себе противоречивые элементы капиталистической и социалистической модели.

М. Вебер рассматривал конфуцианство не как религию в ее традиционном понимании, а как ориентированный на «посюстороннюю» практику рационализм, так называемую «политическую религию». Эта «политическая религия» не оперирует трансцендентными

категориями спасения, греха, лучшей потусторонней жизни и даже зла и поэтому не может считаться полноценным религиозным учением. Зажиточность и материальное благосостояние выступают в конфуцианстве основой соблюдения моральных принципов, в чем Вебер видит причину стремления китайцев к обогащению как национальной черты. Ученый указывает на различие в отношении к «своим» и «чужим» на примере родственных связей, взаимоотношения в рамках которых регламентированы особыми нормами, в том числе и в плоскости стремления к материальному обогащению: «Если пуританство объективизировало и превращало все в рациональное предприятие, то общинные действия Китая были обусловлены чисто личными, прежде всего, родственными связями» [4, р. 241]. Среди других отличительных особенностей конфуцианства как «политической религии» М. Вебер выделяет отсутствие системы правосудия, гарантий прав собственности, осуществление поддержания социального порядка посредством приверженности к традиционализму, что стало возможным благодаря тому, что политическая элита получала как раз традиционное образование, основанное на социальном учении Конфуция.

В целом, конфуцианство, очевидно, оказало значительное влияние на идеи М. Вебера. Так, например, иерархия и дисциплина, свойственные древней культуре Китая, признаются немецким ученым в качестве важнейших составляющих успеха [5]. В современном Китае конфуцианство продолжает накладывать отпечаток не только на социальные процессы внутри страны, но и на ее внешнюю политику, причем это влияние заметно усилилось с приходом к власти в 2013 г. Председателя КНР Си Цзиньпина, апелляции к изречениям Конфуция которого и конфуцианский стиль риторики, предполагающий перечисление принципов «в одно слово», являются тому подтверждением. Что же касается основных современных внешнеполитических концепций Китая (Сообщество единой судьбы человечества, «Один пояс, один путь», «мирное развитие» и пр.), они представляют собой рефлексивный синтез западной философской, социологической и традиционной китайской мысли [6, с. 76–89].

Легитимация господства международной политики КНР. Теория М. Вебера предлагает социологическую типологию управления, согласно которой существуют три типа господства – легальное, традиционное и харизматическое. Легальное господство наделено рациональным характером, т. е. исходя из рациональных соображений подчиняющийся субъект верит в легальное право на управление на основании установленных порядков. Традиционное господство основывается на вере в священность традиций и легитимность того, кто на их основе осуществляет господство. В центре харизматического господства находится лидер, чьи выдающиеся личные качества вселяют веру в него как в субъекта, осуществляющего господство, и в те порядки, которые он устанавливает [7, с. 35]. При этом ученый отмечает, что данная типология является лишь инструментом исследования и анализа и не наблюдается в чистом виде. Для различных ситуаций характерны смешанные типы господства либо тяготение (стремление) к тому или иному типу. Под господством Вебер понимает желание получить повиновение любому приказу у определенной группы лиц. Господство при этом не регламентировано шансом применить власть или влияние к другим, так как может опираться на различные мотивы покорности – от обыкновенной привычки до рациональных соображений [Там же]. Политику же М. Вебер определяет как «стремления

влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри них» [8, с. 652]. Переноса данный подход на макроуровень, под политическими образованиями нужно понимать государства, вступающие во взаимодействие друг с другом, в процессе которого некоторые из них стремятся к господству над другими.

Методологию М. Вебера можно применить и к исследованию современной внешней политики Китая. Власть, согласно взглядам ученого, представляет собой главную содержательную составляющую политики. Так в странах Запада распространен подход, согласно которому действия Китая на международной арене, риторика его руководства, глобальные концепции и пр., рассматриваются как направленные в конечном счете на обладание властью, осуществление господства и управления другими государствами, подчинения их своей воле. Таким образом, вместо «приказа» выступают политические или другие интересы Китая, а вместо «группы лиц» – государства или группы государств. Определяя разновидность господства, в случае с Китаем целесообразно говорить о стремлении к сочетанию элементов легального и харизматического типов господства.

М. Вебер выделяет три типа политиков: «по случаю», «по совместительству» и «преимущественно профессиональных политиков», которые либо живут для политики и при этом независимы от заработка и работают ради реализации собственных убеждений, либо живут за счет политики, если нуждаются в деньгах. Си Цзиньпин, будучи харизматическим лидером, явно относится к первому типу. По М. Веберу, он обладает качествами, необходимыми для профессионального политика (интеллект, высокий уровень образованности), он способен завоевывать общественное мнение при помощи слова, демагогии, причем согласно теории М. Вебера это характерно для любого типа государственного устройства.

Внешнеполитическая риторика ориентирована на завоевание симпатий международного сообщества – не только политиков, но и иностранцев в целом, поскольку внешнеполитические задачи Китая в основном не сиюминутны, а имеют долгосрочную перспективу, превышающую срок нахождения у власти отдельных руководителей государств. М. Вебер полагает, что для достижения поставленных целей политик должен владеть искусством демагогии, т. е. убеждения, однако при этом главную роль играют не только страсть (политику не должно быть чуждо это чувство, с которым ему следует отдаваться профессии) и глазомер (способность трезво оценивать реальное положение дел), но и ответственность. При этом любое дело политика может обладать либо этикой ответственности, либо этикой демагогии, убеждения. «Исповедующий этику убеждения чувствует себя ответственным лишь за то, чтобы не гасло пламя чистого убеждения, например, пламя протеста против несправедливости социального порядка. Разжигать его снова и снова – вот цель его совершенно иррациональных с точки зрения возможного успеха поступков, которые могут и должны иметь ценность только как пример» [Там же, с. 697]. Си Цзиньпин регулярно говорит о несправедливости «старого мирового порядка» и о том, что Китай будет и дальше продвигать «новый тип международных отношений», отстаивая принципы «мира, развития, сотрудничества и взаимной выгоды» [9]. В своих частых выступлениях, выдержанных в подобной риторике, в демагогии, обращенной к мировому сообществу, Си Цзиньпин также подчеркивает и ответственность, которую Китай готов нести перед другими странами, уходя таким образом от веберовского «пламени чистого убеждения»: «Большие страны должны вести себя в соответствии со своим статусом и бóльшим чувством ответственности» [Там же].

Помимо создания харизматической компоненты внешней политики Китая, которую обеспечивают как сам лидер КНР, так и непрекращающиеся попытки по созданию привлекательного образа страны в глазах зарубежных партнеров, в целом (в том числе посредством инструментов «мягкой силы», например, институтов Конфуция) страна явно нацелена на обеспечение господства легального – такого, при котором другие страны не просто бы верили в право лидерства Китая, но и находили в этом свои рациональные выгоды. На обеспечение такого типа господства, в частности, направлены инициатива «Один пояс, один путь», инвестиции, инфраструктурные проекты, которые Китай реализует за рубежом, гуманитарная помощь во время пандемии COVID-19 и пр.

Т. А. Алексеева утверждает, что, по Веберу, общая мировая тенденция ведет к преобладанию системы рационально-легального авторитета. Авторитет в таких случаях обосновывается рационально, проистекая из легальных правил и законов. Рациональность господства основывается на вере в легальность законов и права на управление со стороны тех, кто осуществляет господство [10, с. 152]. Поправки, внесенные в Конституцию КНР в 2018 г., в том числе касающиеся возможности Председателя КНР находиться у власти неограниченный срок, внесение имени Си Цзиньпина в документ, указывают на желание пятого поколения китайских руководителей рационализировать свое господство, закрепив веру населения страны в его легальность.

Господство, согласно теории М. Вебера, для того, чтобы оно было эффективным, должно обладать таким качеством, как вера в легитимность. Другими словами, применительно к внешней политике Китая речь идет о том, что другие государства должны верить в то, что КНР справедливо, законно, легитимно принадлежит управляющая роль. Ученый подчеркивает, что «легитимность» господства может рассматриваться только как шанс, т. е. присутствует в относительной степени [7, с. 33].

Одним из средств обеспечения шанса на легитимность выступают современные ценности Китая, сформулированные в 2012 г. По мнению Чжэн Юннэня, западная интерпретация азиатских ценностей была направлена на то, чтобы объяснить отсталость Азии по сравнению с Европой. В качестве примеров такой интерпретации он приводит сравнение мировых религий М. Вебера и «азиатский способ производства» К. Маркса [11]. Западные ценности, которые США и Европа пытаются предложить в качестве универсальных, воспринимаются в Китае как атрибут сильного государства или даже сверхдержавы. В отчетном докладе на XVIII съезде ЦК КПК была представлена китайская версия – двенадцать «сердцевинных социалистических ценностных воззрений». Они делятся на три группы – от общего к частному, от государства к человеку – и как будто зеркально противопоставлены либеральной идее, в центре которой находятся человек и его свободы. На вершине ценностной пирамиды стоит богатое и сильное демократическое, цивилизованное, гармоничное государство. Затем – свободное, справедливое, правовое общество с равными возможностями для всех. И, наконец, патриотичный, преданный своему делу, честный и дружественный человек. Некоторые ценности (свобода, правовое общество) совпадают с западными, однако в Китае речь идет об их трактовке с опорой на марксизм и традиционные учения. Хотя «сердцевинные социалистические ценностные воззрения», на первый взгляд, адресованы китайской внутренней аудитории, их распространение в той или иной форме последовательно осуществляется Си Цзиньпином на международных площадках. В речах китайских руководителей

нередко можно услышать противопоставление этих ценностей размытым и даже откровенно ложным западным. Очевидно, это делается для того, чтобы зарубежные страны испытали симпатии к Китаю, который таким образом обеспечит себе признание руководящих позиций на международной арене и легитимность (по М. Веберу).

Рационализация как основной принцип современной внешней политики Китая. Понятие «рационализации» как комплексного и противоречивого процесса наделения смыслом повседневной реальности посредством ее упорядочения по отношению к формальным, ценностным и целевым ориентирам М. Вебер наделяет универсальным значением для анализа исторических процессов.

Ученый выделяет четыре типа рационализации: практический, предполагающий целесообразность регулярных действий; теоретический, при котором формулируются абстрактные понятия; материальный, направленный на реализацию ценностей в качестве цели регулярных практик; формальный, основанный на подчинении универсальным правилам и законам. Говоря о международной политике КНР, можно констатировать стремление ее руководства сразу к нескольким типам рационализации. Формулирование и внедрение глобальных концепций, предлагаемых миру в качестве новых принципов порядка, представляет собой пример теоретической рационализации; признание легитимности наднациональных институтов (в первую очередь ООН) указывает на приверженность формальному типу рациональности. Примеров нацеленности на практический тип рационализации внешней политики можно привести множество – от регулярных попыток вести диалог со странами в плоскости экономического сотрудничества, вынося за скобки политические разногласия, до открытых высказываний МИД КНР о намерении выстраивать конструктивные отношения с пришедшим к власти в Афганистане движением Талибан [12]. Таким образом, можно говорить о стремлении пятого поколения китайских руководителей к надделению внешней политики страны по крайней мере тремя типами рациональности – формальным, теоретическим и практическим. Что же касается материального типа рациональности, пока сложно утверждать об истинном намерении Китая реализовывать свою международную политику в соответствии с теми ценностями (зачастую основанными на традиционном конфуцианском учении), которые КНР транслирует миру, и тем более воспринимать их в качестве целей политических практик Китая.

Понимая под рациональностью логику целенаправленных действий, М. Вебер использует ее для того, чтобы обосновать, почему капитализм, наиболее прогрессивная общественно-экономическая система, мог появиться только на Западе под влиянием протестантизма, а в Китае, где «политической религией» было конфуцианство, этого произойти не могло. Применяя теорию М. Вебера к современным реалиям, можно сделать вывод, что данный ее тезис не вполне актуален. Во-первых, капитализм далеко не универсальная форма социально-экономического устройства, которую можно было бы считать оптимальной для любой страны. Во-вторых, опыт КНР, на развитие которого продолжает оказывать влияние конфуцианство, демонстрирует возможность вполне успешного функционирования других практик, в данном случае – так называемого социализма с китайской спецификой, сочетающего в себе элементы различных социальных, экономических и культурных структур (по Э. Гидденсу).

Ю. Хабермас отмечает, что «теория Вебера охватывает религиозную и общественную рационализацию, то есть, с одной стороны, универсально-историческое возникновение современных структур сознания, с другой стороны – воплощение этих структур рациональности в общественных институтах» [13, с. 43]. Рациональность – главная черта, определяющая социальное действие, которое должно иметь цель и желание ее достичь.

Применение теории М. Вебера к анализу современной внешней политики Китая позволяет сделать следующие выводы:

– потенциал методологии М. Вебера до конца не раскрыт, так, она может быть использована и в макросоциологии, в том числе для изучения международных отношений и внешней политики государств, однако при этом следует соотносить ее теоретические положения с современными реалиями;

– вопреки веберовскому пониманию капитализма и демократии как наиболее рациональных форм развития общества, современный Китай демонстрирует возможность формирования других социально-экономических и политических моделей, не лишенных тем не менее рациональности;

– применение методологии М. Вебера к анализу современных реалий показало, что, несмотря на то, что ученый, сравнивая этику протестанства и конфуцианства, наделял их обеих рациональными чертами, потенциал конфуцианства как предпосылки формирования и развития экспериментальной формы рационального социально-экономического развития был им недооценен;

– в международной политике Китая присуще тяготение к легально-харизматическому господству (по М. Веберу), наделенному рациональным характером. При таком типе господства КНР могла бы оказаться в ситуации, когда государства, исходя из собственных рациональных соображений, будут ей подчиняться (то, к чему так часто апеллируют западные политики, предупреждая об опасностях тесного сотрудничества с Китаем). Олицетворением же харизматической составляющей является руководитель внешней политики Пекина, Председатель КНР, Си Цзиньпин, который благодаря личным качествам, а также демагогии и декларируемой ответственности, способен формировать ценности для международного сообщества;

– одним из инструментов по обеспечению эффективного господства, его легитимности, выступают сердцевинные социалистические ценностные воззрения, которые, хотя пока и не претендуют на универсальность, в том или ином виде регулярно внедряются руководством Китая в международный дискурс;

– внешняя политика Китая стремится к обладанию как минимум тремя типами рационализации – формальным, теоретическим и практическим, что не исключает влияния на нее конфуцианства, усилившегося с приходом к власти Си Цзиньпина;

– стремление к рациональности как внутренней, так и внешней политики Китая находит отражение в том числе в приоритете технологического развития, а именно мирового лидерства в области искусственного интеллекта как высшей формы рационального в его современном понимании.

Заключение. Говоря о современном Китае, веберовский подход к рациональности может быть применен как к внутренней, так и к внешней политике, одним из приоритетов которой является борьба за технологическое лидерство, в том числе разработку и внедрение искус-

ственного интеллекта, государственный план в области развития которого предполагает к 2030 г. мировое лидерство Китая в этой отрасли [14]. Искусственный интеллект же сам по себе можно отнести к высшей форме рациональности, исключая субъекта как такового. Очевиден также значительный потенциал теории М. Вебера для социологического анализа на макроуровне, в том числе для изучения международных отношений и внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зарубина Н. Н. Теория рационализации Макса Вебера как методология понимания современных социокультурных процессов // Социол. исслед. 2020. № 6. С. 3–15. DOI: 10.31857/S013216250009355-3.
2. Кильдюшов О. В. Китай в оптике исторической макросоциологии Макса Вебера // Самопознание: информационный бюллетень форума «Бердяевские чтения». 2015. № 4. С. 16–19.
3. Вебер М. Конфуцианство и даосизм. Хозяйственная этика мировых религий / пер. с нем. О. В. Кильдюшова. СПб.: Владимир Даль, 2017.
4. Weber M. The Religion of China / transl. and ed. by Hans H. Gerth. Glencoe, IL: The Free Press, 1968.
5. Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (май 1918) // Политические работы / пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2003. С. 107–299.
6. Помозова Н. Б. «Сообщество единой судьбы»: эволюция внешнеполитической концепции Китая (конец 1990-х гг. – наст. вр.) // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2019. № 2. С. 76–88. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-76-88.
7. Вебер М. Типы господства / пер. с нем. А. Б. Рахманова // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 1 (40). С. 31–47.
8. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения / пер. с нем. А. Ф. Филиппова, П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
9. Keynote speech by Chinese President Xi Jinping at the opening ceremony of the Boao Forum for Asia Annual Conference 2021 // Xinhua. 2021. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-04/20/c_139893137.htm (дата обращения: 19.08.2021).
10. Алексеева Т. А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения: 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2018.
11. Zheng Yongnian. The rise of Asia and Asian values // Lianhe Zaobao. 31.03.2015. P. 20.
12. Wang Yi Meets with Head of the Afghan Taliban Political Commission Mullah Abdul Ghani Baradar // Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1895950.shtml (дата обращения: 19.08.2021).
13. Хабермас Ю. Теория рационализации Макса Вебера / пер. с нем. Т. Тягуновой // Социол. обозрение. 2009. Т. 8, № 3. С. 37–60.
14. План развития искусственного интеллекта нового поколения. 2017. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 19.08.2021).

Информация об авторе.

Помозова Наталья Борисовна – кандидат социологических наук (2012), доцент кафедры современного Востока Российского государственного гуманитарного университета, Миусская пл., д. 6, Москва, 125993, Россия. Автор 17 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология политики, международные отношения, российско-китайские отношения.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.10.2021; принята после рецензирования 12.11.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.

REFERENCES

1. Zarubina, N.N. (2020), "The Theory of Rationalization of Max Weber as a Methodology for Understanding Modern Sociocultural Processes", *Sociological Studies*, no. 6, pp. 3–15. DOI: 10.31857/S013216250009355-3.
2. Kil'dyushov, O.V. (2015), "China in the Optics of Max Weber's Historical Macrosociology", *Samopoznanie: informatsionnyi byulleten' foruma «Berdyayevskie chteniya»* [Self-knowledge: information bulletin of the forum "Berdyayevskie readings"], no. 4, pp. 16–19.
3. Weber, M. (2017), *Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen: Vergleichende Religionssoziologische Versuche: Konfuzianismus und Taoismus*, Transl. by Kil'dyushov, O.V., Vladimir Dal', SPb., RUS.
4. Weber, M. (1968), *The Religion of China*, Transl. and ed. by Gerth, H.H., The Free Press, Glencoe, IL, USA.
5. Weber, M. (2003), "Parlament und Regierung in Neugeorgneten Deutschland", *Gesammelte Politische Schriften 1895–1919*, Transl. by Skuratov, B.M., Praxis, Moscow, RUS.
6. Pomozova, N.B. (2019), "Community of common destiny": the evolution of the foreign policy concept of China (the late 1990s – present time)", *RSUH/RGGU Bulletin. Ser. Political Science. History. International Relations*, no. 2, pp. 76–88. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-76-88.
7. Weber, M. (2008), "Wirtschaft und Gesellschaft", Transl. by Rakhmanov, A.B., *Personality. Culture. Society*, iss. 1 (40), pp. 31–47.
8. Weber, M. (1990), "Politik als Beruf", *Gesammelte Politische Schriften*, Transl. by Filippov, A.F. and Gaidenko, P.P., Progress, Moscow, USSR, pp. 644–706.
9. "Keynote speech by Chinese President Xi Jinping at the opening ceremony of the Boao Forum for Asia Annual Conference 2021" (2021), *XinhuaNet*, available at: http://www.xinhuanet.com/english/2021-04/20/c_139893137.htm (accessed 19.08.2021).
10. Alekseeva, T.A. (2018), *Sovremennaya politicheskaya mysl' (XX–XXI vv.): Politicheskaya teoriya i mezhduna-rodnye otnosheniya* [Modern political thought (XX–XXI centuries): Political theory and international relations], 2nd ed., Aspect Press, Moscow, RUS.
11. Zheng, Yongnian (2015), "The rise of Asia and Asian values", *Lianhe Zaobao*, 31.03.2015, p. 20.
12. "Wang Yi Meets with Head of the Afghan Taliban Political Commission Mullah Abdul Ghani Baradar", *Ministry of Foreign Affairs People's Republic of China*, available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1895950.shtml (accessed 19.08.2021).
13. Habermas, J. (2009), "Max Weber's theory of rationalization", Transl. by Tyagunova, T., *Russian Sociological Review*, vol. 8, no. 3, pp. 37–60.
14. *Guowuyuan guanyu yinfa xin yidai rengong guihua de tongzhi* [New Generation Artificial Intelligence Development Plan] (2017), available at: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (accessed 19.08.2021).

Information about the author.

Natalia B. Pomozova – Can. Sci. (Sociology) (2012), Associate Professor at the Department of Contemporary East, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya sq., Moscow 125993, Russia. The author of 17 scientific publications. Area of expertise: sociology of politics, international relations, Russian-Chinese relations.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 15.10.2021; adopted after review 12.11.2021; published online 24.02.2022.*

Original paper

УДК 81'37

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-133-141>

Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 7. Internal Logic 1

Oleg M. Polyakov

*Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St Petersburg, Russia,
road.dust.spb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8520-3936>*

Introduction. The article continues a series of publications on the linguistics of relations (hereinafter referred to as R-linguistics) and is devoted to the study of the functioning of logical connectives with verbs. The article is the first part of the discussion of internal logic, which examines the use of logical connectives within sentences. This research involves the formation of semantic logic, that is, logic that takes into account the semantics of sentences.

Methodology and sources. The results obtained in the previous parts of the series are used as research tools. To develop the necessary mathematical representations in the field of internal logic, the previously formulated semantic concepts and operations are used.

Results and discussion. The use of logical connectives with verbs is analyzed. It is shown that these connectives actually refer to external logic, although in some cases it is necessary to adjust part of sentence, taking into account the semantics of the linguistic model. The concept of semantic substitution is defined and the first rule of substitution for verbs is formulated and justified.

Conclusion. Abandoning the traditional view of natural language logic means abandoning logical operations and logical inference. This forces us to consider logical operations that now take into account semantics, since they are related to the structure of the linguistic model. Analysis of the functioning of logical connectives with verbs shows that they are related to the linguistic model, which leads to the need for various semantic transformations of the text when such connectives are used. In particular, the use of logical connectives can lead to the loss of the meaning of the text. The rejection of logical inference is compensated by the appearance of semantic substitution rules, one of which is considered in this paper.

Keywords: R-linguistics, ascription operation, interpretation operator, substitution rule, semantics

For citation: Polyakov, O.M. (2022), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 7. Internal Logic 1", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 133–141. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-133-141.

© Polyakov O. M., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Оригинальная статья

Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 7. Внутренняя логика 1

Олег Маратович Поляков

*Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия, road.dust.spb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8520-3936>*

Введение. Статья продолжает серию публикаций по лингвистике отношений (далее R-лингвистика) и посвящена изучению функционирования логических связей с глаголами. Статья представляет собой первую часть обсуждения внутренней логики, которая изучает использование логических связей внутри предложений. Это исследование предполагает формирование семантической логики, т. е. логики, учитывающей семантику предложений.

Методология и источники. В качестве инструментов исследования используются результаты, полученные в предыдущих частях серии. Для разработки необходимых математических представлений в области внутренней логики используются сформулированные ранее семантические понятия и операции.

Результаты и обсуждение. Проанализировано использование логических связей с глаголами. Показано, что эти связи фактически относятся к внешней логике, хотя в некоторых случаях требуется корректировка членов предложения, учитывающая семантику лингвистической модели. Определено понятие семантической подстановки и для глаголов сформулировано и обосновано первое правило подстановки.

Заключение. Отказ от традиционного взгляда на логику естественного языка означает отказ от логических операций и логического вывода. Это принуждает к рассмотрению логических операций, которые теперь учитывают семантику, поскольку связаны со структурой лингвистической модели. Анализ функционирования логических связей с глаголами показывает, что они связаны с лингвистической моделью, что приводит к необходимости различных семантических трансформаций текста, когда такие связи применяются. В частности, использование логических связей может приводить к потере смысла текста. Отказ от логического вывода компенсируется появлением правил семантической подстановки, одно из которых рассмотрено в данной работе.

Ключевые слова: R-лингвистика, операция приписывания, оператор интерпретации, правило подстановки, семантика

Для цитирования: Поляков О. М. Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 7. Внутренняя логика 1 // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 133–141. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-133-141.

Introduction. This article continues a series of publications devoted to the introduction to the linguistics of relations (R-linguistics) – a formal direction in linguistics. Here we will continue the conversation about logic within the framework of R-linguistics representations.

In [1], the problems of the approach to the logic of natural language from the point of view of mathematical logic were considered. It was also shown that the traditional logical approach to language has many disadvantages, so a new approach is needed, which naturally follows from the nature of the linguistic model and language constructions. Abandoning the use of traditional logic means abandoning the concepts of truth and falsity, and with it the rejection of traditional logical operations and logical inference. Nevertheless, in [1] an attempt was made to formulate some

logical representations based on the most general semantic view and natural properties of the text. There were also obtained some results about the conditions for the loss of text semantics. All those manifestations of logic that are associated with the operation of attributing sentences one after another, we call external logic, because it describes the interaction of the sentences themselves and leaves out of sight what happens inside the sentences.

In [2], the questions of external logic were considered by examples and on this basis some conclusions were made about the order of semantic interpretation of the text in the framework of R-linguistics. To understand the logic that operates within sentences (internal logic), it is necessary to consider the functioning of logical connectives (conjunctions) within sentences. To do this, we will consider the use of connectives for verbs and nouns with adjectives. Due to the volume, this review will have to be done in two stages. It should be noted at once that logical connectives perform other functions in sentences besides logical functions, for example, functions of communicative semantics [3]. This aspect of their functioning is well described and will not be considered here. In addition, we will define some semantic substitutions that are not related to truth, but rather to the semantic identity of phrases. These substitutions are in a sense a substitute for logical productions.

Methodology and sources. The results obtained in the previous parts of the series are used as research tools. To develop the necessary mathematical representations in the field of internal logic, the previously formulated semantic concepts and operations are used.

Results and discussion.

Logical operations with verbs.

In the previous article [2], we only touched on the question of compound sentences, when simple sentences are combined into one with the use of conjunctions And and OR. Do logical connectives (actions) in a language always mean only logical operations with language sentences? In other words, can logical operations in a language always be interpreted (translated) into operations between sentences? The use of these conjunctions concerns primarily verbs, since they are combined into some new compound verb, so in this article we will start with verbs, and in the next we will continue for other parts of speech. In cases where other members of the sentence are not affected by unions, such a union can simply be reduced to an attribution operation from [2] with or without branching. For example, the sentence “It rained and I stayed home” is semantically equivalent to two consecutive sentences (“It rained. I stayed at home”). But what happens when other members of the sentence are involved in the connection of two sentences (round and square brackets from article [2])?

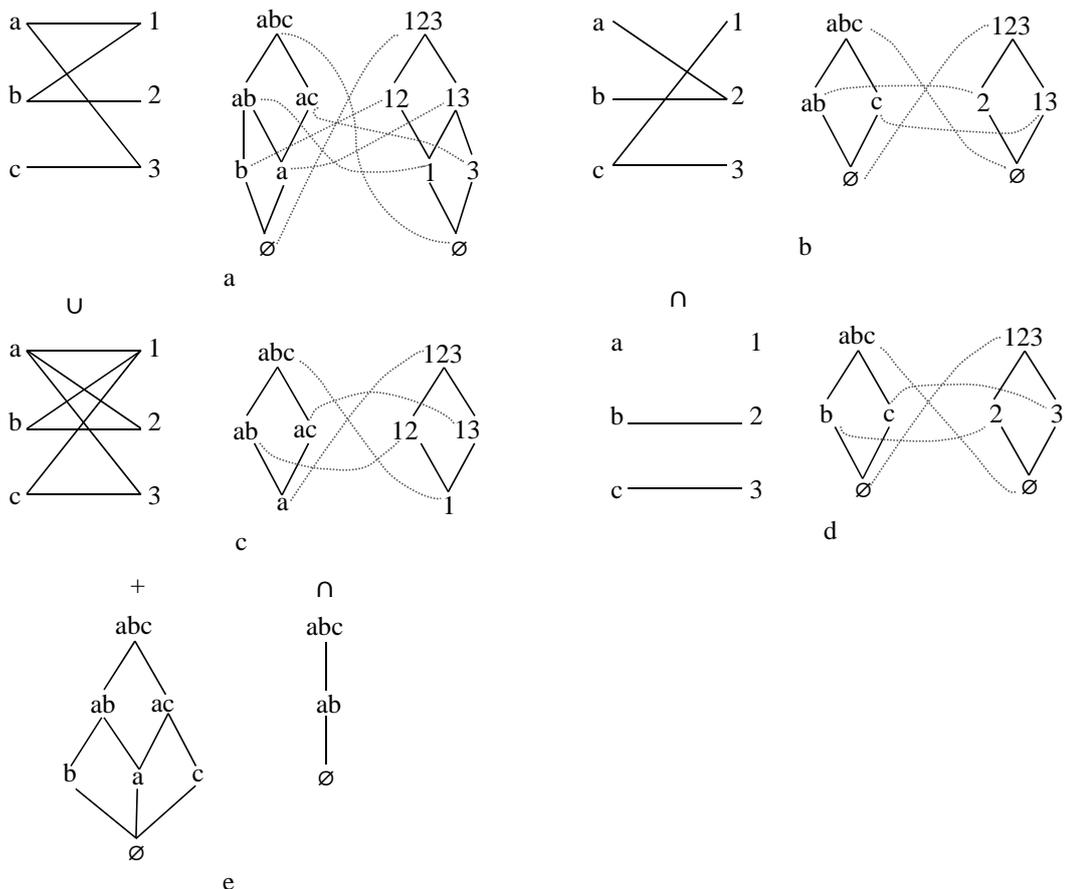
As it was shown in [2], simple narrative affirmative sentences ultimately get the form of relations when interpreted in the model. If we look at relations as ordinary sets whose elements are pairs or triples of objects, it may seem that the logical connectives “AND”, “OR” correspond to the intersection or union of these relations, which at first glance should lead to classical logic with a classical set-theoretic model and operations of intersection, union and complement of relations. This, however, is not so, since verbs of different arity can be connected by logical connectives in a sentence.

For example, in the sentence “the man was not young and in love with his neighbor on the porch”, one verb is unary (“the man was not young”), since it describes the man’s ability to be not young, and the other is binary (“the man was in love with his neighbor in entrance”). It is clear that classical actions cannot be performed with such relations.

*These two sentences are combined into one to show that we are talking about the same person in the MAN category.
In these sentences, the common is the universe of subjects.*

But even if these relationships were in the same universe, and then the classical approach has been called into question. In Figures a and b, respectively, show two relations of the same arity on the same universes, as well as their spaces and co-spaces. Figures c and d, respectively, show the union and intersection of these relations, as ordinary sets, and the corresponding spaces. Figure e shows the resulting spaces for mixing and intersecting spaces.

As can be seen from the figures, the space for relations union and the mixing space are significantly different. The same can be said about spaces of intersection of relations and intersection of spaces. This is due to the fact that during operations with relationships, new relationships are obtained, in which there is no memory of the previous relationship. On the contrary, when operating with spaces in the language, only temporary spaces are obtained, while the initial spaces are preserved, since their categories determine the model. Logical operations with verbs are defined by the systematization space [4] with the operations of mixing (which corresponds to the OR operation) and the intersection of spaces (which corresponds to the AND operation) specified on it. Moreover, due to Proposition 8 [4], division is defined in this space.

Actions with linguistic spaces in logical operations with verbs

The use of several verbs connected by logical connectives in a sentence means that verbs have one common universe, so actions in the systematization space are defined correctly regardless of the arity of relations corresponding to verbs.

In the future, we will identify the open and closed forms of the language [5], bearing in mind that in the closed form, names are replaced by the values of signs and are usually not pronounced. Thus, there are no formal differences between these forms. After creating a recognition system, there is no need to literally store the linguistic space in the form of categories with an enumeration of the contents of each category. The structure of names (feature values) itself preserves the structure of the space, so the model actually stores structures with names (signs values) and verbal references to other names.

As was shown in [4], due to the independence of signs, their analysis has the form of a conjunction, so that the sequence of their analysis does not matter. They can be analyzed in parallel. We keep here the usual way of depicting linguistic space and recognition solely for the sake of convenience of presentation. Finally, we recall that from the definition of a sign and the way its values are assigned, it follows that a category can have only one non-zero value for each sign that characterizes it. Now consider the content of logical connectives with verbs.

The logical connective OR. So, mixing spaces corresponds to the operation OR with verbs of the language. By the definition of mixing spaces, the missing intersections of the categories of the two spaces must be added to the resulting space in addition to the categories of the original spaces. This means that for some categories X and Y from the original spaces, when connecting verbs with a connective OR, it is necessary to make a refinement (take the intersection) of the original categories. The intersection of categories corresponds to the addition of signs (category names). Thus, the newly arising category cannot be Σ -generator. In addition, by theorem 5 [5] in the language space of Σ -generators and $\cup$ -forming the same, so the characteristics for a new category is obtained simply by union the meanings of categories signs that contains this intersection. To recognize the new category, you can take the name of the X category and add the missing signs values to it. In other words, for example, to the name (set of values of signs) of category X, it is necessary to add several adjectives characterizing the missing characteristics from category Y, or vice versa. So, during operations with verbs, new spaces are not specially constructed in the language. The categories are simply clarified online: by adding the necessary adjectives, the matter is limited. Before proceeding to the example, let us draw the reader's attention: without the mentioned property of Theorem 5 [5], this would be impossible! It is language, by equalizing the generators, that opens the way to these logical representations.

As an example, consider the phrase: “foreign workers must find work or be deported from the country”. This sentence is based on the action of two verbs in the phrases “workers must find work” and “immigrants will be deported out of the country”. Here there is a mixing of spaces with the categories of WORKERS and IMMIGRANTS in the universe of PEOPLE, so the category in the general phrase requires clarification. We can to clarify the category of WORKERS or the category of IMMIGRANTS. For the category of WORKERS, such a clarification is the adjective FOREIGN. After clarification of the category of WORKERS narrowed, and the phrase acquires a finished look. Of course, it is not always necessary to use a apply connective OR refinements. This follows from the definition of mixed spaces. Since spaces are mixed only on the universe of PEOPLE, we consider action OR only on this universe. The co-spaces remain unchanged, keeping the complements in their original meaning.

The logical connective AND corresponds to the intersection of spaces representing verbs connected by the connective. As follows from the definition of this operation, only the categories that are present simultaneously in the intersected spaces remain in the resulting space. As a result, some of the categories of source spaces drop out of the list of acceptable for use, since the sentence losing sense. This is something like the phrase: “students died and went to work out on simulators”.

When using the connective AND, no qualifying signs are added to the sentence. As for OR, the speaker also does not do any special actions to form a new space. He does not even need to memorize the categories that are “out of the game” in the resulting space. This problem is again solved by the recognition system. The values of the parameters and signs of the recognition system in dead students and cheerful jocks contradict each other, which is a signal that the category is unsuitable. For example, these two categories may have different nonzero values of the same sign (and this is impossible by the definition of a sign), or they may not have common signs at all.

The fact that the nature of the appearance of logical connectives in the language is the operation of attribution [1] is manifested in the fact that these connectives, in contrast to the logical interpretation, are non-commutative. Our comic example is meaningless AND makes sense if the verbs are rearranged, since this actually changes the order of writing simple sentences in the text, and therefore the semantics of the text. Also, note that the sentence “students went to exercise on simulators” in the semantic sense is a negation of the first sentence, since $\Psi(\emptyset, \text{“Students died”} * \text{“Students went to exercise on simulators”}) = \emptyset$. In other words, in order to be a negation, it is not necessary to contain the verbal “not” in its composition. In addition, it follows that if $s*s^{-1} = e$, then it is not necessarily $s^{-1}*s = e$.

In [6], Noam Chomsky laid the foundations of the theory of generative grammars. But already in the fifth section, he formulates problems due to which even the power of the grammar of immediate components may not be enough to describe the syntax of a natural language. In particular, he shows this on the example of the operation of the verbal AND. Combining sentences with the help of the verbal AND, he discovers that sometimes the result turns out to be meaningful (the students drank the juice and went to exercise on the simulators) and, therefore, grammatically correct, and sometimes it turns into some kind of nonsense (the students died and went to exercise on simulators).

We will not discuss here his attempts to explain this situation. From the point of view of R-linguistics, the essence of the matter is that the semantic interpretation of a language in a linguistic model obeys the principles of building this model, so that sometimes there is a meaning, and sometimes it is not. As a result, it turns out that for the same grammatical rule outside the grammar there is some information that determines the applicability of this rule. This fact in relation to natural languages destroys the very basis of generative grammar, since, according to this theory, all grammatical effects must be explained (generated) through the grammar itself.

We are faced here with the fundamental impossibility of applying generative grammars to natural languages without taking into account the peculiarities of the formation of meanings. This does not depend in any way on our resourcefulness or lack of sophistication in such matters. And the reason for this lies in the fact that language does not exist by itself. It exists only insofar as it can be interpreted in a model that simply does not exist in formal grammars.

The logical connective NOT does deny the very relationship between the categories, that is, all pairs (triples) included in the Cartesian product of the subject and complement. It was defined in the previous part of this series [1, 2] when discussing the semantics of the text.

Since, by virtue of Proposition 8 [4], there is a division operation for verbs in the systematization space, then, at first glance, if the largest space (Boolean of the universe) is chosen as the dividend, then the quotient, in a sense, could be considered as a candidate for negating the divisor. However, such a definition of negation would require the use of the entire systematization space of verbs. At the same time, the considered connective have a local character in the sense that their result is determined without referring to the entire systematization space. That is why they turn out to be applicable in the language. The verbal NOT (or NOT external logic, which is the same), in contrast to classical logic, does not mean that within the framework of the systematization space, instead of one verb, some other verb should be considered – its negation: it is simply the absence of action between two categories or objects.

Verbal substitution. Let us remind that linguistic (semantic) substitution (“if..., then”) means the following statement: “if we can say so..., then we can say so...”. We will represent it with the symbol $\Rightarrow$. It has nothing to do with the truth of judgments, and only outwardly resembles a logical syllogism. In particular, for example, the substitution $A \Rightarrow B$ is not equivalent to $B \Rightarrow A$, where A and B are some sentences. This happens because linguistic verbal negation means the absence of a connection of a certain kind, which destroys the equivalence with the substitution “by contradiction”. Substitutions are related to the correctness of language transformations in terms of the meaning they generate. Likewise, linguistic identity ($\Leftrightarrow$) means: “say so ... also what to say so ...”. Identical expressions can be substituted one for the other, since they have an unconditional identical meaning, and not truth. In addition, linguistic identity is expressed through two linguistic substitutions in one direction and the other (by definition of linguistic identity). From the point of view of [2] for the semantics of single sentences, linguistic syllogism means that the set of pairs (“triplets” for ternary verbs) described by one phrase belongs to the set of pairs (triplets) described by another phrase.

Verbal Substitution Rule 1 looks like this:

If the space and co-space of verb 1 is less than the space and co-space of verb 2, then any meaningful sentence with verb 1 has the same meaning as a sentence with verb 2.

In other words, if $\mathbb{P}_1$ is the space of the verb S_1 , and $\mathbb{P}_2$ is the space of the verb S_2 , and $\mathbb{P}_1 \leq \mathbb{P}_2$, then for any categories X, Y from U and V , respectively, we have $XS_1Y \Rightarrow XS_2Y$. Indeed, by the definition of rule 1, if the category X belongs to the space $\mathbb{P}_1$, then $X \in \mathbb{P}_2$. The same for Y . Thus, if $X \times Y \subseteq S_1$, then $X \times Y \subseteq S_2$.

For example, the verb ПРИСТРАИВАТЬ is less than the verb СТРОИТЬ, since any category in the space of the verb ПРИСТРАИВАТЬ is included in the space of the verb СТРОИТЬ. Thus, the phrases “рабочие пристраивают веранду” and “рабочие строят веранду” have the same meaning. In other words, if we can say “рабочие пристраивают веранду”, then we can say “рабочие строят веранду”. Conversely, if we can say “рабочие строят веранду”, then we can say “рабочие пристраивают веранду” provided that the categories “рабочие” and “веранда” make sense in the space and co-space of the verb ПРИСТРАИВАТЬ.

Conclusion. So, we looked at various options for using logical connectives for verbs and the first verbal semantic substitution. Logical connectives for verbs refer to external logic, which means that these connectives describe the order of attribution and its interpretation. At the same time, as we have seen, the appearance of these bundles within sentences may require some modifications of the sentence members following from the essence of the linguistic model, and even lead to the loss of meaning. We will look at the reasons why logical connectives are carried inside sentences in the next article. In addition, we introduced the first rule of semantic substitution, which allows you to transform text without breaking semantics.

REFERENCES

1. Polyakov, O.M. (2020), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 5. Introduction to Logic", *DISCOURSE*, vol. 6, no. 3, pp. 107–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-109-117.
2. Polyakov, O.M. (2021), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 6. The External Logic", *DISCOURSE*, vol. 7, no. 2, pp. 127–134. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-2-127-134.
3. Bezyaeva, M.G. (2002), *Semantika kommunikativnogo urovnya zvuchashchego yazyka* [Semantics of the communicative level of the sounding language], Izd-vo MGU, Moscow, RUS.
4. Polyakov, O.M. (2019), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 2. Identification", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 5, pp. 99–113. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-5-99-113.
5. Polyakov, O.M. (2020), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 4. Language", *DISCOURSE*, vol. 6, no. 2, pp. 107–114. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-107-114.
6. Chomsky, N. (1962), "Syntactic Structures", *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], vol. II, Izd-vo inostr. literatury, Moscow, USSR, pp. 412–527.

Information about the author.

Oleg M. Polyakov – Can. Sci. (Engineering) (1982), Associate Professor at the Department of Information Technology of Entrepreneurship, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 67 Bol'shaya Morskaya str., St Petersburg 190000, Russia. The author of over 35 scientific publications. Areas of expertise: linguistics, artificial intelligence, mathematics, database design theory, philosophy.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 07.01.2021; adopted after review 19.02.2021; published online 24.02.2022.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 5. Introduction to Logic // *DISCOURSE*. 2020. Vol. 6, № 3. P. 107–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-109-117.
2. Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 6. The External Logic // *DISCOURSE*. 2021. Vol. 7, № 2. P. 127–134. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-2-127-134.
3. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М.: Изд-во МГУ, 2002.
4. Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 2. Identification // *DISCOURSE*. 2019. Vol. 5, № 5. P. 99–113. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-5-99-113.
5. Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 4. Language // *DISCOURSE*. 2020. Vol. 6, № 2. P. 107–114. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-107-114.

6. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. II. М.: Изд-во иностр. литературы, 1962. С. 412–527.

Информация об авторе.

Поляков Олег Маратович – кандидат технических наук (1982), доцент кафедры информационных технологий предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А, Санкт-Петербург, 190000, Россия. Автор более 35 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика, искусственный интеллект, математика, теория проектирования баз данных, философия.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 07.01.2021; принята после рецензирования 19.02.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.*

Оригинальная статья
УДК 81'272
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-142-157>

Лексическая интерференция русского и карельского языков в диахроническом аспекте языковой политики

Виктория Андреевна Иванова¹, Любовь Александровна Ульяницкая²✉

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
andvikaivanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4196-6883>

²Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
✉ ulianitckaia_liubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>

Введение. В настоящее время на территории Российской Федерации 138 языков находятся под угрозой исчезновения, что объясняет актуальность исследования влияния языковой политики РФ на развитие карельского языка. Цель данного исследования заключается в анализе того, как языковые контакты влияли на карельский язык, а рассмотрение языковой интерференции в историческом контексте определяет его научную новизну.

Методология и источники. Материалом исследования послужили издания на карельском языке досоветского и советского периодов, а также статьи из современных электронных периодических изданий. Кроме того, исследования были дополнены посредством опроса нескольких информантов. Для сбора и анализа информации применялись метод сплошной выборки, метод анкетирования, метод включенного наблюдения, метод сравнительно-сопоставительного анализа. Теоретической основой исследования служат социальная типология языков и типология языковых ситуаций.

Результаты и обсуждение. В разные исторические периоды карельский язык в разной степени подвергался воздействию финского, вепсского и русского языков, изменяясь и перенимая их черты. В текстах досоветского периода лексические единицы русскоязычного происхождения обозначают бытовые реалии или религиозные понятия. В текстах советского времени выделяется максимальное количество русскоязычных лексических единиц, относящихся к бытовой сфере и советской идеологии или реалиям. В текстах современного периода выделяется минимальное количество лексических единиц русскоязычного происхождения, которые в большинстве представляют собой уже вошедшие в норму карельского языка русские заимствования.

Заключение. С учетом дифференциальных признаков языковая ситуация в Республике Карелии на сегодняшний день определяется как многокомпонентная, многоязычная, демографически неравновесная, коммуникативно несбалансированная. В разные исторические периоды карельский язык подвергался в той или иной степени воздействию русского языка, что особо ярко отразилось в лексике. В настоящий момент активисты из числа профессионалов и любителей, возрождающие карельский язык, ориентируются, в основном, на его прибалтийско-финскую основу.

Ключевые слова: языковая политика, карельский и русский языки, смешение языков, языковая интерференция

© Иванова В. А., Ульяницкая Л. А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Иванова В. А., Ульяницкая Л. А. Лексическая интерференция русского и карельского языков в диахроническом аспекте языковой политики // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 142–157. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-142-157.

Original paper

Lexical Interference of Russian and Karelian in the Diachronic Aspect of Language Policy

Victoria A. Ivanova¹, Liubov A. Ulianitckaia²

¹*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia, andvikaivanova@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4196-6883>*

²*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia, ulianitckaia_liubov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>*

Introduction. At the moment the territory of the Russian Federation comprises 138 endangered languages, which determines the relevance of studying the influence of the state's language policy on the development of the Karelian language. The purpose of the study is to analyze the way language contacts influenced Karelian. The novelty of the study lies in the consideration of linguistic interference in the historical context.

Methodology and sources. The study is conducted using the publications in Karelian of the pre-Soviet and Soviet periods, as well as articles from modern electronic periodicals. The research material was broadened by interviewing several informants. The data was collected and analyzed using the method of continuous sampling, questioning, participant observation, and comparative analysis. The theoretical basis of the research is the social typology of languages and the typology of language situations.

Results and discussion. Different historical periods ended in changing Karelian in different ways and making it adopt some features of Finnish, Vepsian and Russian. The texts of the pre-Soviet period show that lexical units of Russian origin denote everyday realities or religious concepts. The Soviet period texts demonstrate the maximum number of Russian-based lexical units, that are related to everyday life or Soviet ideology and realities. In the texts of the modern period, there is the least number of words of Russian origin, that are mostly borrowings that have long been a part of the language norm of Karelian.

Conclusion. With the distinctive features relevant to the typology of language situations taken into account, the present language situation in the Republic of Karelia can be defined as multicomponent multilingual, being demographically out of equilibrium and communicatively unbalanced. In different historical periods Karelian was influenced, in varying degrees, by Russian; this is clearly reflected in the vocabulary. Nowadays professional and amateur activists striving to revitalize the Karelian language are oriented mainly towards its Baltic-Finnish basis.

Keywords: language policy, Karelian and Russian languages, mixing of languages, language interference

For citation: Ivanova, V.A. and Ulianitckaia, L.A. (2022), "Lexical Interference of Russian and Karelian in the Diachronic Aspect of Language Policy", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 142–157. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-142-157 (Russia).

Введение. Российская Федерация является многонациональным, полиэтническим и многоязычным государством, в котором вопросы языковой политики остаются актуальными в любой период его развития. По данным Института языкознания РАН, в настоящее

время на территории РФ функционируют 153 языка, из которых 25 – на грани исчезновения, 19 считаются исчезающими, 64 имеют статус «под угрозой исчезновения с малым числом говорящих», и 30 являются языками «под угрозой исчезновения с относительно большим числом говорящих» [1].

Языковая политика XX в. в отношении карельского языка характеризуется в основном непоследовательностью языкового планирования, что было обусловлено диалектной и территориальной разобщенностью этого языка, а также внешнеполитическими причинами. Исследователь из университета Йоненсуу Эса Анттикоски отмечает, что в течение десяти лет в 1930-е гг. было испробовано не менее пяти разных стратегий для решения языковых проблем карел [2].

При организации карельской автономии в начале 1920-х гг. был поднят вопрос о создании карельского литературного языка, оставшийся на тот момент нерешенным из-за диалектных различий и отсутствия литературной традиции языка титульного этноса. Также значительную роль играли финские эмигранты-коммунисты, которые стремились к созданию в Карелии плацдарма для будущей финской революции. Поскольку северные варианты карельского языка были близки к финскому, в качестве литературного для северных карел был введен финский язык, а в остальной части республики литературным языком оставался русский [2].

Во второй половине 1920-х гг. было предложено использовать финский язык в качестве объединяющего карельские говоры в рамках общесоюзной политики «коренизации». Далее была выдвинута идея о «карелизации» финского языка путем обогащения его местными элементами. Попытки применения смешанного «карело-финского» языка, однако, оказались неудачными.

В дальнейшем велась работа по приданию более «советского» вида финскому языку, который стал ассоциироваться с претензиями Финляндии к Советскому Союзу, связанными с регионом исторического пересечения интересов двух стран – Карелией. В язык стали включаться русские и интернациональные элементы (так, например, слова «*neuvosto*» (совет), «*tasavalta*» (республика), «*vallankumous*» (революция) были заменены заимствованиями «*sovetti*», «*respublikka*», «*revolutsio*» соответственно).

Во второй половине 1930-х гг. начался процесс кириллизации письменностей, и в Карельской АССР вновь было решено создать единый литературный карельский язык на основе русской графики и внедрить его в школах вместо финского. Разработанный вариант стал усредненным компромиссом с множественными заимствованиями русской и интернациональной терминологии и новообразованиями по финским моделям. Часто карельские слова заменялись русскими эквивалентами с карельскими суффиксами (например, статья литературно-художественного журнала «Карелия» 1939 г. начинается со слов «*Гениальнойн русскойин писателян Михаил Евграфович Салтыков-Щедринан*» [3, с. 10].

Далее карельская интеллигенция и создатели литературного языка были объявлены виновниками лингвокультурного хаоса, возникшего в результате произвольных действий властей, что привело к отмене правил литературного языка. С 1939 г. был взят курс на максимальное приближение созданного варианта языка к русскому: велась работа по устранению финских заимствований, карельских неологизмов и элементов тверских говоров. Примером может послужить замена собственно карельской системы склонения (с пятью местными

падежами) системой ливвиковского наречия (с тремя местными падежами), которую можно рассматривать как грамматическое упрощение языка и сведение языка с более сложной падежной системой к языку с менее развитой системой падежей.

Уже в начале 1940 г. в связи с преобразованием Карельской АССР в Карело-Финскую ССР финский литературный язык вновь был введен в качестве второго государственного языка, а его изучение стало обязательным в школах с карельским составом учащихся. После войны республики с Финляндией карельский был вытеснен из всех сфер общественной жизни, кроме бытовой. Употребление карельской письменности было прекращено. В конце 1950-х гг. в Карелии закрылись финские школы [2].

Так, непоследовательная языковая политика относительно карельского языка привела к тому, что в период с 1940 по 1989 гг. карельский существовал в Карелии лишь в качестве языка бытового общения. По данным переписи населения 1989 г., 50 % карелов не считали карельский язык родным. В том же году был официально утвержден латинский алфавит карельского языка.

В начале 1990-х гг. авторитет карельского языка в республике был чрезвычайно низок, дети не только не получали информации о нем в школах или со страниц периодических изданий, но и стеснялись говорить по-карельски, а при получении паспорта многие меняли национальность.

В 1991 г. вступает в силу Закон «О языках народов Российской Федерации», в соответствии с которым государственным языком республики является русский язык, а другие государственные языки могут устанавливаться на основании прямого волеизъявления населения, выраженного путем референдума [4]. С 1994 г. выпускается череда законопроектов о государственных языках Республики Карелии, в которых на роль второго государственного рассматриваются язык титульного этноса республики карельский и исторически бытовавший на территории республики финский языки.

В ситуации государственного двуязычия вся система управления должна была бы на равных обслуживаться двумя государственными языками, документация всех органов власти дополняться переводом на карельский язык, все государственные и муниципальные служащие должны были бы осваивать и в конечном счете владеть карельским языком. Возможно, система государственно-общественных отношений не была готова создавать параллельный с русским мир карельской политико-языковой среды, и инициатива присвоения языку титульной нации республики статуса государственного не была поддержана в должной мере.

В 2002 г. Совет Федерации внес поправки в закон «О языках народов РФ», направленные против попыток изменения графики языка, составляющей ядро российской культуры. Дополнением к закону стало закрепление графической основы кириллицы для алфавитов государственных языков республик на территории Российской Федерации, что существенно усложнило процедуру получения карельским языком статуса государственного. В соответствии с поправками ни финский, ни карельский языки не могли стать вторым государственным языком республики, потому что имеют латиницу в качестве графической основы.

Уже в 2002 г. карелы и финны понимали, что существуют только два выхода из сложившейся ситуации: переходить на кириллицу либо обращаться в Госдуму и Совет Федерации, чтобы был принят федеральный закон, позволяющий языку иметь иную графическую основу [5, с. 219].

Переход карельского на кириллицу не рассматривался: во-первых, в течение предшествующих тринадцати лет он уже развивался на графической основе латиницы с момента утверждения карельского алфавита 1989 г; во-вторых, кириллица все еще оставалась вариантом, не соответствовавшим фонетической системе языка.

В настоящее время Законодательное собрание Карелии пока не поддерживает поправки по приданию карельскому статусу второго государственного языка из-за множества бюрократических сложностей – от двойного документооборота до перевода документации на карельский.

Несмотря на то, что на государственном уровне решение вопроса продвигается медленно, в последние годы возрастает деятельность карельских языковых активистов. Так, на карельском языке выходит еженедельная общественно-политическая газета «Ома Муа» («Родная Земля»), новости Карелии «Viestit Karjala» также выходят на финском, карельском и вепском языках каждый будний день в девять утра на телеканале «Россия 1». Языковая активистка Ольга Гоккоева, желая сохранить культуру своего народа, создала общественную организацию – языковое гнездо Karjalan kielen kodi (Дом карельского языка), собрав средства с помощью благотворительных концертов в городах России, Финляндии и Швеции. В Доме проводятся уроки карельского, шьют, готовят, ставят спектакли, отмечают праздники на карельском языке. В рамках постоянного сотрудничества со школой, детским садом и библиотекой в Дом приходят дети и молодежь на уроки карельского языка и мастер-классы по рукоделию и выпечке. Дом карельского языка также стал популярным местом для проведения международных и межрегиональных мероприятий по вопросам карельского и финно-угорских языков: там проходят семинары и форумы для всех интересующихся карельским языком и культурой [6].

На сегодняшний день Карелия остается единственной республикой в составе Российской Федерации, на территории которой язык титульной нации не имеет статуса второго государственного. Количество носителей карельского языка сократилось в 2,5 раза на территории РФ (РСФСР) с 1989 по 2010 гг. (с 62 тыс. [7, с. 38] до 25 тыс. носителей [8]) и в 2 раза за промежуток с 2002 по 2010 гг. на уровне республики (с 35 тыс. [9] до 16 876 носителей [8]).

В «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО карельский язык – один из 50 языков РФ, находящихся под угрозой (статус «definitely endangered») [10]. Такой статус ему присвоен на основе данных российской переписи населения 2002 г. наряду с коми, сету, марийским [11]. Степень сохранности языков оценивается по тому, как язык передается между поколениями: статус «под угрозой» означает, что язык не изучается детьми как родной. Подобная языковая политика не могла не отразиться на карельском языке, в первую очередь не могла не затронуть его лексического состава и не выразиться в таком языковом феномене, как языковая интерференция, при которой одна языковая система внедряется в другую. Лексическая интерференция русского и карельского языков, рассмотренная в исторической перспективе в тесной связи с языковой политикой доминирующих в разные периоды властей, является предметом настоящего обзора.

Методология и источники. Материалом исследования послужили издания на карельском языке досоветского и советского периодов, включающие в себя тексты религиозной

тематики, литературно-художественные и учебные издания, а также статьи из современных электронных периодических изданий.

Для исследования лексической интерференции русского и карельского языков до 1930-х гг. было проанализировано содержание Евангелия от Луки 1899 г. на карельском языке (Господа Нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Луки на Карельскомъ Языке / Господанъ Міанъ Иисусанъ Христанъ Пюгя Евангелии Лукашта Карьянанъ Кіелелля) [12], Двенадцать Страстных Евангелий 1908 г. (Двънадцать Страстныхъ Евангелій Чтомыхъ въ Великій Пятокъ на Утрени на Карельскомъ Нарѣчїи) [13], а также Божественная Литургия Иоанна Златоуста 1911 г. (Божественная Литургія, иже во Святыхъ Отца Нашего Іоанна Златоустаго на Карельскомъ Нарѣчїи для Священнослужителей и Пѣвчихъ) [14]. Обнаружено 105 примеров. Для выявления статуса лексической единицы в языке (определения ее интерференционного характера или вероятной принадлежности к заимствованиям) использовались «Русско-Карельскій словарь» М. Д. Георгиевского 1908 г. [15] и «Русско-Карельскій словарь» В. Королева 1913 г. [16].

Для исследования лексической интерференции русского и карельского языков в период после 1930 г., в период непоследовательной языковой политики, кириллизации письменностей и советизации языков был проанализирован отрывок из повести А. Гайдара «Дальние страны» («Лоиттозет муат»), изданной на карельском языке в 1938 г. [17], статья «Социализман муан армия» («Армия социалистической страны») из литературно-художественного журнала Союза советских писателей Карельской АССР «Карелия» 1939 г. [18] и отрывок из учебного пособия по естествознанию на карельском языке для 3-го класса начальной школы В. А. Тетюрева 1939 г. [19], перевод которого был утвержден Карельской АССР и Народным комиссариатом просвещения. Число обнаруженных лексических единиц с русскоязычным корнем – 281. Эти лексемы были сопоставлены с лексемами, зафиксированными в «Большом русско-карельском словаре» Т. П. Бойко 2011 г. [20].

Для исследования современного состояния карельского языка были проанализированы 9 статей на карельском языке электронных периодических изданий «Oma tuua», «Karjalan Sanomat», «Kipinä» и «Kodima», выпущенных в период с 18.02.21 по 18.05.21 [21–29], в которых было обнаружено лишь 28 лексических единиц русскоязычного происхождения.

В качестве методов сбора и анализа информации применялись метод сплошной выборки, метод анкетирования, метод включенного наблюдения, метод сравнительно-сопоставительного анализа. Теоретической основой исследования служат такие современные направления лингвистики, как социальная типология языков и типология языковых ситуаций. Особую ценность для настоящей работы представляет типология языковых ситуаций, учитывающая динамику их изменения, выделяющая их различные типы по числу говорящих, количеству функций используемых языковых вариантов, по степени генетической близости языков, а также престиж того или иного языкового варианта (идиома) в условиях культурного многоязычия.

Результаты и обсуждение.

Лексическая интерференция русского и карельского языков периода до 1930 г.

Из трех текстов методом сплошной выборки было выделено 105 различных русскоязычных значимых корней лексических единиц, из которых 42 (40 %) посвящены религиоз-

ной тематике («*пророка*» (пророк), «*синагогань*» (синагога), «*фарисейть*» (фарисеи), «*апостолить*» (апостолы), «*молиннаиша*» (в молитве), «*псалмойся*» (в псалмах)), а 63 (60 %) описывают бытовые реалии («*закона*» (закон), «*женихья*» (жених), «*пруздниекаксе*» (на праздник), «*суаду*» (сад)).

В словарях в той или иной форме были представлены 47 лексических единиц, для 42 из которых карельская форма корня полностью или частично совпадала с русской. Так, например, «*ангели*» согласно словарю 1913 г. является карельской формой русского «*ангель*», «*спуассіэксэхъ*» – «*спасаться*», а «*праведникъ*» соответствует карельскому «*пруаведніэкку*». Из данной группы слов интерес также представляет «*гробъ*», карельским эквивалентом которого является «*гроба*» в словаре 1908 г., «*рувги*» – в словаре 1913 г. Будучи отмеченными в словарях, данные лексические единицы, вероятнее всего, являются заимствованиями. Всего к религиозной тематике из группы заимствований относятся 14 слов.

Наибольший интерес представляет группа лексем, обозначенных в словаре в отличной от представленных в исследуемых текстах формах, и не зарегистрированные в словарях лексические единицы.

Так, 5 лексических единиц «*тайно*» (тайно), «*злодгъй*» (злодей), «*сребренніекатъ*» (сребреники), «*правійтель*» (правитель), «*учійтелейнь*» (учителя) имеют в словарях карельские формы или корни слов «*пэйточи*», «*паганъ-луадій*», «*гобье/гобью*», «*огьята*», «*опастай*» соответственно, причем «*учитель*» в словаре 1908 г. представлен формой «*опастай*», а в словаре 1913 г. – формой «*учитель*», даже с тем, что следующий за ним глагол «*учить*» – «*опастуа*». В «Большом русско-карельском словаре» [20] слово «*учитель*» представлено единственным вариантом «*opastui*», что позволяет предполагать интерференционные явления.

Из группы отсутствующих в словарях единиц 29 (50 %) относятся к религии, включая формулы «*Аминь*», «*аллилуіа*» и обращение «*Господи*». В словарях не представлены степени священства «*архейрей*» (архиерей), «*претоорій*» (преторий), «*Архієпископасъ*» (архиепископ), «*Епископасъ*» (епископ), «*діэкконойсь*» (дьякон), «*патріархойсь*» (патриарх); существа «*херувимолой*» (херувим), «*серафимолой*» (серафим); прилагательные «*святійсь*» (святой), «*христіанскойнь*» (христианский), «*преподобнойнь*» (преподобный), «*пруаведнойнь*» (праведный), «*духовнойнь*» (духовный) и др.

Представляется интересным рассмотреть отдельно использование русскоязычных служебных слов в карельских текстах начала XX в. Помимо повсеместного использования союзов «*и*», «*но*», «*а*», можно отметить применение частиц «*ни*» в составе союза «*ни...ни*», как, например, в предложении: «*Муга гюб руветахъ руадамахъ, ку эйтїета ни Туаттуа, ни Минуо*» (Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня) [13, с. 12]; междометия «*да*»: «*Да сполнійгесь сана Гянэнь саноту*» (Да сбудется слово, реченное Им) [13, с. 21]; союзного слова «*что*»/«*што*»: «*совіетуйччи Іудейлоїле, что паремби онъ куолта јхтэль генгель развагасъ стуачи*» (совет Иудеям, что лучше одному человеку умереть за народ) [13, с. 22]; вводной указательной частицы «*вот*»: «*вотъ тэйянь Цуари*» (се, Царь ваш!) [13, с. 31]; союза «*либо...либо*»: «*либо саналь, либо діэлоль*» (либо словом, либо делом) [14, с. 15]; частицы «*неушто*»/«*неужли*» (неужели): «*неушто Минуль эй ювва чуаишуа*» (неужели Мне не пить чаши) [13, с. 21]; частицы «*развъ*» (разве): «*Развъ синя эть уско:*

что Миня олэнь Туатась, а Туатто онь Минусь?» (Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне?) [13, с. 5]. Словарь 1908 г. дает соответствие русскому «развь» карельского «неужто».

В Литургии Иоанна Златоуста 1911 г. некоторым карельским фразам также предлагается русскоязычная альтернатива: «Господи помилуй, или Господи армаста» [14, с. 3], «Тебъ Господи, или синуллэсь Господи» [14, с. 4], «подай Господи, или анна Господи» [14, с. 11].

Лексическая интерференция русского и карельского языков с 1930 по 2000 гг.

Для исследования лексической интерференции русского и карельского языков в период после 1930 г. был отобран 281 пример лексических единиц с русскоязычным корнем, которые проверялись в «Большом русско-карельском словаре» [20]. Так, в словаре отсутствуют 35 отобранных лексических единиц, среди которых многие связаны с советскими реалиями, например: «комсомольциста», «коммунаройн», «семафораста», «социализман», «доблестнойн», «бдительнойна», «большевицкойн», «сталинской», «детница», «пролетарскойн», «интервентойн», «белогвардейцинан», «социалистическойс», «передовой».

Среди 246 содержащихся в словаре лексических единиц 68 (27,64 %) не имеют нерусскоязычных эквивалентов и существуют только в представленной в анализируемых текстах форме. Среди них лексические единицы бытовой сферы («поездуа» (поезд), «банка», «вагона» (вагон), «столилла» (на столиках), «стеклат» (стекла), «полкалла» (на полке), «станциялла» (на станции), «газетах» (в газету), «школуа» (школы), «книигат» (книги), «груши», «оризхойда» (орехов), «паровозакси» (паровозом), «урокалла» (на урок), «мужикойлла» (мужикам), «бумуаган» (бумагу), «рублюа» (рублей), «огородасса» (на огороде), «яблокуа» (яблоками) и др.) и относящиеся к советской идеологии или реалиям слова («товарищат» (товарищи), «командуйччон» (командует), «генеруалан» (к генералу), «пионеройла» (пионера), «пулеметат» (пулеметы), «артиллерийскойлойн» (артиллерийских), «боевойн» (боевой), «комиссарат» (комиссары), «военной» (военный), «партиян» (партии), «войскат» (войска), «буржуазно», «колхозойл» (колхозный), «совхозойл» (совхозный) и др.).

Еще 21 лексическая единица представлена в словаре частью ряда множественного соответствия карельских вариантов русскоязычному слову. Среди них: «сторожалла» (у сторожа) («*storoži*», также «*vardoičči*»); «интереснойда» (интересный) («*interesno*», также «*kiindožesti*», «*mielenkiindožesti*»); «пленях» (в плен) (также «*vangičis*»); «хуторан» (хуторской) («*huutor*», также «*meččykylä*»); «районах» (в район) («*rajon*», также «*aloveh*», «*piiri*»); «племянника» (племянник) («*plemänniekkü*», также «*vellenpoigu*», «*vellentytär*»); «революция» («*revolitsii*», также «*vallankumovus*»); «командират» (командиры) («*komandiiru*», также «*piälikkö*»); «устават» (устав) («*ustuavi*», также «*siännöt*»); «делуо» (дело) («*dielo*», также «*azii*»).

Самая большая группа слов – 157 лексических единиц, представленных в словаре соответствием нерусскоязычного происхождения. Так, например, «забораста» (через забор) имеет карельский эквивалент «*aidu*», а «развлечения» (развлечение) представлено карельским «*ilo/iloitus*».

Интересно отметить, что в некоторых случаях, даже несмотря на существование уже вошедшего в карельский язык варианта слова русскоязычного происхождения, используется новое русскоязычное слово. Так, например, «необходимой» (необходимый) может переводиться на карельский как «*neprempnoi*», «бойцат» (бойцы) как «*saldattu*», «торжествен-

ноймбах» (к торжественному, торжество) как «*pruazniekku*», «любопытно» как «*interesno*», «животной» (животный, животные) как «*zvieri*». Даже одним из вариантов частицы «разве» остается «*neušto*», как и в начале XX в. («*неушто*»), хотя само «разве» не предлагается по-карельски ни в одном варианте словарей. Так и противительный союз «однако» (однако) имеет карельское соответствие «*no*», и вводное слово «пожалуй» имеет карельским эквивалентом «*onnuako*».

«Тайна», как и в словаре 1913 г., переводится на карельский исключительно как «*peittožus*», но как в тексте 1908 г., так и в статье 1939 г. используется русскоязычное «*тайнуа*». Показательным также является применение лексической единицы «*февралян*» (февраля) вместо существующей в карельском «*tuhukuu*» и «*октябрьская*» (революция) вместо «*ligakuun*».

Касательно вводных слов и служебных частей речи, кроме уже рассмотренных частицы «разве», противительного союза «однако» и вводного слова «пожалуй», можно выделить повсеместно распространенные сочинительные союзы «но», «а», «и», «либо», «значит» (последний с карельскими эквивалентами «*ga sit*», «*se on*»); подчинительные союзы «чтобы» и «если» с карельскими эквивалентами «*ku*», «*gu*», «*štobi*»; междометия «ну», «да»; указательную частицу «вот», у которой существуют карельские эквиваленты «*täs*», «*ga*», «*gu*», «*ku*»; частицу «неужели», карельский вариант которой – «*jokse*»; выражение «христуаруади» (христа ради).

Современное состояние и перспективы развития карельского языка.

Для исследования современного состояния карельского языка были проанализированы 9 статей на карельском языке электронных периодических изданий «*Oma tuua*», «*Karjalan Sanomat*», «*Kirinä*», «*Kodima*», выпущенных с 18.02.2021 по 18.05.2021 [21–29], в которых было обнаружено лишь 28 лексических единиц русскоязычного происхождения. Среди них в словаре [20] не представлены «*disaineri*» (дизайнер), «*agrostartap*» (агростартап), «*ortodoksina*» (православный). В более раннем словаре 1913 г. [16] слово «православный» представлено карельским соответствием «*православной*».

Кроме того, несоответствие словарной карельской формы слова и примера его использования в статье наблюдается лишь однажды: «*kuklojen*» (кукольный) имеет карельскую форму «*tytti*».

Остальные слова (85,7 %) совпадают с приведенными в словаре вариантами, 16 из которых не имеют синонимов и представлены только в виде слова русскоязычного происхождения («*spektakli*» (спектакль), «*festivalin*» (фестиваль), «*teatterit*» (театр), «*kilometriä*» (километр), «*aktiivisesti*» (активист), «*politiikan*» (политик), «*ministerijön*» (министерство), «*istorija*» (история), «*kulttuurie*» (культура), «*etnos*» (этнос), «*fermerie*» (фермер), «*tonnia*» (тонна), «*miljard*» (миллиард), «*federaližen*» (федеральный), «*b'udžetaspäi*» (бюджет), «*arkkitehtuuri*» (архитектура)).

Еще 8 слов имеют синонимы: «*seremonijua*» (или «*pivot*», «*menot*») (церемония); «*projektit*» (или «*malli*», «*kuva*», «*pohjukuavu*») (проект); «*idejojen*» (или «*mielikuva*») (идея); «*restaurointityöt*» (или «*endizelleh kunnostua*») (реставрировать); «*socialižen*» («*yhteiskunnalline*», «*yhteiskundu*») (социальный); «*ekonomižen*» («*talovehelline*») (экономический); «*programman*» («*ohjelmu*») (программа); «*transportan*» («*ajonevvot*») (транспорт).

Легко заметить, что в отличие от советского периода современные тексты не переносятся русскоязычными корнями, в них отсутствуют сходные с русскоязычными междометия, в большинстве своем для выражения действий используются глаголы на карельском, а лексические единицы с русскими корнями применяются чаще в случаях, когда они являются единственными вариантами. Синтаксические конструкции с русскоязычным глагольным элементом в текстах досоветского периода составляют 13 глаголов, а в текстах советского периода – 23 глагола. В современных текстах смысловое ядро предложения полностью выражено карельскими лексическими единицами. Это позволяет предполагать перенасыщение русскоязычным лексическим компонентом карельского языка советского периода и снижение доли русского языка в карельском, ориентацию языковых активистов, возрождающих язык в наши дни, на его прибалтийско-финскую основу. Как и в странах Прибалтики, которые с помощью языковой политики успешно отдаляются от советского прошлого, в Республике Карелии эти процессы могут происходить как реакция на излишнюю русификацию карельского языка 30-х гг. XX в. Кроме того, поскольку система карельского языка не испытывает недостатка в выразительных средствах, а язык находится под угрозой исчезновения, использование преобладающего количества лексических единиц именно карельского происхождения представляется вполне закономерным.

В целях ознакомления с живыми говорами карельского языка была совершена поездка в город Сортавала Республики Карелии и проведена работа с двумя информантами, женщинами предпенсионного возраста, которым была предложена анкета, содержащая несколько вопросов. Развернутые ответы на эти вопросы стали материалом, позволяющим получить представление о современном состоянии ливвиковского диалекта карельского языка.

Анкета состоит из трех частей: 4 открытых вопроса, блок лексики и 35 фраз на перевод. Лексика в анкете подобрана таким образом, чтобы по данному информантами варианту слова можно было определить их диалект карельского языка (например, «*лиса*» на собственном карельском наречии – «*repo*», а на ливвиковском карельском – «*reboi*»).

Речь информантов позволила не только определить их диалект карельского языка (ливвиковский), но и найти примеры интерференции русского и карельского языков, а также определить ряд заимствований из русского языка.

В устной речи карелок присутствуют характерные для текстов досоветского и советского периодов сходные с русскоязычными междометия и союзы «*и*», «*вот*», «*ну*», «*но*», «*а*», «*хоть*», «*что*», «*чтобы*». Среди 73 лексем, выделенных в речи информантов, заимствования из русского языка составляют 35 единиц. Эти лексемы обозначают преимущественно бытовые реалии (например, «*kanfiettu*» (конфета), «*kluassu*» (класс), «*škola*» (школа), «*muuzikku*» (музыка), «*kilometri*» (километр), «*universitiettu*» (университет), «*svuad'bu*» (свадьба), «*t'outa*» (тетя), «*militsii*» (милиция), «*penzii*» (пенсия), «*samvuaru*» (самовар), «*č'ujuu*» (чай), «*od'd'ualu*» (одеяло), «*pos'olku*» (поселок)).

Примерами интерференции могут служить лексемы «*postupa*» (поступать), «*vrač*» (врач), «*ekzamen*» (экзамен), «*gramota*» (грамота), «*raskažen*» (рассказывать), «*internatassa*» (интернат), «*družim*» (дружить), «*nos*» (нос), «*detsadus*» (детский сад), «*fotograffi*» (фотографии), «*obšežitijas*» (общезитие), «*podrugga*» (подруга), «*gostinicas*» (гостиница), «*direktor*» (директор), «*smetvano*» (сметана), «*skovorodkku*» (сковородка), «*smorodinu*» (смородина),

«*musori*» (мусор), «*dekabrialla*» (декабрь), не имеющие соответствий в словаре [20]. Очевидно, что коррелятивные по форме слова двух контактных языков воспринимаются носителями как семантически тождественные.

Интересно, что процесс словоизменения приведенных 19 лексем сходен с изменениями в языке, происходившими во второй половине 1930-х гг., когда карельские слова повсеместно заменялись русскими эквивалентами с карельскими суффиксами. В данном случае информантами были использованы, например, карельские морфемы «*-ssa*» (инессив, «*internatassa*» – в интернате), «*-lla*» (адессив-аллатив, «*dekabrialla*» – в декабре).

Кроме того, в процессе говорения информанты обнаруживали, что в определенных случаях первый произнесенный ими вариант являлся лексической единицей из финского языка и исправляли ее на карельскую. Так, был сделан акцент на то, что карельское «*poikua/poigu*» (сын) отличается от финского «*poika*», финское «*koulu*» было исправлено на карельское «*škola*», финское «*opiskelin*» было заменено карельским «*opastuin*» (изучал), карельские «*universitiettu*», «*čuassu*», «*huondes*» (университет, час, утро) явились исправленными вариантами финских «*yliopisto*», «*kello*», «*aamu*». При поиске соответствия карельскому «*налево*» информантки были убеждены, что помнят только финский вариант «*hura*», однако русско-финский словарь дает единственное финское соответствие – «*viasemalle*» [30], в то время как согласно русско-карельскому словарю «*налево*» – «*huruale*» [20].

Все сказанное позволяет предположить, что у карельского языка есть шанс на сохранение своей самобытной основы, защищенность от интерферентных явлений как со стороны русского, так и со стороны финского языков. Разумеется, сохранность и развитие карельского языка возможны лишь в условиях благоприятной языковой ситуации в Республике Карелии.

Заключение. С учетом дифференциальных признаков, значимых для типологии языковых ситуаций, ситуация в Республике Карелии на сегодняшний день может быть охарактеризована в следующих терминах: по степени языкового и этноязыкового разнообразия – многокомпонентная многоязычная (существование на ее территории русского, карельского, вепсского, финского языков); по демографической мощности – демографически неравновесная (карельский, вепсский – языки этнических меньшинств); по коммуникативной мощности – коммуникативно-несбалансированная (большую часть коммуникативных функций выполняет государственный язык республики – русский); по характеру государственного регламентирования – с различным юридическим статусом образующих ситуацию языков (карельский язык не имеет статуса второго государственного); по степени генетической близости языков – совмещающая близкородственные и неблизкородственные языки (русский и карельский принадлежат разным языковым семьям, в то время как карельский, вепсский и финский – к одной); по этническим корням престижного языка – смешанная; по оценке социумом престижа языков – диглоссная (престижным в республике считается знание русского языка). Сегодня вследствие непоследовательной языковой политики XX в. в Республике Карелии функционирует язык, отраженный в названии этой территории, но находящийся под угрозой исчезновения, не имеющий статуса второго государственного языка. Большую часть деятельности по возрождению карельского языка и привлечению к нему внимания осуществляют языковые активисты республики.

В разные исторические периоды карельский язык в разной степени подвергался воздействию русского языка, что особо отразилось на лексическом уровне как в плане заимствований, так и в плане интерференционных явлений. Интерференционные процессы происходили в рассматриваемом регионе в условиях сосуществования и функционирования языков разных семей. Приведенные в статье примеры дают основание утверждать, что чем больше языки различаются генетически или типологически, тем сильнее в них интерференционные явления. Разумеется, на процесс лингвистической интерференции существенное влияние оказывает языковая политика, проводимая властями в том или ином регионе. Поэтому в работе была предпринята попытка рассмотреть интерферентные явления в карельском языке сквозь призму исторических и политических событий в различные периоды его функционирования.

Так, было установлено, что в текстах досоветского периода лексические единицы русскоязычного происхождения обозначают бытовые реалии или религиозные понятия, и больший процент слов русскоязычного происхождения не зарегистрирован в словарях, т. е. функционирование этих слов определяется интерференционными процессами.

По результатам анализа текстов видно, что разработка единого литературного карельского языка на основе русской графики во второй половине 1930-х гг., которым стал усредненный вариант разных говоров карельского с множественными заимствованиями лексики из русского языка, существенно отразилась на состоянии исконного языка республики. Курс на максимальное приближение создаваемого варианта карельского языка к русскому привел и к значительной лексической интерференции. В текстах советского периода обнаруживается максимальное количество русскоязычных лексических единиц, относящихся к бытовой сфере и советской идеологии или реалиям. В большинстве случаев в текстах данного периода предпочтение отдается русскоязычным корням даже в условиях семантической конкуренции, когда система карельского языка не испытывает недостатка в выразительных средствах. Также следует отметить, что в досоветский и советский периоды карельский язык изобилует русскоязычными служебными словами.

В текстах современного периода обнаруживается минимальное количество лексических единиц русскоязычного происхождения, которые в большинстве представляют собой уже вошедшие в норму карельского языка русские заимствования.

При анализе устной речи информантов было подмечено, что коррелятивные по форме слова двух контактных языков могут восприниматься носителями как семантически тождественные, что является одним из самых показательных проявлений лексической интерференции. Подобные явления наблюдаются при контакте карельского как с русским, так и с финским языками.

В результате проведенного исследования можно констатировать перенасыщение карельского языка русскоязычным лексическим компонентом в советский период и снижение доли русскоязычных включений в современном карельском. Возвращению карельского языка к автохтонной, самобытной основе в существенной степени способствуют языковые активисты, стремящиеся сохранять и развивать его в качестве языка исконно карельских территорий. Сегодня активисты из числа профессионалов и любителей, возрождающие карельский язык, ориентируются в основном на его прибалтийско-финскую основу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коряков Ю. Б. Список языков России (с указанием их социолингвистического статуса). 2019. URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2019.shtml (дата обращения: 07.04.2021).
2. Анттикоски Э. Проблема карельского литературного языка в 1930-е и 1990-е гг. // Карелы и Карелия. 1996. URL: <http://www.kirjazh.spb.ru/karel/ant2.htm> (дата обращения: 22.04.2021).
3. Кирпотин В. Великий русской сатирикка // Карелия. 1939. Вып. 5. С. 10–13.
4. Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 31.07.2020) «О языках народов Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/8b948ff5a8560c4ded6c4c5ca9282fe88e78b5b2/ (дата обращения: 01.02.2021).
5. Бирин В. Н., Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2005.
6. Дом карельского языка / Karjalan kielen kodi // Республика. URL: <http://rk.karelia.ru/special-projects/uroki-karelskogo/dom-karelskogo-yazyka-karjalan-kielen-kodi/> (дата обращения: 17.02.2021).
7. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. // Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990.
8. Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 31.01.2021).
9. Всероссийская перепись населения 2002. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 31.01.2021).
10. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger // UNESCO. URL: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/en/atlasmap.html> (дата обращения: 31.01.2021).
11. Языки под угрозой исчезновения // UNESCO. URL: <http://www.unesco.org/new/ru/communication-and-information/access-to-knowledge/linguistic-diversity-and-multilingualism-on-internet/atlas-of-languages-in-danger/> (дата обращения: 31.01.2021).
12. Господа Нашего Иисуса Христа Святое Евангелие отъ Луки на Корельскомъ Языкѣ. Архангельск: Типо-Литографія Наслѣдниковъ Д. Горяйнова, 1899. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000000492/view/#page=> (дата обращения: 31.01.2021).
13. Двѣнадцать Страстныхъ Евангелій Чтомыхъ въ Великій Пятокъ на Утрени на Карельскомъ Нарѣчїи, 1908. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000000482/view/#page=> (дата обращения: 31.01.2021).
14. Божественная Литургія, иже во Святыхъ Отца Нашего Іоанна Златоустаго на Карельскомъ Нарѣчїи для Священнослужителей и Пѣвчихъ. Выборгъ: Выборгская новая типографія, 1911. <https://vivaldi.nlr.ru/bx000000513/view/#page=> (дата обращения: 31.01.2021).
15. Георгиевскій М. Д. Русско-Корельскій словарь. СПб.: Типографія В. Д. Смирнова, 1908.
16. Королевъ В. Русско-Карельскій словарь. 1-е изд. Выборгъ, 1913.
17. Гайдар А. П. Лоиттозет муат: Ванхембиэ лапсиэ варойн / пер. М. Диева. Петрозаводск: Карел. гос. изд-во, 1938.
18. Социализман муан армия // Карелия. 1939. № 2. С. 4–7.
19. Тетюрев В. А. Учебникка Начальнойн школан 3 классал. Петрозаводск: Карельской гос. изд-ва, 1938.
20. Бойко Т. П., Маркианова Л. Ф. Большой русско-карельский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск: Verso, 2011.
21. "Kipinä" tariččou kanarvočäijyn ta havumečän tuokšuo // OMAMEDIA. 18.02.2021. URL: https://omamedia.ru/news/kipin_tari_ou_kanarvo_ijyn_ta_havume_n_tuok_uo/ (дата обращения: 18.05.2021).
22. "Kipinä" vuottau kešyä ta valmistautuu merkkipäiväkši // OMAMEDIA. 18.05.2021. URL: https://omamedia.ru/news/kipin_vuottau_ke_y_ta_valmistautuu_merkkip_iv_k_i/ (дата обращения: 18.05.2021).

23. Kalaštajašta ta kalasešta -spektakli šai "Kultasen nuamijon" // OMAMEDIA. 23.04.2021. URL: https://omamedia.ru/ka/news/kala_taja_ta_ta_kalase_ta_spektakli_ai_kultasen_nuamijon/ (дата обращения: 18.05.2021).

24. Karjala sab miljardoid kehitoitandprogrammaha // OMAMEDIA. 11.07.2021. URL: https://omamedia.ru/news/karjala_sab_miljardoid_kehitoitandprogrammaha/ (дата обращения: 18.05.2021).

25. Karjalan 17 fermerie šuau rahua oman talouven kehittämisesh // OMAMEDIA. 13.05.2021. URL: https://omamedia.ru/ka/news/karjalan_17_fermerie_uau_rahua_oman_talouven_kehittämiseh/ (дата обращения: 18.05.2021).

26. Suurmartyyri Barbaran kirkon restaurointityöt saadaan valmiiksi kesällä // OMAMEDIA. 12.03.2021. URL: https://omamedia.ru/news/suurmartyyri_barbaran_kirkon_restaurointityöt_saadaan_valmiiksi_kesällä/ (дата обращения: 18.05.2021).

27. Uusi kalajalostamon osasto avattiin Rautalahteen // OMAMEDIA. 25.02.2021. URL: https://omamedia.ru/news/uusi_kalajalostamon_osasto_avattiin_rautalahteen/ (дата обращения: 18.05.2021).

28. Uuvvet kanšalaisprojektit hankitah raha-apuo // OMAMEDIA. 17.05.2021. URL: https://omamedia.ru/news/uuvvet_kanšalaisprojektit_hankitah_rahua_apuo/ (дата обращения: 18.05.2021).

29. Ympäristö: Karjalassa on siivottu yli 8 kilometriä rantaalueita // OMAMEDIA. 18.05.2021. URL: https://omamedia.ru/ka/news/ymp_riist_karjalassa_on_siivottu_yli_8_kilometri_ranta_alueita/ (дата обращения: 18.05.2021).

30. Пасенен М. В. Финско-русский и русско-финский словарь. СПб.: Типография им. Ивана Федорова, 1992.

Информация об авторах.

Иванова Виктория Андреевна – студентка (1 курс, магистратура) филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Сфера научных интересов: языковая политика, миноритарные языки, гендерная лингвистика.

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5-Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, языковые контакты, языковая интерференция.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 08.11.2021; принята после рецензирования 02.12.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.*

REFERENCES

1. Koryakov, Yu.B. (2019), *Spisok yazykov Rossii (s ukazaniem ikh sotsiolingvisticheskogo statusa)* [List of languages of Russia (indicating their sociolinguistic status)], available at: http://jazykirf.ilingran.ru/list_2019.shtml (accessed 07.04.2021).

2. Anttikoski, E. (1996), "The problem of the Karelian literary language in the 1930s and 1990s.", *Karely i Kareliya* [Karely and Karelia], available at: <http://www.kirjazh.spb.ru/karel/ant2.htm> (accessed 22.04.2021).

3. Kirpotin, V. (1939), "Great Russian satirist", *Careliya*, vol. 5, pp. 10–13.

4. "Law of the Russian Federation of 25.10.1991 N 1807-1 (as amended on 31.07.2020) "On the languages of the peoples of the Russian Federation", *ConsultantPlus*, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/8b948ff5a8560c4ded6c4c5ca9282fe88e78b5b2/ (accessed 01.02.2021).

5. Birin, V.N., Klement'ev, E.I. and Kozhanov, A.A. (2005), *Karely: modeli yazykovoj mobilizacii. Sbornik materialov i dokumentov* [Karely: models of language mobilization. Collection of materials and documents], KNC RAN, Petrozavodsk, RUS.

6. "House of the Karelian language / Karjalan kielen kodi", *Respublika* [Republic], available at: <http://rk.karelia.ru/special-projects/uroki-karelskogo/dom-karelskogo-yazyka-karjalan-kielen-kodi/> (accessed 17.02.2021).

7. "Population of the USSR: according to the 1989 All-Union Population Census" (1990), *Goskomstat SSSR* [Goskomstat of the USSR], Finansy i statistika, Moscow, USSR.

8. *Vserossiiskaya perepis' naseleniya* [All-Russian Population Census] (2010), available at: http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 31.01.2021).

9. *Vserossiiskaya perepis' naseleniya* [All-Russian Population Census] (2002), available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed 31.01.2021).

10. "UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger", *UNESCO*, available at: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/en/atlasmap.html> (accessed 31.01.2021).

11. *Yazyki pod ugrozoi ischeznoeniya* [Endangered languages], available at: <http://www.unesco.org/new/ru/communication-and-information/access-to-knowledge/linguistic-diversity-and-multilingualism-on-internet/atlas-of-languages-in-danger/> (accessed 31.01.2021).

12. *Gospoda Nashego Iisusa Khrista Svyatoe Evangelie ot "Luki na Karel'skom" Yazykt* [Our Lord Jesus Christ The Holy Gospel of Luke in the Karelian Language] (1899), Typo-Lithography of Nasldnikov D. Goryainov, Arkhangel'sk, RUS, available at: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000000492/view/#page=> (accessed 31.01.2021).

13. *Dv'nadtsat' Strastnykh" Evangelii Chtomykh" v" Velikii Pyatok" na Utreni na Karel'skom" Narčhii* [Twelve Passionate Gospels Chtomykh on Great Friday on Matins in Karelian Naruchi] (1908), available at: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000000482/view/#page=> (accessed 31.01.2021).

14. *Bozhestvennaya Liturgiya, izhe vo Svyatykh" Ottsa Nashego Ioanna Zlatoustago na Karel'skom" Narčhii dlya Svyashchennosluzhitelei i Pčvchikh"* [Divine Liturgy, like in the Saints of Our Father Ioann Zlatoustago in Karelian Naruchi for Priests and Pchikh] (1911), Vyborskaya novaya tipografiya, Vyborg, RUS, available at: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000000513/view/#page=> (accessed 31.01.2021).

15. Georgievskij, M.D. (1908), *Russko-Karel'skij slovar'* [Russian-Karelian dictionary], Tipografiya V. D. Smirnova, SPb, RUS.

16. Korolev, V. (1913), *Russko-Karel'skij slovar'* [Russian-Karelian dictionary], Vyborg, RUS.

17. Gaidar, A.P. (1938), *Loittozet muat: Vankhembie lapsie varoin* [Faraway countries], Transl. by Diev, M., Karel. gos. izd-vo, Petrozavodsk, USSR.

18. "Army of a socialist country" (1939), *Careliya*, vol. 2, pp. 4–7.

19. Tetyurev, V.A. (1938), *Uchebnikka Nachal'noj shkolan 3 klassal* [Textbook for Primary school students of 3 grades], Karel'skoje Gosudarstvennoje Izdatel'stvo, Petrozavodsk, USSR.

20. Bojko, T.P. and Markianova, L.F. (2011), *Bol'shoi russko-karel'skii slovar' (livvikovskoe narechie)* [Russian-Karelian dictionary (Livvik dialect)], Verso, Petrozavodsk, RUS.

21. "Kipinä" tariččou kanarvočäijyn ta havumečän tuokšuo" (2021), *OMAMEDIA*, 18.02.2021, available at: https://omamedia.ru/news/kipin_tari_ou_kanarvo_ijyn_ta_havume_n_tuok_uo/ (accessed 18.05.2021).

22. "Kipinä" vuottau kešyä ta valmistautuu merkipäiväkši" (2021), *OMAMEDIA*, 18.05.2021, available at: https://omamedia.ru/news/kipin_vuottau_ke_y_ta_valmistautuu_merkip_iv_k_i/ (accessed 18.05.2021).

23. "Kalaštajašta ta kalasešta -spektakli šai "Kultasen nuamijon" (2021), *OMAMEDIA*, 23.04.2021, available at: https://omamedia.ru/ka/news/kala_taja_ta_ta_kalase_ta_spektakli_ai_kultasen_nuamijon/ (accessed 18.05.2021).

24. "Karjala sab miljardoid kehitoitandprogrammaha" (2021), *OMAMEDIA*, 11.07.2021, available at: https://omamedia.ru/news/karjala_sab_miljardoid_kehitoitandprogrammaha/ (accessed 18.05.2021).

25. "Karjalan 17 fermerie šuau rahua oman talouven kehittämiseh", (2021), *OMAMEDIA*, 13.05.2021, available at: https://omamedia.ru/ka/news/karjalan_17_fermerie_uau_rahua_oman_talouven_kehittämiseh/ (accessed 18.05.2021).

26. "Suurmarttyyri Barbaran kirkon restaurointityöt saadaan valmiiksi kesällä" (2021), *OMAMEDIA*, 12.03.2021, available at: https://omamedia.ru/news/suurmarttyyri_barbaran_kirkon_restaurointity_t_saadaan_valmiiksi_kes_ll/ (accessed 18.05.2021).

27. "Uusi kalajalostamon osasto avattiin Rautalahteen" (2021), *OMAMEDIA*, 25.02.2021, available at: https://omamedia.ru/news/uusi_kalajalostamon_osasto_avattiin_rautalahteen/ (accessed 18.05.2021).

28. "Uuvvet kanšalaisprojektit hankitah raha-apuo" (2021), *OMAMEDIA*, 17.05.2021, available at: https://omamedia.ru/news/uuvvet_kan_alaisprojektit_hankitah_raha_apuo/ (accessed 18.05.2021).

29. "Ympäristö: Karjalassa on siivottu yli 8 kilometriä rantaalueita" (2021), *OMAMEDIA*, 18.05.2021, available at: https://omamedia.ru/ka/news/ymp_riist_karjalassa_on_siivottu_yli_8_kilometri_ranta_alueita_/ (accessed 18.05.2021).

30. Pasenen, M. V. (1992), *Finsko-russkii i russko-finskii slovar'* [Finnish-Russian and Russian-Finnish dictionary], Tipografiya im. Ivana Fedorova, SPb., RUS.

Information about the authors.

Victoria A. Ivanova – student (1 year, master) at the Faculty of Philology, Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya emb., St Petersburg 199034, Russia. Area of expertise: language policy, minority languages, gender linguistics.

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology) (2019), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5-F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 08.11.2021; adopted after review 02.12.2021; published online 24.02.2022.

Оригинальная статья

УДК 81.11

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-158-167>

Возможности поиска языковых средств выражения семантических категорий при переводе с помощью корпусных методов исследования

**Ирина Алексеевна Лекомцева^{1✉}, Аделя Хамитовна Абдульманова²,
Марина Николаевна Куликова³**

^{1,2,3}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}i.lekomtseva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9793-914X>

²[a.abdulmanova@spbu.ru](mailto:abdulmanova@spbu.ru), <https://orcid.org/0000-0002-3079-0803>

³m.kulikova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2501-9894>

Введение. Предметом данной статьи являются языковые средства выражения инварианта при переводе в принимающем языке. Цель работы заключается в конструировании семантического поля языковых средств, которое представляет язык в его предречевой готовности, для выражения инварианта в принимающем языке на основе данных корпусных методов исследования с точки зрения прескриптивного переводоведения.

Методология и источники. Методология проведения работы заключается в применении корпусных методов, а именно: составление корпуса текстов определенной тематики и функционального стиля для определения возможных переводческих соответствий методом поиска ключевых слов и поиска определенного слова в контексте. Материалом исследования послужила новостная статья с элементами научно-популярного стиля.

Результаты и обсуждение. В результате исследования сконструировано семантическое поле возможных вариантных соответствий при переводе, которые являются идиоматичными, частотными, типичными средствами выражения данной семантической категории в принимающем языке. Полученные результаты могут быть использованы как в теории перевода (например, при разработке фундаментальных положений прескриптивного переводоведения), так и в практике перевода как практические рекомендации для переводчиков. Новизна исследования заключается в том, что в данной работе впервые представлено исследование с привлечением методов корпусной лингвистики с целью выявления вариантных соответствий для выражения определенной семантической категории в принимающем языке.

Заключение. В результате применения описываемого подхода могут быть выявлены идиоматичные, типичные языковые средства выражения семантической категории в принимающем языке, что обеспечивает более высокое качество переводных текстов.

Ключевые слова: вариантные соответствия, корпусные методы исследования, семантическое поле, инвариант при переводе, семантические категории

Для цитирования: Лекомцева И. А., Абдульманова А. Х., Куликова М. Н. Возможности поиска языковых средств выражения семантических категорий при переводе с помощью корпусных методов исследования // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 158–167. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-158-167.

© Лекомцева И. А., Абдульманова А. Х., Куликова М. Н., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Possibilities of Searching for Linguistic Means of Expressing Semantic Categories in Translation by Using Corpus-Based Methods

Irina A. Lekomtseva^{1✉}, *Adelia Kh. Abdulmanova*², *Marina N. Kulikova*³

^{1, 2, 3}*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

¹*i.lekomtseva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9793-914X>*

²*a.abdulmanova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3079-0803>*

³*m.kulikova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2501-9894>*

Introduction. The article focuses on linguistic means of expressing the invariant in receiving language in translation. The purpose of the article is to construct a semantic field of linguistic means that represent language to use in speech production, to express the invariant in the receiving language based on the data of corpus-based methods from the point of view of prescriptive translation studies.

Methodology and sources. The purpose of the article determines the methodology of the work, which consists in using corpus methods, namely: compiling a corpus of texts of a certain subject and functional style to determine possible translation matches by searching for keywords and searching for a key word in context. The research material was a news article with elements of popular science style.

Results and discussion. As a result of the research, a semantic field of possible variant correspondences in translation was constructed. These correspondences are idiomatic, frequent, typical means of expressing a given semantic category in the receiving language. The results obtained can be used both in translation theory (for example, in the development of fundamental concepts of prescriptive translation studies) and in translation practice as practical recommendations for translators. The novelty of the research is that this work for the first time presents the results of the study that uses the methods of corpus linguistics, namely Sketch Engine, to identify variant correspondences for expressing a certain semantic category in the receiving language.

Conclusion. As a result, idiomatic, typical linguistic means of expressing a semantic category in the receiving language can be identified, which ensures a higher quality of translated texts.

Keywords: variant correspondences, corpus-based methods, semantic field, translation invariant, semantic categories

For citation: Lekomtseva, I.A., Abdulmanova, A.Kh. and Kulikova, M.N. (2022), "Possibilities of Searching for Linguistic Means of Expressing Semantic Categories in Translation by Using Corpus-Based Methods", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 158–167. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-158-167 (Russia).

Введение. В фокусе теоретических подходов к определению понятия «перевод» как межъязыкового явления находятся два положения: во-первых, перевод – это точное воспроизведение смысла текста оригинала; во-вторых, этот смысл должен быть передан средствами принимающего языка [1]. Категория сохранения смысла при переводе стала основой подходов к определению фундаментального понятия переводоведения «эквивалентности», а проблема передачи смысла средствами принимающего языка при переводе традиционно рассматривается в свете переводческих/межъязыковых соответствий, переводческих

трансформаций [2] и, в последнее время, оценки качества перевода [3]. Как правило, эти категории переводоведения освещаются в дескриптивном, а не прескриптивном направлении. Иными словами, анализируются исходные тексты и их переводы, выявляются техники перевода и переводческие ошибки. При таком подходе перевод можно представить в субститутивно-трансформационной парадигме, и сам перевод сводится к оптимизации системы поиска трансформаций и происходит, в большей или меньшей степени, как процесс «сборки» переводного текста из «заготовок» исходного текста путем подстановок, перестановок, замен, добавлений. Субститутивно-трансформационному подходу противопоставляется деятельностный подход, или деятельностный тип онтологии перевода. Он не сводится к манипуляции различными языковыми средствами, а сам является речевой деятельностью по заданной в оригинале программе [4, с. 109].

В рамках деятельностного подхода к переводу как речевой деятельности на первый план выходит знание закономерностей использования языковых единиц в речи и умение выявлять их. При переводе важно уметь определить семантическое поле языковых средств выражения заданного в оригинале смысла и закономерности употребления этих языковых единиц в речи [5, с. 4], что в свою очередь предполагает ориентированность на норму и узус языка перевода. Ключевым аспектом становится конструирование такого семантического поля языковых средств выражения той или иной семантической категории, которую нужно передать при переводе, и выбор языковых средств из возможных в принимающем языке, т. е. при переводе необходимо находить такие фразы, которые являются идиоматичным (стандартным/обычным/типичным) средством выражения заданного в оригинале смысла [6].

Цель данной статьи заключается в том, чтобы сконструировать семантическое поле языковых средств выражения инварианта в принимающем языке с помощью корпусных методов исследования, т. е. с помощью корпусных методов определить совокупность тех языковых средств, из которых будут выбраны переводческие соответствия.

Семантическое поле языковых средств выражения семантической категории как возможных переводческих соответствий из ресурсов принимающего языка представляет язык в его предречевой готовности. Конструирование семантического поля вариантных соответствий приобретает особую важность на втором этапе переводческого семиозиса, т. е. при перевыражении заданного в оригинале смысла, или инварианта, средствами принимающего языка. Фокус в данном случае должен быть направлен на сложный осознанный выбор различных возможностей языка перевода.

Такой подход определяет научную новизну работы, которая заключается в том, что впервые проводится анализ возможностей выявления вариантных соответствий при переводе с помощью корпусных методов. В основе такого подхода лежит понимание перевода как речевой деятельности по заданной в оригинале программе, поскольку сконструированное на базе корпусных данных семантическое поле языковых средств выражения семантической категории представляет язык в его предречевой готовности. Актуальность работ такого направления обусловлена, с одной стороны, инкорпорированием новейших технологий в теорию и практику перевода, а с другой стороны, тем, что результаты исследования могут быть применены в разработке основных положений прескриптивного переводоведения. Объектом данной статьи являются языковые способы выражения семантических категорий.

Основой для определения возможных языковых средств выражения заданного в оригинале смысла в принимающем языке в первую очередь является изучение оригинальных текстов, созданных на принимающем языке по тематике оригинала соответствующего функционального стиля. Такое «переводческое» изучение оригинальных текстов, созданных на принимающем языке, подразумевает фокусное выявление идиоматичных языковых средств (словосочетаний, фраз, структур) выражения заданного в оригинале смысла, т. е. инварианта перевода. Можно выделить два подхода к такой работе с текстами. Во-первых, методы корпусной лингвистики; во-вторых, методы информационного поиска в сети Интернет. К неоспоримым достоинствам данных методов можно отнести тот факт, что главным материалом для анализа является язык, зафиксированный в речевых произведениях, т. е. при переводе акцент смещается с работы с двуязычными или толковыми словарями на работу с текстами. Однако оба метода имеют и свои недостатки с точки зрения семантических проблем при переводе. Несмотря на то, что у корпусов есть семантическая разметка, т. е. семантические теги, с помощью которых можно выявить семантические категории, к которым относится данное слово или словосочетание, и более узкие подкатегории, специфицирующие его значения [7, с. 150], отправным пунктом исследования является слово, а не семантическая категория. Иными словами, реализован в большей степени семасиологический, а не ономасиологический подход.

В качестве примера можно привести один из вариантов семантических тегов, представленный на сайте Центра компьютерных и корпусных исследований Ланкастерского университета (University Centre for Computer Corpus Research on Language) [8]. Английские и русские семантические разметки представлены сравнительно детально для сопоставительных исследований [9], но для перевода данная разметка представляется не совсем разработанной, поскольку в переводе необходимо выявить языковые средства выражения достаточно узких семантических категорий. Если говорить о поисковых системах Интернета как корпусах, то безусловно ни один корпус не может сравниться по репрезентативности языкового материала с Интернетом. Однако были выявлены проблемы с использованием Интернета как корпуса, в том числе, например, проблема лингвистической разметки.

Методология и источники. Наиболее продуктивным методом конструирования семантического поля вариантных соответствий при переводе представляется использование сервисов и программного обеспечения для создания своих корпусов на основе текстов из сети Интернет, а также для управления корпусом и анализа текстов. Для этих целей можно, например, использовать программное обеспечение Sketch Engine [10]. Этот интернет-ресурс был создан лексикографом и специалистом по корпусной лингвистике Адамом Килгарриффом с целью изучения речевого поведения для переводчиков, специалистов по лексикографии и корпусной лингвистики. Это программное обеспечение отличается возможностью поиска в больших текстовых коллекциях по сложным и лингвистически мотивированным запросам. В качестве примера приведен перевод небольшой новостной статьи с элементами научно-популярного стиля о том, как женщины в совете директоров влияют на финансовые показатели компаний [11].

Результаты и обсуждение. Перевод осуществлялся с русского языка на английский. Текст на перевод был дан студентам I курса магистерской программы «Литературный

перевод». Алгоритм работы был следующий: во-первых, студентами был осуществлен письменный перевод данного текста, были найдены единицы перевода и переводческие соответствия. Как правило, студенты использовали субститутивно-манипулятивный подход к переводу: выявляли единицы перевода и находили им соответствия в принимающем языке, основанные на данных двуязычных словарей. В результате получался некий подстрочник текста оригинала. Во-вторых, была предпринята попытка реализации деятельностного подхода к переводу как к речевой деятельности по заданной в оригинале программе. Для этого была выделена ключевая семантическая категория «женщины в составе совета директоров» и языковые средства ее выражения в исходном тексте; далее с помощью программного обеспечения Sketch Engine был составлен корпус текстов и выявлены языковые средства выражения семантической категории «женщины в составе совета директоров» в английском языке, которые могут быть вариантными соответствиями при переводе.

Анализ переводов, выполненных студентами, показал, что, как правило, при переводе были использованы субститутивные техники перевода: были подобраны соответствия в принимающем языке, которые в основном были основаны на данных двуязычных словарей, с тенденцией сохранения синтаксической структуры оригинала. Приведем в качестве иллюстративного материала некоторые примеры передачи предложений со значением «женщины в составе совета директоров»:

Количество женщин в советах директоров тесно связано с результатами деятельности российских компаний [11] // The number of women on boards of directors is closely related to the performance of Russian companies.

Хотя представительниц прекрасного пола нечасто встретишь в составе советов директоров (их доля около 12 %), зато всего три женщины-директора могут способствовать повышению рыночных показателей деятельности и рентабельности компании [11] // Although women are not often found on boards of directors (their share is about 12 %), on the other hand, only three women directors can help to increase the market performance and profitability of the company.

В 32 % компаний в совете директоров присутствует хотя бы одна женщина, а в составе советов директоров 40 % компаний нет ни одной [11] // In 32 % of companies, there is at least one woman on the board of directors, and in 40 % of companies there is not a single woman on the boards of directors.

Как женщины в совете директоров влияют на финансовые показатели компании [11] // How women on the board affect the company's financial performance.

На втором этапе исследования был проведен анализ исходного текста и выявлены следующие языковые единицы, которые могут входить в семантическое поле языковых единиц для выражения семантической категории «женщины в составе совета директоров»: *женщины в совете директоров, представительницы прекрасного пола в составе совета директоров; женщина-директор; женщина, занимающая управленческую позицию в компании.*

Далее был составлен корпус текстов по данной тематике данного функционального стиля с помощью программного обеспечения Sketch Engine. Корпус английских оригинальных текстов был составлен по трем ключевым словам/словосочетаниям: *women, top management, financial performance*. Были использованы функции поиска слов в контексте (Concordance), представленные в виде KWIC (Key Word in Context), и поиска ключевых слов

(Keywords). Для поиска слова в контексте была выбрана словоформа *women*. В результате поиска были определены наиболее частотные коллокации данного слова, а в результате поиска по ключевым словам и словосочетаниям были определены наиболее частотные фразы, концепты в нашем корпусе текстов.

Анализ корпусных данных показал, что данная семантическая категория может быть выражена следующими языковыми средствами в английском языке: *having women on company boards; female representation on corporate boards; women make up about 50 % of senior management; women on board; women in senior management; women in executive role; women in senior positions; women in the top management positions; female board members; women in senior positions; women on corporate board; having women represented on boards; the presence and proportion of women directors; the presence of women on the boards of the UK firms*.

Как можно увидеть, семантическое поле языковых средств выражения данной семантической категории в принимающем языке, сконструированное на основе корпусных данных, представлено языковыми средствами, которые являются идиоматичными, типичными, регулярными средствами выражения данной категории в английском языке. Между данными вариантными соответствиями в русском и английском языках не всегда прослеживается сходство, как на уровне семантики, так и на уровне синтагматики. Однако найденные с помощью корпусных методов языковые средства выражения данной семантической категории в английском языке являются коммуникативно равноценными переводческими соответствиями. Поиск языковых средств выражения узких семантических категорий с помощью программного обеспечения Sketch Engine имеет достаточно большой эвристический потенциал для перевода, поскольку позволяет находить идиоматичные, типичные средства выражения в принимающем языке. Поиск языковых средств выражения узких семантических категорий по ключевым словам или поиск слова в контексте на базе национальных корпусов не обеспечивает такие же результаты.

Такие сопоставительно-переводческие исследования имеют не только практическую направленность, но и отражают современное состояние переводоведения как науки. Обзор зарубежных исследований позволяет заключить, что современное переводоведение интегрирует результаты сопоставительных исследований и новых методов исследования, в том числе и корпусных методов исследования [12–14]. Если изначально в фокусе внимания сопоставительного языкознания находилось выявление системных, регулярных, устойчивых черт языкового сходства и различия, то сейчас контрастивные исследования направлены на выявление черт сходства и различия между языками в плане использования языковых средств в речи в различных коммуникативных сферах и ситуациях общения, что, несомненно, представляет собой эвристическую ценность как для теории, так и для практики перевода. Знание типологических черт исходного и переводящего языков именно в такой перспективе оптимизирует эвристический поиск при переводе.

Интеграция результатов таких сопоставительных исследований, теории перевода и новых технологий является весьма перспективной, поскольку такой интегративный подход может значительно обогатить данные области новыми подходами к решению фундаментальных вопросов. Так, сопоставительные исследования, которые, как правило, были сосредоточены на системе языка и посвящены выявлению системных различий, могут быть

расширены до сопоставления живых динамических процессов межъязыкового варьирования. Применение же результатов сопоставительного анализа в теории и практике перевода, с другой стороны, позволило бы по-новому взглянуть на такие фундаментальные категории переводоведения, как эквивалентность и способы ее достижения, переводческая норма, оценка качества перевода, инвариант перевода и др. Все это имеет непосредственную практическую значимость, а именно: результаты исследования могут быть применены в усовершенствовании критериев качества перевода, поскольку существующие теоретические подходы не обеспечивают практическую деятельность специалистов-критиков.

Как показывает анализ, зачастую на практике доминируют переводы, в которых отражается тенденция к трансформационно-манипулятивному подходу к переводу, что проявляется в различного рода ошибках [15, 16]. Ошибки при переводе могут носить логический характер, изменять смысл произведения, нарушать его смысловую целостность, а также языковой и речевой характер. Такие «дискомфортивы» (в терминологии Ю. А. Сорокина) [17], или «третий язык» при переводе (в терминологии А. Даффа) [18], проявляются в выборе слов, нетипичности их сочетаний, выборе грамматических структур, форм, в определении порядка слов в предложении, в отклонении от норм построения предложений, в выборе тема-рематической структуры высказывания. Наши исследования показали, что трансформационно-манипулятивный подход может проявляться при переводе текстов разных функциональных стилей: художественный стиль [15, 19], научно-популярный стиль [20] и др.

Одним из путей преодоления такого подхода к переводу видится инкорпорирование в теорию и практику перевода новейших лингвистических и переводческих технологий, а также результатов сопоставительных исследований в аспекте выявления закономерностей использования языка в речи.

Заключение. В работе представлены результаты исследования возможностей поиска языковых средств выражения семантических категорий при переводе с помощью корпусных методов исследования. Перспективным видится направление работы в области поиска и выявления языковых средств выражения как широких, универсальных логико-семантических категорий (например, причинно-следственные связи, эвиденциальность и др.), так и более узких семантических категорий, специфичных для определенной тематики и функционального стиля речи. Такие исследования могут внести значительный вклад в обеспечение качества перевода, а также в разработку критериев оценки качества перевода. Полученные результаты исследования могут быть использованы в качестве практических рекомендаций переводчикам, а также могут внести свой вклад в разработку такого молодого направления переводоведения как прескриптивное переводоведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pym A. Exploring translation theories. London: Routledge, 2014.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: URSS, 2021.
3. House J. Translation Quality Assessment: Past and Present. Oxford: Routledge, 2014.
4. Крюков А. Н. Теория перевода. М.: Военный институт, 1989.
5. Швейцер А. Д. Контрастивная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. М.: РАН ИЯ, 1993.

6. Рябцева Н. К. Переводоведение в России и за рубежом. Ч. 2. Анализ эмпирического материала. URL: <https://iling-ran.ru/riabtseva/translationstudies2.pdf> (дата обращения: 21.10.2021).
7. Захаров В. П. Пролегомены к корпусной лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 150–161.
8. British National Corpus. URL: <http://bncweb.lancs.ac.uk/cgi-bin/bncXML/BNCquery.pl?theQuery=search&urlTest=yes> (дата обращения: 20.10.2021).
9. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 20.10.2021).
10. Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 21.10.2021).
11. Петербургские ученые выяснили, как женщины в совете директоров влияют на финансовые показатели компании // СПбГУ. 2018. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/peterburgskie-uchenye-vyasnili-kak-zhenshchiny-v-sovete-direktorov-vliayut-na> (дата обращения: 20.10.2021).
12. Altenberg B., Granger S. *Lexis in Contrast. Corpus-based approaches*. Amsterdam: John Benjamin Publishing Company, 2002.
13. Doval I., Nieto M. T. S. *Parallel Corpora for Contrastive and Translation Studies. New resources and applications*. Amsterdam: John Benjamin Publishing Company, 2019.
14. Mikhailov M., Cooper R. *Corpus Linguistics for Translation and Contrastive Studies (Routledge Corpus Linguistics Guides)*. London, NY: Routledge, 2016.
15. Лекомцева И. А. О «третьем языке» в переводе // Многоязычие в образовательном пространстве. 2016. Вып. 8. С. 101–106.
16. Лекомцева И. А., Наговицына И. А. Коммуникативная неравноценность межъязыковых соответствий при переводе // Научный диалог. 2018. № 2. С. 97–106. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-97-106.
17. Сорокин Ю. А. *Переводоведение: Статус переводчика и психогерменевтические процедуры*. М.: Гнозис, 2003.
18. Duff A. *The Third Language: Recurrent Problems of Translation*. Oxford: Pergamon Institute of English Press, 1981.
19. Лекомцева И. А. Переводческие ошибки: языковой аспект // Герценовские чтения. Иностранные языки: сб. науч. тр. РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2020. С. 260–261.
20. Лекомцева И. А., Абдульманова А. Х. О семантическом типе эквивалентности при переводе с английского языка на русский язык // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 4 (33). С. 213–215. DOI: 10.26140/bgz3-2020-0904-0069.

Информация об авторах.

Лекомцева Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук (2013), доцент кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: теория и практика перевода, сопоставительное языкознание.

Абдульманова Аделя Хамитовна – кандидат филологических наук (2009), доцент (2018), заведующая кафедрой английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: история английского языка, английская филология, теория и практика перевода.

Куликова Марина Николаевна – кандидат филологических наук (2011), доцент кафедры английского языка в сфере филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

Автор более 15 научных публикаций. Сфера научных интересов: стилистика, переводоведение, художественный перевод.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 21.10.2021; принята после рецензирования 17.11.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.

REFERENCES

1. Pym, A. (2014), *Exploring translation theories*, Routledge, London, UK.
2. Barkhudarov, L.S. (2021), *Yazyk i perevod. Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda* [Language and translation. Questions of general and specific translation theory], URSS, Moscow, RUS.
3. House, J. (2014), *Translation Quality Assessment: Past and Present*, Routledge, Oxford, UK.
4. Kryukov, A.N. (1989), *Teoriya perevoda* [Theory of translation], Voennyi institut, Moscow, USSR.
5. Schweitzer, A.D. (1993), *Kontrastivnaya stilistika. Gazetno-publitsisticheskii stil' v angliiskom i russkom yazykakh* [Contrastive stylistics. Newspaper journalistic style in English and Russian], RAN IYa, Moscow, RUS.
6. Riabtseva, N., *Translation studies in Russia and beyond. Part 2. A case study*, available at: <https://iling-ran.ru/riabtseva/translationstudies2.pdf> (accessed 21.10.2021).
7. Zakharov, V.P. (2016), "Prolegomena to corpus linguistics", *J. of psycholinguistics*, no. 2 (28), pp. 150–161.
8. *British National Corpus*, available at: <http://bncweb.lancs.ac.uk/cgi-bin/bncXML/BNCquery.pl?theQuery=search&urlTest=yes> (accessed 20.10.2021).
9. *Russian National Corpus*, available at: <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed 20.10.2021).
10. *Sketch Engine*, available at: <https://www.sketchengine.eu/> (accessed 21.10.2021).
11. "Petersburg scientists find out how women on the board of directors affect the company's financial performance" (2018), *SPbSU*, available at: <https://spbu.ru/news-events/novosti/peterburgskie-uchenyevyyasnili-kak-zhenshchiny-v-sovete-direktorov-vliyayut-na> (accessed 20.10.2021).
12. Altenberg, B. and Granger, S. (2002), *Lexis in Contrast. Corpus-based approaches*, John Benjamin Publishing Company, Amsterdam, NLD.
13. Doval, I. and Nieto, M.T.S. (2019), *Parallel Corpora for Contrastive and Translation Studies. New resources and applications*, John Benjamin Publishing Company, Amsterdam, NLD.
14. Mikhailov, M. and Cooper, R. (2016), *Corpus Linguistics for Translation and Contrastive Studies (Routledge Corpus Linguistics Guides)*, Routledge, London, NY, UK.
15. Lekomtseva, I.A. (2016), "The third language in translation", *Russian J. of multilingualism and education*, iss. 8, pp. 101–106.
16. Lekomtseva, I.A. and Nagovitsyna, I.A. (2018), "Communicative Inequality of Cross-Language Correspondences in Translation", *Nauchnyy dialog*, no. 2, pp. 97–106. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-97-106.
17. Sorokin, Yu.A. (2003), *Perevodovedenie: Status perevodchika i psikhogermenevticheskie protsedury* [Translation studies: the status of a translator and psycho-hermeneutic procedures], Gnosis, Moscow, RUS.
18. Duff, A. (1981), *The Third Language: Recurrent Problems of Translation*, Pergamon Institute of English Press, Oxford, UK.
19. Lekomtseva, I.A. (2020), "Translation errors from linguistic perspective", *Herzen's Readings: Foreign Languages*, pp. 260–261.
20. Lekomtseva, I.A. and Abdulmanova, A.Kh. (2020), "On semantic equivalence in English-Russian translation", *Baltic Humanitarian J.*, no. 4 (33), pp. 213–215. DOI: 10.26140/bg3-2020-0904-0069.

Information about the authors.

Irina A. Lekomtseva – Can. Sci. (Philology) (2013), Associate Professor at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: theory and practice of translation, comparative linguistics.

Adelia Kh. Abdulmanova – Can. Sci. (Philology) (2009), Docent (2018), Head of the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: history of the English language, English philology, theory and practice of translation.

Marina N. Kulikova – Can. Sci. (Philology) (2011), Associate Professor at the Department of English in Philology and Arts, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of more than 15 scientific publications. Area of expertise: stylistics, translation studies, literary translation.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 21.10.2021; adopted after review 17.11.2021; published online 24.02.2022.*

Оригинальная статья
УДК 811.111-26
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-168-180>

Лингвокультурный анализ приемов перевода при локализации английской сказки

Анна Артемовна Литвинова¹, Наталия Валентиновна Степанова^{2✉}

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹annlutic.x@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6584-0022>

^{2✉}nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>

Введение. Статья посвящена лингвокультурному исследованию стилистических приемов перевода при локализации английской сказки для русскоязычной читательской аудитории. Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного изучения процесса локализации этнокультурных явлений, высвечиваемых при переводе, а также используемых при этом стилистических трансформаций, ориентированных на адаптацию оригинального текста к лингвокультуре языка перевода.

Методология и источники. В качестве опорной классификации в исследовании использовалась типология переводческих трансформаций Л. К. Латышева, согласно которой выделяются лексические, морфологические, синтаксические, смешанные и стилистические преобразования. Исследование осуществлялось в рамках лингвостилистического подхода к анализу текста с применением метода сплошной выборки, контекстного и лингвокультурного анализа, сравнительно-сопоставительного метода, ориентированного на выявление и осмысление стилистических преобразований при локализации, а также метода семантико-когнитивного анализа, направленного на изучение вербальных репрезентаций концепта в языке. Материал исследования представлен англоязычной сказкой и ее переводом на русский язык (книга К. Льюиса «The Lion, the Witch and the Wardrobe» и перевод, выполненный Г. А. Островской).

Результаты и обсуждение. Стилистические трансформации, реализуемые при локализации сказки, значительно меняют исходный текст в соответствии с запросами культуры языка перевода. В большинстве случаев стилистическим трансформациям подвергаются метафора и фразеологические обороты, что связано с несовпадениями в системе образов между языками, а также слова-реалии, отражающие ключевые концепты той или иной культуры, и аллюзии, которые, в силу дистанции между культурами, могут быть неизвестны реципиенту перевода.

Заключение. Сказка хранит в себе мудрость, традиции и устои того или иного общества, а потому является способом отражения национального самосознания. Локализация как процесс адаптации произведений данного жанра непосредственно связана со стилистическими преобразованиями, поскольку именно они играют ключевую роль в достижении адекватного перевода.

Ключевые слова: сказка, сказочный текст, локализация, лингвокультурная адаптация, стилистические трансформации, перевод

Для цитирования: Литвинова А. А., Степанова Н. В. Лингвокультурный анализ приемов перевода при локализации английской сказки // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 168–180. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-168-180.

© Литвинова А. А., Степанова Н. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Linguistic and Cultural Analysis of Translation Techniques in the Process of Localization of an English Fairy Tale

Anna A. Litvinova¹, Nataliia V. Stepanova²

^{1,2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹*annlutic.x@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6584-0022>,*

²*nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>*

Introduction. This article is devoted to the consideration of linguistic and cultural study of translation techniques in the process of localization of an English fairy tale for a Russian-speaking readership. The relevance of the research is determined by the need for a comprehensive study of the localization process of various ethno-cultural phenomena displayed during translation, as well as the stylistic transformations used in this process for the purpose of adapting the original text to the linguistics and culture of the target language.

Methodology and sources. The typology of translation transformations by L.K. Latyshev was used as a reference classification, within which the author distinguished lexical, morphological, syntactic, mixed and stylistic transformations. The research was conducted in the context of a linguistic-stylistic approach to the analysis of the text using continuous sampling method, the methods of contextual, linguistic and cultural analysis, as well as the descriptive and comparative method, which implies identifying and understanding of stylistic transformations performed by the translator, and semantic and cognitive analysis, consisting in the study of verbal representations of the concept in the language, were used. The research material is presented by an English-language fairy tale and its translation into Russian (the book by K. Lewis "The Lion, the Witch and the Wardrobe" and the translation made by G.A. Ostrovskaya).

Results and discussion. Stylistic transformations implemented during the localization of a fairy tale significantly change the original text in accordance with the requests of the culture of the target language. The most common stylistic transformations during localization of an English fairy-tale texts are related to such stylistic devices as metaphors and idioms, due to discrepancies in the system of images between languages, as well as exotisms, that underlie the key concepts of a particular culture, and allusions, since, due to the distance between cultures, they may be unknown to the recipient of the translation.

Conclusion. A fairy tale preserves the wisdom, traditions and morals of a particular society, and therefore is a way of reflecting national identity. Localization, as a process of adaptation of works of this genre, is directly related to stylistic transformations, since they play a key role in achieving an adequate translation.

Keywords: fairy tale, fairy-tale text, localization, linguistic and cultural adaptation, stylistic transformations, translation

For citation: Litvinova, A.A. and Stepanova, N.V. (2022), "Linguistic and Cultural Analysis of Translation Techniques in the Process of Localization of an English Fairy Tale", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 168–180. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-168-180 (Russia).

Введение. Сказки на протяжении столетий являются предметом изучения многих ученых и имеют свои специфические характеристики, позволяющие отличить их от произведений смежных литературных жанров. Ключевыми особенностями понятия «сказка», наиболее полно раскрывающими его сущность, являются следующие признаки, выделенные

В. Я. Проппом: преобладание развлекательной функции над дидактической, особенности сюжета, отличающие сказку от реальной жизни, и особое композиционное строение текста [1, с. 20–26]. Сказочный текст представляет большой исследовательский интерес, с чем связано непрерывное изучение формы и содержания сказок, а также их культурно-исторического развития. Современные методы изучения сказок стремятся объединить перечисленные аспекты, а также исследовать сказки как в контексте процесса их порождения автором и восприятия читателем, так и в рамках рассмотрения концептов, сценариев и фреймов, находящихся в их основе [2].

Локализация сказок – это всесторонний процесс сложных вербальных преобразований, который объединяет перевод исходного текста и его лингвокультурную адаптацию на содержательном, ценностном и формально-языковом уровнях для целевой страны [3, с. 7]. В связи с тем, что когнитивные базы языка оригинала и языка перевода имеют множество несовпадений и различий, задача переводчика состоит не только в использовании лексических и грамматических трансформаций, но и в понимании им денотативного фона, т. е. экстралингвистической ситуации, в рамках которой был написан исходный текст, а также стилистического узуса и авторского стиля, который позволяет проследить отношение автора к написанной им истории. В связи с этим для наиболее точного перевода необходимо использование различных трансформаций. В качестве опорной классификации в настоящем исследовании использовалась типология переводческих трансформаций Л. К. Латышева, которая представляет собой разделение всех переводческих преобразований на лексические, морфологические, синтаксические, смешанные и стилистические [4, с. 14]. Стилистические трансформации представляют наибольший исследовательский интерес, поскольку, не имея конкретных форм реализации, именно они позволяют переводчику произвести все необходимые преобразования в тексте оригинала таким образом, чтобы перевод был наиболее понятен аудитории, а также сохранить присутствующую в исходном тексте экстралингвистическую, эмоционально-экспрессивную, образную и жанрово-стилистическую информацию [5, с. 140].

Методология и источники. Ключевым критерием при отборе сказочного текста для данного исследования являлось его соответствие всем основным критериям сказки по В. Я. Проппу [1, с. 20–26]. Материалом для исследования послужила английская авторская сказка К. Льюиса «The Lion, the Witch and the Wardrobe» из цикла книг «Chronicles of Narnia», выпущенная в 1950 г. В рассмотренном произведении наблюдается несколько основных сложностей для перевода. Одна из них заключается в том, что детский сказочный сюжет сочетается с библейскими аллюзиями и отсылками к мифам и древним легендам, при рассмотрении адаптации которых в переводе стоит учитывать экстралингвистическую ситуацию в стране, для которой создается перевод. Второй проблемой, с которой может столкнуться переводчик, является наличие в оригинальном произведении реалий, присущих Англии XX в. и незнакомых русской культуре. Для рассмотрения стилистических особенностей локализации английской сказки был выбран первый официальный перевод этого произведения на русский язык, выполненный Г. А. Островской и опубликованный в 1978 г. Данный перевод считается «классическим» и является наиболее популярным среди русскоязычных читателей. Исследование, проведенное в контексте лингвостилистического

анализа с применением на отдельных этапах таких лингвистических методов, как сплошной, описательный и сравнительно-сопоставительный, позволяет выявить паттерн реализации стилистических трансформаций при локализации англоязычной сказки, проследить конкретные примеры их имплементации в тексте перевода, а также проанализировать наиболее удачные примеры локализации. Применение таких методов, как контекстный, семантико-когнитивный и лингвокультурный анализ, в свою очередь позволяет понять мотивы, которыми при переводе руководствовалась Г. А. Островская.

Результаты и обсуждение. Адаптация литературного произведения представляет собой комплексный процесс, который включает в себя не только достижение адекватного эквивалентного перевода, но и локализацию исходного текста. Под локализацией понимается всестороннее преобразование иноязычного произведения таким образом, чтобы оно лингвистически и культурно соответствовало запросам целевой аудитории. Изменения исходного текста, связанные с его локализацией для определенной лингвосреды, должны быть направлены не только на его упрощение и адаптацию для реципиентов, но и на сохранение прагматического эффекта [6, с. 440]. Понятия «перевод» и «локализация» коррелируют друг с другом по отдельным признакам, однако эквивалентный перевод исходного текста средствами другого языка не всегда отождествляется с его культурной адаптацией, в связи с чем переводчик вынужден использовать комплексные преобразования, называемые переводческими трансформациями. Стилистические трансформации, подразумевающие изменения исходного текста с целью сохранения его прагматической, экспрессивной, экстралингвистической и жанровой функций, представляют собой один из главных приемов перевода при локализации иноязычного произведения.

В ходе анализа оригинала сказки и его перевода в результате сплошной выборки было выявлено 187 стилистических трансформаций. Особенностью данных трансформаций является отсутствие четких форм реализации, в связи с чем их достаточно сложно систематизировать. Анализ стилистических преобразований, произведенных при переводе сказки «Лев, колдунья и платяной шкаф», позволил создать их классификацию (таблица).

Классификация стилистических трансформаций в переводе сказки «Лев, колдунья и платяной шкаф»
Classification of stylistic transformations in the translation of the fairy tale «The Lion, the Witch and the Wardrobe»

Стилистическая трансформация	Частотность применения
Передача стилистических приемов и фразеологических оборотов	66
Адаптация произведения для детской аудитории	55
Изменение экспрессивного эффекта	28
Передача культурных реалий	20
Передача аллюзий	18

Анализ стилистических трансформаций, направленных на адаптацию произведения для детской аудитории. Наибольший исследовательский интерес представляют стилистические трансформации, связанные с попыткой Г. А. Островской «упростить» текст оригинала и адаптировать его для детей. К. Льюис полагал: «Книга для детей, которая нравится только детям, – плохая книга. Хорошие – хороши для всех...» [7]. Таким образом, автор сказки и переводчица преследовали абсолютно разные цели. В то время как К. Льюис

писал сказку для разновозрастной аудитории, Г. А. Островская переводила ее, намеренно адаптируя для детей. Это можно проследить в следующих наиболее репрезентативных примерах: *You are in fact Human?* [8] – *Другими словами, вы – настоящий человеческий Человек?* [9, с. 12]. Вопрос фавна, адресованный самой младшей из детей Пэвэнси и обусловленный тем, что он раньше никогда не встречался с людьми, в переводе в полной мере передает удивление персонажа, а также напоминает детский язык, склонный к избыточности языковых средств. Так, кроме употребления прилагательного «настоящий», которое передает смысл, заложенный в оригинале, переводчица использует плеоназм и вводит словосочетание «человеческий Человек».

Также речи детей присущи различные ошибки, в том числе грамматические: *But at last the ransacking of the Witch's fortress was ended* [8] – *Наконец друзья перестали обшаривать Колдуньину крепость* [9, с. 143]. Г. А. Островская демонстрирует эту особенность детской речи, намеренно неправильно склоняя слово «Колдунья», несмотря на то что в тексте оригинала отсутствуют какие-либо ошибки. В литературном варианте данное предложение должно было бы выглядеть следующим образом: «Наконец друзья перестали обшаривать крепость Колдуньи», однако склонение существительных по падежам является довольно трудным для детей, поэтому данная «ошибка» при переводе позволяет маленькому читателю в наибольшей степени проникнуться книгой.

Не менее важным преобразованием является использование переводчицей эмфатических средств, присущих детской речи: *This must be a simply enormous wardrobe* [8] – *Ну и огромный шкафчик* [9, с. 8]. В данном примере Г. А. Островская не только переводит эпитет «enormous» его словарным эквивалентом «огромный», но и добавляет к существительному «шкаф» словообразовательный суффикс *-ич*- с увеличительным значением, который часто используется детьми. Данная переводческая трансформация добавления позволяет продемонстрировать, что Люси, произносящая данную фразу, всего лишь ребенок и склонна к гиперболизированному восприятию окружающего мира. Также переводчица часто прибегает к такому способу эмфазы, как использование префикса «пре-»: (1) *But there a terrible surprise awaited them* [8] – *Но там их ждал пренеприятный сюрприз* [9, с. 49]; (2) *Aslan stood in the centre of a crowd of creatures* [8] – *Аслан стоял в центре целой группы престранных созданий* [9, с. 104]. Сходным образом выделение языковых элементов выражается посредством повторения одного и того же слова с префиксом «пре-»: (1) *Mr Beaver was so pleased that he opened his mouth very wide* [8] – *Мистер Бобр был в таком восторге, что широко-прешироко раскрыл рот* [9, с. 90]; (2) *He himself was a very old man* [8] – *Профессор был старый-престарый* [9, с. 5]; (3) *Luce was miserable* [8] – *Люси чувствовала себя несчастной-пренесчастной* [9, с. 39]. Использование переводчицей данных приемов добавления экспрессивно-эмоциональных и стилистических сем уподобляет текст сказки детской речи, которой присущи повторение слов и использование префиксов и суффиксов с увеличительным значением.

Важным элементом адаптации данной сказки для детей является смягчение при переводе бранной и вульгарной лексики, присутствующей в оригинале: (1) *I wish I'd stayed there and you are all beasts, beasts* [8] – *Лучше бы я там осталась навсегда, а вы все противные, противные* [9, с. 39]; (2) *I'll pay you all out for this, you pack of stuck-up, self-satisfied*

prigs [8] – *Ничего, я вам за все отплачу, воображалы несчастные* [9, с. 49]. Г. А. Островская намеренно переводит стилистически окрашенную единицу «beast» («чудовище», «скотина») и словосочетание «*pack of stuck-up, self-satisfied prigs*» («кучка заносчивых, самодовольных зануд») нейтральными «противные» и «воображалы несчастные», поскольку локализация сказки подразумевает ее адаптацию в соответствии с особенностями детской целевой аудитории. Также для передачи речи ребенка некоторые фразы оригинальной сказки Г. А. Островская переводит не буквально, а используя выражения, более привычные для детей: (1) *It's all right, it's all right* [8] – *А мне не страшно, вовсе не страшно* [9, с. 24]; (2) *Ten to one it'll clear up in an hour or so* [8] – *Спорю на что хочешь, через час прояснится* [9, с. 7].

Стремление Г. А. Островской сделать язык наиболее понятным и близким для детей также прослеживается в синтаксическом аспекте построения предложений. Так, переводчица разбивает длинные предложения на несколько более простых. В большинстве случаев подобному членению подвергаются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, например: (1) *But as soon as she reached it she heard steps in the passage outside, and then there was nothing for it but to jump into the wardrobe and hold the door closed behind her* [8] – *Но не успела Люси войти в комнату, как снаружи послышались шаги. Ей оставалось лишь быстренько забраться в шкаф и притворить за собой дверь* [9, с. 23]; (2) *Edmund was still staring after the sledge when he heard someone calling his own name, and looking round he saw Lucy coming towards him from another part of the wood* [8] – *Эдмунд все еще стоял, уставившись на то место, где скрылись сани, когда услышал, что кто-то зовет его по имени. Оглянувшись, он увидел, что с противоположной стороны из леса к нему спешит Люси* [9, с. 34].

В оригинале К. Льюис часто прибегает к написанию информации в скобках, однако при этом нельзя сказать, что данная информация является избыточной и нерелевантной для сюжета. Г. А. Островская в своем переводе раскрывает скобки: *For one had to turn a little to the right (that meant a little to the south) to reach the place of the Stone Table* [8] – *Чтобы добраться до Каменного Стола, следовало свернуть к югу, то есть направо* [9, с. 103] – или полностью опускает указанную в них информацию, потеря которой не влияет на восприятие и понимание сюжета: *The top of the dam was wide enough to walk on, though not (for humans) a very nice place to walk because it was covered with ice* [8] – *Верх плотины был достаточно широк, чтобы по нему идти, но удовольствие это было маленькое, ведь дорога вела по льду* [9, с. 60]. Данные грамматические переводческие трансформации важны, поскольку они значительно упрощают оригинальный текст и делают процесс чтения для юного читателя максимально удобным. В связи с тем, что дети в большинстве случаев не обладают высоким уровнем концентрации внимания, подобное разделение сложных предложений на более простые и раскрытие скобок позволяют им оставаться сконцентрированными и не терять нить повествования.

Анализ стилистических трансформаций, направленных на передачу стилистических приемов и фразеологических оборотов. Перевод стилистических средств в большинстве случаев требует от переводчика тех или иных преобразований, поскольку нормы сочетаемости в английском и русском языках разные. В оригинальном тексте сказки автор часто прибегает к использованию метафор, сравнений, олицетворений и фразеологических

оборотов, что представляет определенную сложность для переводчика. В рамках данного исследования было решено рассмотреть наиболее репрезентативные примеры перевода метафор и фразеологизмов в связи с тем, что при переводе именно они наиболее подвержены стилистическим трансформациям, в то время как эпитеты, олицетворения и сравнения переводятся с незначительными изменениями в экспрессивной окраске или заменяются соответствующим эквивалентом в языке перевода. При анализе перевода исследуемой сказки были выделены следующие случаи употребления фразеологизмов: сохранение фразеологического оборота, использованного в оригинале; фразеологизация; дефразеологизация. В большинстве случаев фразеологический оборот, употребленный в оригинале, передается при помощи его эквивалента в языке перевода: (1) *But the Faun continued sobbing as if its heart would break* [8] – *Но фавн продолжал рыдать так, словно у него разрывалось сердце* [9, с. 16]; (2) *And before you could say Jack Robinson had whisked out a beautiful trout* [8] – *Питер ахнуть не успел, как тот вытащил превосходную форель* [9, с. 61]. Также при переводе Г. А. Островская часто прибегает к введению устойчивых выражений в тех местах текста, где их нет в оригинале, что можно проследить в следующих примерах: (1) *Even if I do feel frightened when it comes to the point* [8] – *Даже если у меня при этом душа уйдет в пятки* [9, с. 67]; (2) *Once you were all four inside her House her job would be done – and there'd be four new statues in her collection before you'd had time to speak* [8] – *Стоит вам оказаться у нее в замке – ваша песенка спета. Не успеете вы и глазом моргнуть, как в ее коллекции появятся четыре новые статуи* [9, с. 72]. В редких случаях при переводе можно наблюдать явление дефразеологизации, связанное с отсутствием эквивалентных устойчивых выражений в языке перевода: *He kept on thinking that the others were taking no notice of him and trying to give him the cold shoulder* [8] – *Эдмунду все время казалось, что на него нарочно не обращают внимания и неприветливо с ним разговаривают* [9, с. 75].

При анализе метафор в переводе Г. А. Островской был выявлен тот же паттерн их употребления, что и у фразеологизмов:

– сохранение метафоры, использованной в оригинале: *The green ice of the pool had vanished under a thick white blanket* [8] – *Ледяная запруда покрылась толстым белым одеялом* [9, с. 76];

– метафоризация: (1) *A great white beard, that fell like a foamy waterfall over his chest* [8] – *Длинная седая борода пенистым водопадом спадала ему на грудь* [9, с. 89]; (2) *Snow lying on the branches of the trees* [8] – *Снег лежал на еловых лапах* [9, с. 10];

– деметафоризация: *Here the Beaver's voice sank into silence and it gave one or two very mysterious nods* [8] – *Здесь Бобр замолк и только несколько раз кивнул с самым таинственным видом* [9, с. 57].

Примечательным является тот факт, что из всех случаев употребления фразеологических оборотов и метафор в тексте перевода 73 % и 75 % соответственно были введены Г. А. Островской и отсутствовали в тексте оригинала, в то время как всего 20 % и 15 % соответственно являются сохранением устойчивого словосочетания или метафоры, использованных в оригинале. Данную закономерность можно объяснить тем, что при переводе Г. А. Островская руководствовалась целью адаптировать книгу для детской аудитории. В свою очередь фразеологизмы и метафоры помогают воссоздать в воображении ребенка наиболее красочные образы, чем и обусловлено их распространенное использование.

Анализ стилистических трансформаций, направленных на перевод слов-реалий. Перевод присутствующих в сказке К. Льюиса культурных реалий также представляет определенную сложность для переводчика. Адекватный перевод экзотизмов предполагает использование различных видов лексических преобразований, но этот процесс тесно связан и со стилистическими трансформациями, ведь за переводчиком остается выбор, каким образом будет переведено то или иное название реалии, и в какой степени произведение будет локализовано для конкретной лингвосреды. Большую часть повествования главные герои проводят в вымышленной стране, но несмотря на это на протяжении всего развития сюжета можно проследить реалии Англии XX в.

Г. А. Островская прибегает как к переводу названий реалий посредством транслитерации и транскрибирования или замены на образы, присущие русской культуре, так и к опущению некоторых реалий. Так, например, переводчица отказывается от передачи следующих реалий меры: (1) *It kept going from tree to tree, always a few yards ahead of them* [8] – *Она перелетала с дерева на дерево в нескольких шагах впереди* [9, с. 52]; (2) *And down, down, down again into wild valleys and out into acres of blue flowers* [8] – *А затем – вниз, вниз, вниз, вновь в лесистые долины и усыпанные голубыми цветами необозримые луга* [9, с. 138]. При этом переводчица сохраняет такую единицу измерения, как «миля»: *And then between them, he thought, must be her palace, only a mile off or less* [8] – *Значит, между этими холмами, всего в полумиле отсюда, подумал он, стоит ее замок* [9, с. 60]. Можно предположить, что сохранение именно этой реалии меры обусловлено тем, что миля является более известной мерой измерения для русского читателя, нежели ярды и акры. Однако стоит учитывать, что размеры мили в британской и российской системах измерения отличаются: в Британии миля равняется приблизительно 2 км, в России ее длина достигает 7,5 км. Таким образом, эквивалентный перевод данной реалии может привести к формированию ошибочного восприятия отдельных фрагментов произведения реципиентами перевода.

Также Г. А. Островская исключает из своего перевода реалии, связанные со школьным образованием в Британии: *They looked like huge dunce's caps or sorcerer's caps* [8] – *Башенки были похожи на волшебные колпаки, которые носят чародеи* [9, с. 78]. Поскольку российская и английская системы образования имеют множество различий, подбор соответствующей реалии в культуре языка перевода невозможен. В данном примере упоминается «dunce's cap», то есть «колпак дурака» – явление, которое на протяжении долгого времени было распространено в английских школах. На данных колпаках, в основном изготовленных из бумаги, вырисовывалась большая буква «D». Данная культурная реалия представляла собой меру поддержания дисциплины во время учебного процесса и заключалась в том, что ученики, отличившиеся плохим поведением, в наказание стояли в углу, надев на голову этот колпак. Учитывая, что упоминание данной реалии не является релевантным для сюжета, а также незнакомо носителям русской культуры, Г. А. Островская опускает ее без каких-либо семантических потерь.

Некоторые реалии переводчица сохраняет, используя при этом лексические трансформации. Так, в переводе следующего предложения присутствует реалия, связанная с национальным блюдом и переданная при помощи транслитерации: *And he wasn't at all sure that he didn't see something like a plum pudding* [8] – *И ему даже показалось, что на столе стоит*

плум-пудинг [9, с. 92]. Сохраняя при переводе оригинальное название блюда, Г. А. Островская подчеркивает его национальное происхождение, ведь это блюдо является традиционным элементом рождественского стола в Англии. Однако перевод данного экзотизма при помощи транслитерации может вызывать недопонимание у русского читателя, поскольку единица *-плум-* ему не знакома, а также формировать ложные ассоциации в связи с тем, что в представлении русского человека пудинг – это десерт, больше похожий на желе или йогурт, в то время как в Британии это блюдо, приготовленное из теста, с добавлением муки и хлеба [10]. Также для сохранения национального колорита переводчица оставляет обращения к персонажам, используемые в Англии: *Mr Beaver, you'll get us some fish* [8] – *Мистер Бобр, будьте так добры, достаньте-ка нам рыбки* [9, с. 61].

Другим вариантом перевода слов-реалий является использование смежных понятий в культуре языка перевода. Так, например, *Father Christmas*, персонаж западной культуры, по своим функциям очень похож на привычного русскоговорящему человеку Деда Мороза. Именно поэтому в переводе Г. А. Островская отдает предпочтение наиболее известному для русской аудитории мифическому образу: *Some of the pictures of Father Christmas in our world make him look only funny and jolly* [8] – *На многих картинках Дед Мороз выглядит просто веселым и даже смешным* [9, с. 14].

Примечательным также является введение Г. А. Островской в текст перевода слов-реалий, присущих русской культуре. Так, в переводе появляется исконно русская зимняя обувь: *Mr Beaver, who was already putting on his snow-boots* [8] – *Мистер Бобр, успевший к этому времени надеть валенки* [9, с. 84]. А также упоминается хлеб, распространенный в славянской культуре: *And if someone will get two or three loaves out of the crock* [8] – *И хорошо бы, если бы кто-нибудь передал мне несколько караваев хлеба* [9, с. 84].

Слова-реалии представляют собой вербализацию в языке культурной идентичности того или иного народа и лежат в основе его основных концептов. При переводе концептов ключевыми моментами являются дистанция между культурами, а также ориентация на исходную культуру или на культуру реципиентов перевода. Таким образом, можно сделать вывод, что наряду с попытками сохранить национальную специфику произведения Г. А. Островская переводит мифологические концепты, присутствующие в оригинале, представляя их в том виде, в котором они существуют в сознании читателей перевода (*Father Christmas* при переводе становится Дедом Морозом), а также включает в свой перевод один из ключевых концептов русской культуры и русской сказки – концепт «быта», выражающийся в таких словах-реалиях, как «валенки» и «каравай». Данный концепт лежит в основе практически всех русских сказок, в связи с этим его имплементация Г. А. Островской в текст перевода позволяет лингвистически и культурно адаптировать оригинальное произведение таким образом, чтобы в сознании реципиента оно максимально соответствовало его устоявшимся представлениям о мире.

Анализ стилистических трансформаций, направленных на перевод аллюзий. Важным элементом сказки К. Льюиса является интертекстуальность, которая проявляется в том, что в сюжет вплетаются библейские и мифологические аллюзии. Учитывая тот факт, что К. Льюис был богословом, христианские мотивы, встречающиеся в произведении, не являются случайными, а затрагивают моральную и нравственную суть бытия. Следовательно,

для наиболее полного сохранения смысла сказки данные аллюзии должны быть переданы и при переводе. Однако при анализе перевода английской сказки Г. А. Островской было замечено, что большая часть этих аллюзий не была передана, а религиозная составляющая, заложенная в оригинале, утеряна.

В следующих примерах можно заметить, что любые детали, напрямую связанные с темой религии и христианства, опускаются переводчицей: (1) *Most of them very old books and some bigger than a Bible in a church* [8] – *Это были очень старые книги в тяжелых кожаных переплетах* [9, с. 8]; (2) «*Lord love you, Son of Adam, what a simple thing to say!*» [8] – «*Наивный вопрос!*» [9, с. 66]. Г. А. Островская игнорирует сравнение книг по размеру с Библией, поскольку оно не является релевантным для детской целевой аудитории и не может создать нужных ассоциаций, следовательно, прагматический эффект не будет достигнут. Обращение мистера Бобра «*Lord love you*» к Эдмунду, в данном контексте выражающее сочувствие к собеседнику [11], носит характер афоризма и может быть переведено на русский как «храни тебя, Господь». Сохранение данного выражения в переводе не будет отвечать принципам локализации, поскольку не будет соответствовать запросам принимающей культуры, в связи с этим Г. А. Островская использует прием опущения нерелевантной информации.

В свою очередь Аслан, могучий лев и властитель Нарнии, в оригинале рассматривается как божество, о чем свидетельствует его описание мистером Бобром: *Why, don't you know? He's the King. He's the Lord of the whole wood* [8] – *Разве вы не знаете? Властитель Леса* [9, с. 66]. Также показательным является манера обращения к Аслану: «*Certainly, your honour. It will be a pleasure*» [8] – «*Конечно, ваша милость. С большим удовольствием*» [9, с. 144]. В английской традиции обращение «*your honour*» используется при обращении к судье, следовательно, Аслан является некой уравновешивающей силой Нарнии. Однако данные аллюзии не передаются переводчицей, и Аслан предстает скорее как волшебник, король Нарнии, а не как божество. Более того, в своем переводе Г. А. Островская очеловечивает образ могучего льва: *I should be glad of company tonight. Yes, you may come* [8] – *Да, вы можете пойти со мной, я буду рад побыть с друзьями сегодня ночью* [9, с. 125]. В данном примере нейтральное слово «*company*» при переводе заменяется словом «друзья», что делает образ льва менее таинственным и обожествленным. Также в оригинале сказки несколько раз упоминается *Emperor-beyond-the Sea*. Этот персонаж является отцом льва Аслана и создателем Нарнии. Образ данного персонажа символизирует Бога в христианской традиции и полностью отсутствует в переводе Г. А. Островской. Предложения, в которых упоминается данный персонаж, полностью изменены и обезличены или вовсе опущены: (1) *So that's how you came to imagine yourself a queen – because you were the Emperor's hangman* [8] – *Вот почему, оказывается, вы вообразили себя королевой: потому что вас назначили палачом* [9, с. 118]; (2) *You at least know the Magic which the Emperor put into Narnia at the very beginning* [8] – *Вы не хуже меня знаете Магию, которой подвластна Нарния с давних времен* [9, с. 118].

Данную тенденцию к опущению библейских аллюзий в переводе Г. А. Островской можно объяснить экстралингвистической ситуацией на момент публикации перевода. Рассматриваемый перевод был издан в СССР в 1978 г., в связи с чем из-за политической ситуации и идеологии того времени он был подвергнут жесткой цензуре. В свою очередь аллюзии,

отсылающие к мифам и легендам, нашли свое отражение как в оригинале сказки, так и в ее переводе. В тексте часто встречаются упоминания различных мифических существ, а также в конце книги Г. А. Островская размещает «мифологический словарик», в котором объясняет происхождение тех или иных вымышленных существ, упомянутых в сказке. К наиболее удачным примерам локализации произведения К. Льюиса Г. А. Островской относится его адаптация переводчицей для целевой аудитории посредством различных стилистических трансформаций, уподобляющих текст оригинала детской речи, значительно упрощающих его, а также наполняющих метафорическими и фразеологическими конструкциями для создания наиболее красочных образов в сознании ребенка. Интегрирование переводчицей вербальных репрезентаций ключевых концептов русской культуры и опущение нерелевантной для читателя информации связано с локализацией произведения в соответствии с национальной идентичностью целевой страны перевода. Однако исключение религиозных аллюзий несмотря на их неактуальность в рамках идеологии того времени, когда был выпущен перевод, а также сохранение переводчицей неизвестных читателю культурных реалий Англии может привести к формированию ошибочных образов и ассоциаций, а также к неправильному прочтению произведения и заложенного в нем смысла.

Заключение. Сказки являются важной составляющей культуры каждого человеческого сообщества, в их основе лежат представления о мире того или иного народа, а также их ключевые концепты, в связи с чем локализованный перевод произведений этого жанра должен в полной мере обеспечивать передачу смысла оригинального произведения и быть лингвистически и культурно адаптирован для реципиента. Применение стилистических трансформаций позволяет достичь наиболее адекватного перевода, максимально понятного читателю. При переводе с английского языка на русский данные трансформации наиболее часто используются для передачи образной информации, выраженной различными стилистическими приемами и фразеологическими оборотами, культурной составляющей произведения (экзотизмы, культурные концепты и аллюзии), а также для реализации стратегии, которую выбирает для себя конкретный переводчик. Перспективы дальнейшего исследования сказок, стилистических особенностей их локализации и лингвокультурной адаптации заключаются в более детальном изучении стилистических переводческих трансформаций, классификации форм их реализации и выявлении паттернов их употребления с последующим применением данных знаний для совершенствования приемов и методов перевода сказочных текстов, максимально точной передачи смысла, заложенного в исходном тексте и, соответственно, достижения наиболее адекватного локализованного перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Академия, 1928.
2. Темкина В. Л., Семенина О. А. Современные подходы к анализу языка художественной литературы // Вестн. Оренб. гос. ун-та. 2013. № 11 (160). С. 72–77.
3. Тульнова М. А. О способах локализации текстов глобальной культуры // Изв. ВГПУ. 2013. № 1 (76). С. 4–7.
4. Ванягина М. Р., Канатаев Д. В. Переводческие трансформации в англо-русском переводе стилистически окрашенной военной лексики // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 1, № 1. С. 13–21.

5. Измайлов А. З. Стилистические трансформации при переводе с английского языка на русский // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2010. № 1. С. 140–145.
6. Анисимов В. Е., Борисова А. С., Консон Г. Р. Лингвокультурная локализация кинозаголовков // Вестн. РУДН. Сер.: Лингвистика. 2019. Т. 23, № 2. С. 435–459. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459>.
7. Цитаты известных личностей // Ru.cityat.net. URL: <https://ru.cityat.net/tsitaty/457475> (дата обращения: 02.10.2021).
8. The Lion, the Witch and the Wardrobe // Royallib. URL: https://royallib.com/read/Lewis_Clive/The_Lion_the_Witch_and_the_Wardrobe.html (дата обращения: 30.04.2021).
9. Льюис К. С. Лев, колдунья и платяной шкаф / пер. с англ. Г. А. Островской. М.: CASCADE Publishing, 2005.
10. Pudding // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения: 02.10.2021).
11. Idiom "Lord love you" // The Free Dictionary. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/Lord+love+you> (дата обращения: 02.10.2021).

Информация об авторах.

Литвинова Анна Артемовна – студентка (4 курс) кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5-Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, теория перевода, медиадискурс, феминистский дискурс, когнитивная лингвистика, гендерная лингвистика.

Степанова Наталия Валентиновна – кандидат филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5-Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурсивный анализ, когнитивная лингвистика, стилистика, межкультурная коммуникация, теория перевода.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 09.11.2021; принята после рецензирования 02.12.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.*

REFERENCES

1. Propp, V.Ya. (1928), *Morfologiya skazki* [Morphology of a fairy tale], Akademiya, Leningrad, USSR.
2. Temkina, V.L. and Semykina, O.A. (2013), "Modern approaches to the fiction language analysis", *Vestnik of the Orenburg State Univ.*, no. 11 (160), pp. 72–77.
3. Tul'nova, M.A. (2013), "About the methods of localization of global culture texts", *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical Univ.*, no. 1 (76), pp. 4–7.
4. Vanyagina, M.R. and Kanataev, D.V. (2019), "Translation transformations in the English-Russian translation of stylistically painted military lexis", *Bulletin of Volzhsky Univ. named after V. N. Tatishchev*, vol. 1, no. 1, pp. 13–21.
5. Izmailov, A.Z. (2010), "Stylistic Transformations in Translation from English into Russian", *Bulletin of the Moscow Region State Univ. Series: Linguistics*, no. 1, pp. 140–145.
6. Anisimov, V.E., Borisova, A.S. and Konson, G.R. (2019), "Linguocultural Localization of Movie Titles", *Russian J. of Linguistics*, vol. 23, no. 2, pp. 435–459. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459>.
7. "Quotes by famous people", *Ru.cityat.net.*, available at: <https://ru.cityat.net/tsitaty/457475> (accessed 02.10.2021).

8. "The Lion, the Witch and the Wardrobe", *RoyalLib*, available at: https://royallib.com/read/Lewis_Clive/The_Lion_the_Witch_and_the_Wardrobe.html#0 (accessed 30.04.2021).

9. Lewis, C.S. (2005), *The Lion, the Witch and the Wardrobe*, Transl. by Ostrovskaya, G.A., CASCADE Publishing, Moscow, RUS.

10. "Pudding", *Cambridge Dictionary*, available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (accessed 02.10.2021).

11. "Idiom "Lord love you", *The Free Dictionary*, available at: <https://idioms.thefreedictionary.com/Lord+love+you> (accessed 02.10.2021).

Information about the authors.

Anna A. Litvinova – Student (4th year) at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5-F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. Area of expertise: intercultural (cross-cultural) communication, translation theory, media discourse, feminist discourse, cognitive linguistics, gender linguistics.

Nataliia V. Stepanova – Can. Sci. (Philology) (2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5-F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, cognitive linguistics, stylistics, intercultural (cross-cultural) communication, translation theory.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 09.11.2021; adopted after review 02.12.2021; published online 24.02.2022.*

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
  - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи»;
  - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
  - сведения об авторах (на русском и английском языках) (1 экз.);
- документы на листах формата А4 (по 1 экз.):
  - распечатку рукописи, подписанную всеми авторами (объем статьи 20 000–40 000 знаков, включая пробелы). К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
  - рекомендацию кафедры (подразделения) к опубликованию (следует указать предполагаемую рубрику);
  - сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих в СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

• *Заголовочная часть:*

– УДК (выравнивание по левому краю);
– авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;

– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;

– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

• текст статьи;

• приложения (при наличии);

• список литературы (библиографический список);

• справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);

– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название (Title);

– аннотация (Abstract);

– ключевые слова (Keywords);

– список литературы (References);

– справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом

конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI (см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.04 – Эстетика;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.07 – Логика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Социология (по научным специальностям):

- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.05 – Политическая социология;
- 22.00.06 – Социология культуры;
- 22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по научным специальностям):

- 10.02.04 – Германские языки;
- 10.02.19 – Теория языка;
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, Н. В. Кузнецова,
Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *Е. А. Орловой*

Editors: *O. N. Artunian, N. V. Kuznetsova,
E. A. Ushakova*
DTP Professional *E. A. Orlova*

Подписано в печать 24.02.22. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 24,05. Печ. л. 23,25. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 8.
Цена свободная.

Signed to print 24.02.22. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 24,05. Conventional printed sheets 23,25. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 8.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5-Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5-F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56